ВОССТАНИЕ И ВОЙНА 1794 ГОДА В ЛИТОВСКОЙ ПРОВИНЦИИ

(По документам архивов Москвы и Минска)

Минск
Общественное объединение
«Молодежное научное общество»
2001

УДК 355.48"179.4"(474.5)(093.3)
ББК 63.3 (4Лит) 51
В 77

Составление, редакция и предисловие кандидата исторических наук Евгения Константиновича Анищенко

Восстание и война 1794 г. в литовской провинции (по документам
В 77 архивов Москвы и Минска) / Сост., ред. и предисл. Е.К. Анищенко.
- Мн.: МНО, 2001. - 210 с.

ISBN 985-6609-38-0

Настоящий сборник впервые знакомит широкую общественность с делопроизводством элиты Российской империи о зарождении восстания. 1794 года в Великом княжестве Литовском, его инициаторах и их идейных замыслах, участии населения в пропагандистских и мобилизационных акциях руководителей движения. Подавляющая часть документов также впервые раскрывает военно-оперативную обстановку на местах сражений, детали самих боевых операций. За редким исключением тексты воспроизводятся полностью.

Сборник адресован историкам, преподавателям, учителям и студентам.

Литературный редактор ведущий научный редактор изд-ва «Беларуская Энцiклопедыя» Ефросинья Павловна Фещенко

УДК 355.48"179.4"(474.5)(093.3)
ББК 63.3 (4Лит) 51

ISBNISBN 985-6609-38-0

(Братьям Николаю и Александру)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник является продолжением (второй частью) публикаций документов о восстании 1794 г. на территории Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое именовалась тогда литовской провинцией независимо от географии входящих в него земель[1].

Это название употребляется в публичных манифестах восстания, которые не говорят ни о государственной суверенности ВКЛ, ни о возрождении или придании этому княжеству статуса белорусского государства. Безусловно, важно знать подлинные документальные свидетельства столь ответственного периода в истории нынешних белорусских земель в момент их полного включения в состав Российской империи. Собранные здесь архивные материалы во многом раскрывают малоизвестные, закулисные истоки и стороны этой инкорпорации.

Буквальное воспроизведение подобного рода документов необходимо для непредвзятой оценки восстания как со стороны специалистов, так и просто любознательных, уже обремененных стереотипами историков и их интерпретацией известных источников. Новые данные всегда видоизменяют традиционные представления. Поэтому составитель не предваряет публикуемые источники собственным экскурсом в историю восстания, а предоставляет сделать это самим читателям. Данный сборник касается многих аспектов восстания: его зарождения, круга инициаторов и их заговорщических планов, идейного смысла освободительных проектов руководителей движения и их реализации, отношения местного населения к пропагандистским и мобилизационным мероприятиям вождей восстания, планирования и деталей боевых операций, оценки оперативной обстановки, сил и ресурсов противоборствующих сторон, характеристики самого духа вооруженного противостояния сражающихся, причин их побед и поражений.

Часть материалов сборника говорит о численном участии крестьян в объединенных ополчениях восстания. Это обстоятельство крайне важно для выяснения позиции местного крестьянства, к которому каждая из воюющих сторон апеллировала в роли спасителя и избавителя и которых лапотному, бесправному мужику приходилось всех одинаково кормить, обеспечивать, повиноваться. Публикуемые здесь распоряжения элиты императорской России превращают в безусловный миф утверждения о ее намерении передать крестьянам имения восставших. Наоборот, российские власти всячески отваживали крепостных от участия в объединительном движении за освобождение своей земли, требовали сохранять покорность своим владель-

цам. Часть публикуемых документов свидетельствует о существовании на местах уравнительных настроений, которые воплощались в ходе восстания и крестьянами и шляхтой в виде привычных наездов и грабежей с разделом имущества. Следует полагать, что эта стихия самозахватов имений и дележа пугала руководителей восстания не меньше, чем их карателей. Однако подневольная крестьянская масса в целом осталась безучастной к кровопролитному столкновению различных освободителей.

В литературе уже сделана попытка определить социальный портрет восстания на основе допросных формуляров почти 2 тыс. пленных повстанцев, которых российские генералы отсылали на следствие в Смоленск. Исследовательница этого вопроса заключила, что треть восставших составляла шляхта и около половины – крестьяне[2]. Это не совеем так, ибо, по нашему определению, только половина (1024) формуляров имеет достаточные атрибуты для подобных манипуляций. По нашим подсчетам, крестьяне составляли 373 (37 %), шляхта – 520 (50 %), мещане – 110 (10 %) участников вооруженных отрядов восстания[3]. Причем выходцами из территории современной Беларуси в этом составе назвались лишь 12 % подследственных, из которых 44 % отнесли себя к шляхте, 36 % – к крестьянам, 20 % – к мещанству. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть ввиду того, что неразработанными остаются целые тома следственных формуляров пленных участников восстания, которые сохранились в собрании военной коллегии Российской империи [4]. Подобные примеры лишний раз свидетельствуют о необходимости критического отношения к устоявшимся мифам и дальнейшего выявления первоисточников.

Материалы смоленского следствия над участниками движения 1794 г. в совокупности хранятся только в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Прежде всего это добровольные показания, как говорил главнокомандующий российскими карательными отрядами князь Н. В. Репнин, пленных “шефов и начальников революции”, от которых требовалось на очных ставках и перекрестных допросах „доказать друг другу все зверства их злодеяний”[5]. Из материалов смоленского дознания опубликованы пока только признания вождей восстания[6]. С остальными активистами тот же Репнин советовал поступать „согласно с народным правом, особенно с правом войны”[7]. Как осуществлялось это истребительное право, рассказывают помещенные здесь документы, взятые из собраний Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Небольшую часть сборника составляют судебные акты восставшей территории, которые хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) в г. Минске. Последние чаще передают лишь отголоски событий по памяти действующих лиц и в этом отношении не выделяются зеркальным отраже-

нием происшедшего, что, впрочем, не умаляет их достоверности.

Все документы размещены в хронологической последовательности в соответствии с их датировкой. Исключение составляют лишь те, которые своим содержанием вписываются в конкретную канву событий и имеют для этого либо косвенные либо определенные показатели и атрибуты.

В свое время манифесты восстания писались и оглашались исключительно на польском языке. Ни в существующих публикациях[8], ни в изученных нами архивохранилищах не имеется ни одного публично-правового акта восстания на белорусском языке. Практически все тексты манифестов восстания заимствованы в данный сборник из собраний военного ведомства России, куда они отсылались сразу же с мест перехвата в переводе на русский язык с приложением самих оригиналов. Судя по рапортам генералов, эти тексты попадали к ним от курьеров, лазутчиков, доносителей, пленных. Практически все переводы сделаны без указания исполнителей. Для проверки надежности их переводов редактор настоящего сборника предпринял попытку перевода оригинальных (польскоязычных) текстов на русский и белорусский языки[9]. Результаты сравнения показывают, что толмачи походных канцелярий российских генералов достаточно полно и точно передавали как суть, так и образную конструкцию исходных источников. К их переводам можно относиться с доверием. Если перевод выполнен редактором сборника, это отмечается специально.

Составитель выражает искреннюю благодарность за подготовку сборника многим лицам, но особенно выделяет бескорыстие любезных Е. Фещенко, А. Шкирич и меценатское подвижничество И. Маньковского.

1. Восстание и война 1794 года в литовской провинции. М., Че-Ро, 2000.

2. Макарова Г. В. Новые материалы о пребывании участников движения Т. Костюшко в России // Славяноведение. 1994. № 3. С. 48.

3. РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 5, л. 14 – 99 об.

4. РГВИА, ф. 41, оп. 1, д. 266 – 268, 275 – 278.

5. РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 2, л. 109.

6. Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1867. Кн. I.

7. Сборник императорского русского исторического общества. СпБ, 1875. Т. 16. С. 89.

8. Woltanowski A. Nieznana poezja litewska powstania Kosciuszkowskiego // Studia podlaskie. Bialystok, 1996. T. 6. C. 151 – 165.

9. В частности, воззвания 9 мая к обывателям ВКЛ и российским солдатам от 13 мая опубликованы в белорусской газете "Культура" (статья «На Вільна са шпагай».8 – 14. 11. 1995). В той же газете помещен белорусскоязычный перевод воззвания К. Неселовского к народу и универсал виленского совета восстания к земледельцам от 31 апреля 1794 г. (статья "Адозвы літоўскага паўстання". 28. 5. –3. 6. 1996).

№ 1. 28 февраля 1794 г. Отчет господину генералу Игельстрому, подготовленный человеком, которого он направил в Литву

Передавая предыдущее послание, у меня не было никакой другой цели, как избежать пролития невинной крови. Для того, чтобы постепенно изучить взгляды и лиц, которые задействованы в этом заговоре, я дал слово, что использую все возможные средства для достижения этой цели и представлю подробный точный отчет о результатах моих наблюдений. Исходя из этого принципа, я испробовал всё, чтобы достичь моей цели. Должен признать, что мне бы это не удалось, если бы я не записался в список тех, кто входит в состав этого обновленного общества.

Оказавшись среди членов общества, я постарался постепенно войти в доверие к моим коллегам. Между тем, те вопросы, которые стояли передо мной, вместо ответа находили чаще всего лишь двусмысленные экивоки и трудно разгадываемые загадки. Следует добавить, что письменное наставление, которое требует строжайшего соблюдения секретности, не позволяло мне ставить вопросы напрямик. В этих стесненных условиях, оставшись один с моим братом, я решился, пообещав ему полнейшее неразглашение секрета, спросить у него, кто же эта особа, которой мы так слепо доверяем наши жизни и наше достояние ? Заслуживает ли эта особа того, чтобы ей так доверяли, и не входит ли она в число тех магнатов, которые строят собственное счастье на всеобщем бедствии и которые во имя достижения своих целей готовы отправить на бойню миллионы людей?

Мой брат, отвечая на мое доверие, раскрыл столь тщательно охраняемый секрет и сказал, что по слухам этой особой является Костюшко, генерал-лейтенант. Действительно, ранее я об этом нигде ничего не слышал. Однако, во всех следующих беседах, которые я вел со многими лицами, слова брата о Костюшко лишь находили свое подтверждение. Собеседники упоминали это имя с энтузиазмом. Что же касается браминов, то мой брат сказал мне, что о них он ничего не слыхал. Затем я спросил у брата о числе участников организации. Он ответил, что речь идет о нескольких десятках тысяч и что сторонники этой организации имеются почти по всей территории страны, во всех более или менее крупных городах Курляндии и Ливонии. Говорят, что много участников находится в Вильно и Гродно.

Расширяя круг своих интересов, я спросил у брата, что является целью участников организации. Он ответил мне, что цель состоит в том, чтобы освободить родину от врагов, установить права человека и наказать предателей.

Кто из известных людей страны принимает участие в организации? Точно установить это невозможно, но по слухам это господин Неселов-

ский, новогрудский воевода, и его сын, который стоит во главе местной организации, Солтан, который живет в Дятеле, Кимбар, избранный в последний сейм, а также большое число военных, фамилии которых неизвестны, многие из академии в Вильно и из академии артиллерии, которые имеются в этом городе, - короче говоря, число участников должно быть весьма значительным.

Существует ли определенное место, где собираются участники организации? До настоящего времени такового не было, однако оно, бесспорно, появится, так как в противном случае участники не смогут собраться вместе и, между тем, вскоре ожидается новое наставление. Откуда появилось первое наставление? Из Волыни. Вначале оно появилось в печатном варианте, неизвестно, правда, в какую типографию они обращались. Затем наставление стали распространять в рукописи в Гродно люди из сейма.

Таковы сведения, которые мне удалось собрать от различных лиц. Я излагаю их здесь максимально точно. К сему прилагаю и одну находку попавшую мне в руки. Вот она. Есть в Гродно рабочий-жестянщик по фамилии Лабенский, с которым я лично беседовал как участник организации. Этот человек хвастался, что благодаря его стараниям число сторонников организации в Гродно увеличилось почти на четыреста человек.

Желая оставаться полезным и надеясь получить новые сведения о предмете (тем более, что эта организация пока не кажется опасной, так как все свои надежды связывает с успехами французов), я буду оставаться в составе этой организации до получения дальнейших распоряжений.

Прилагаю также точную копию наставления, которое имеется у каждого участника организации. То, что я прислал ранее, было написано по памяти и теперь утратило свое значение.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1369, л. 68 – 68 об. Подлинник на французском языке. Перевод на русский Леона Козыры.

№ 2. 28 февраля. Письмо барона О. Игельстрома П. Зубову с уведомлением о существовании заговора в Литве по доносу лазутчика

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Стороною дошедшия до меня известия, упомянутыя уже мною в письме вашему сиятельству от сего же числа под № 43 о заговоре в Литве, клонящемся к поднятию в здешнем краю возмущения, заставили меня употребить старание к изысканию человека надежного из самих поляков, коему бы можно было препоручить сделать нужныя разведывания. Успев в отыскании такого, я отправил его в Вильну. Возвратясь ныне оттуда, какия доставил он мне сведения по его откровении, о оных перевод имею честь препроводить на раз-

смотрение вашего сиятельства. Из бумаги сей изволите усмотреть, милостивый государь, что по объявлению сего конфидента, общество, к возмущению склонное, составляют немалое число и что оное имеет даже соучастников в Курляндии и Лифляндии и что в оном есть постановление особым знакам, по коим состоящие в обществе могут познавать друг друга. Об оных откровение делает прилагаемая у сего же бумага под названием Индиец. Бумагу сию отыскал и доставил ко мне преподатель же вышеупомянутых известий. Найдена оная же между бумагами содержащегося ныне под стражею шембеляна Венгерского, что обличает его, что он принадлежит к тому же обществу. Сколько, впрочем, достоверны все сии известия, откроет время и я всемерное приложу тщание обнаружить истинну злоумышленников.

Между тем, не благоугодно ли будет вашему сиятельству приказать также сделать тайныя разведания и присмотры в Курляндии и Лифляндии — не обнаружатся ли и там действительно подобные же следы, а я с моей стороны сообщу о том князю Николаю Васильевичу Репнину и князю Юрию Володимировичу Долгорукову, равно и Тимофею Ивановичу Тутолмину.

Имею честь быть с истинным высокопочитанием и совершенною преданностию, вашего сиятельства, милостивого государя всепокорный слуга Отто барон Игельстром.

... Недавно гетман Косаковский получил из Вильны анонимный лист, что 15 марта (новый стиль) начнется в Литве революция. Я не верю, а Косаковский ручался, что все офицеры литовской армии "всегда послушны".

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1369, л. 57 — 58, 67.

№ 3. Тайное наставление к руководству подготовкой восстания в Литве под названием Брамин или Индиец

Выписка из моральных книг великого бога, индийского философа, своим единоверцам в качестве правила жизни поданная.

I статья. Правда выше и светлее всего. Ее нельзя увидеть смертным глазом даже в день великой радости, печали и славы. Беда дерзкой душе пожелавшей проникнуть сквозь время к ее таинствам. Беда тому, кто невооруженным глазом посмотрит на нее: лучи света ослепят его и, подобно мрачной сове, низвергнут в пропасть лжи и тьмы, но все верные увидят великий день, высший свет покроет их и тогда высшая мудрость снизойдет к всеобщему употреблению, а правда станет единой для всех.

2. Мудрость. Великий папа один наивысший и бессмертный. Ему одному ведомы дороги правды. Берегись, смертный, гадать о его величии, ибо если его и постигнешь, он не окажется чем есть: язык твой смешается, а брат твой убьет тебя. Молчи и жди покорно его велений. Твой дом,

твоя челядь ничто в сравнении с ним. Посвяти ему все, ибо великий день не засветит тебе. День тот – это день послушных и равных.

3. Равенство. Беда слепцу, который сам не знает пути, а хочет руководить теми, кто его строил. Великий папа разлил море и лужи на одном уровне. Беда тому, кто захотел бы воспротивиться его приказам.

4. Любовь есть мать света. Твой сердечный палец будет лозунгом братства. Подай его, пусть твой брат сожмет его своими двумя крайними, а сердце ваше вознесется к Великому папе. Люби врага своего, покажи ему дорогу мудрости. Папа ему без тебя день определил.

5. Справедливость жаждет терпимости в чужом доме. Пусть золотая монета всегда будет при твоем теле, чтобы иметь чем заплатить за невинный вред. Определи себе монету для взаимности, ибо так поступают справедливые.

6. Просвещай брата своего, покажи ему дорогу великой правды, чтобы не один ты пользовался великим днём. Счастлив тот, у кого друзей ровно столько, сколько пальцев в руке. Число пальцев это число Великого папы.

7. Пусть онемеет язык твой, пусть не тронется рука твоя, если брат твой, познав твое нечистое сердце, убьет тебя. Счастлив тот, кто молча плывёт с водою – великий день явно утешит его.

8. Зря надеешься, если прешься лицезреть великий день. Мудрость сама явит его, а Великий папа сам покажет тебе его. Старайся лишь не проспать своего часа. Тень великой иглы долго не стоит на месте.

9. Оружие твое пусть будет готово на защиту великой правды. Не медли, если голос облака с востока скажет, – иди. Беда тому, кто замешкается.

10. Знак счастья твоего даст о себе знать голосом неба и речами – Алла, алла, мудрость великая, папа, папа – стань при старшем брате твоем и ясность правды охватит тебя, а папа уже будет пред тобою.

Эта мораль великого философа столь почитаема индийцами, что ее читают, знают, а не подобает слышать ее только самим браминам, которые ее создали. А того, кто первым имя Великого папы вспомнит и не имеет знака братства, того первый присутствующий брат убьет на месте и то будет наилучшей жертвой на алтарь великой правды, как об этом пишет славный ксендз – езуит Кирхер следующим образом.

“Индийцы, говорил он, судятся опутанные злым гением, который уничтожает их жатву, портит воздух, жен их делает неверными и в души их властно вливает медленно яд заразы. Уже давно погибла бы Индия, но есть другой добрый гений, который, будучи покорен злым в сражении, прячется на севере, откуда некогда вернется с великою силой и навсегда погубит своего врага”.

С этою целью набожные браминцы учредили союз, первым правилом которого есть секрет, ибо они боятся, чтобы злой гений не обнаружил своей гибели и не повредил. Среди разных их правил имеются следующие.

1. Брат (так они именуются), вступая в союз, пред старшим своим братом присягает, положив руку на грудь, в том, что с этой поры отрекается от кровных, имущества, друзей, амбиций, никого не желает признавать над собой, кроме доброго гения, Великого папы и по его приказу жизнь отдаст, что ничего в жизни не жаждет и, если потребуется, родного брата не пощадит.

2. Каждый брат да убоится где-либо упоминать имя великого бога и интересоваться, где он прячется, гласно гадать о светлом союзе. Всякий брат, услышав это, на месте убьет его и это будет равносильно милой жертве на алтарь великой правды.

3. Каждому брату надлежит статьи великого философа, лично рукой переписанные, носить при своем теле. Это будет лекарством от яда для его души.

4. Если один брат пожелает отличить другого, является ли тот членом своего союза, то приветствует его вытянув малый палец правой руки. Противный отвечает, стиснув его двумя, большим и крайним правой руки и опустив глаза в землю в знак уничижения пред тем, кто хозяин их жизни, доли, имущества и души.

5. Брат никогда не может тронуться с места, не имея при себе этой золотой штуки чистого золота, ибо считай, что это единственный способ победы над врагом. Если же в толпе ищешь брата, то достань золотую штуку, а другой, пожелавший с кем-либо познаться, должен достать свою. Оба молчат и тешатся пониманием.

6. Каждый познанный брат несовершенен, пока не заимеет прозелитов, а то необходимо для создания прочнейшего союза против общего врага. А сотворится это таким образом. Познав в человеке крепкую и отважную душу, суди с ним об утеснении верных душ злым гением. Когда найдешь его среди сочувствующих, то дай ему прочесть статьи философа. Человек, говорят индийцы, которого добрый гений возжелал в свой союз, тогда сам усмотрит путь великой правды и будет просить руку, чтобы на пути к ней не заблудиться. Тогда старший брат даст ему переписать статьи и научит его обязанностям, а более всего молчанию.

7. Никогда ради праздного любопытства брат не станет искать известных товарищей своего союза, а другой, осторожный, брат тогда только на поданный знак ответит, если уверен в характере и сердце опрошенного.

8. Индийцы оружия из любви никогда не употребляют, но каждый брат всегда должен иметь наготове хорошо обеспеченное оружие, ибо не знает, когда будет повергнут.

9. Каждый брат должен быть отличим, чтобы только злой гений не открыл созданного против его союза, а для того может знать своих сообщников кроме тех пяти, которых сам преклонил. А имена тех не могут быть иными, как только 1, 2, 3, 4, 5 и о существе союзе с никем, кроме своих прозелитов, нельзя говорить, а когда пишет своим, то подписывается 1, 2, 3 и так далее, как кому определит брат.

10. Статьи великого философа надлежит читать и рассуждать не менее как раз в 5 дней.

11. Индийцы так почитают те статьи, что даже брамину, который желает другого наклонить или сделать прозелитом, не стоит ничего другого говорить, а достаточно лишь дать прочесть статьи. А если он в сомнении спросит, то ответит только — читай ещё раз ради ясности, ибо кто сам их не постигнет, тот не из числа избранных Великим папой.

12. Повторяют индийцы, что Великий папа имеет список всех, кто принадлежит к тому союзу и что при победе имена их будут записаны на стенах костела правды.

13. В великий день, говорят они, папа неизвестным способом станет во главе их, определит каждому его обязанности, которые надлежит исполнять в слепом послушании. Тогда исчезнет злой гений, а на его месте будет воздвигнут костел вечной правды, мудрости и согласия.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1369, л. 70 – 76 об. Текст на французском языке. Библиотека Ягеллонского университета в Кракове. Рук. № 2970. Текст на польском языке. Перевод на русский язык ред. Белорусский перевод см.: Анішчанка Я. Статут жыцця Ясінскага // Маладосць. 1998. № 2. С. 223 – 226.

№ 4. 25 марта. Универсал Т. Костюшко земянским генералам о начале восстания и формировании всеобщего ополчения

Тадеуш Костюшко, начальник вооруженной народной силы. Сим открытым повелением вообще всем предписываю, чтоб по прочтении оного все воеводския генералы, командующия войсками республики польской, выступив в поход, соединились и составили корпус. В походе, ежели можно, атаковать неприятеля и о состоянии своем меня уведомить. Подтверждаю при том вооруженный народ принять, а других преклонять к вооружению и чтоб соединялись с вами. Духовенству внушать о побуждении народа к защищению Отечества, а желающих брать с собою.

Дано в главной квартире в Кракове 25 марта 1794 г.

РГАДА, Ф. 7, оп. 2, д. 2869, часть 2, л. 213.

№ 5. 5 октября. Из допроса в смоленской следственной комиссии аббата Иосифа Охотского относительно инициаторов заговора в Литве

... в декабре же месяце прошлаго года показывал Вечфинской, которой был ему приятель и уже умер, письмо, полученное от Костюшки, такого содержания. "Редкий гражданин! Я знаю приверженность твою к Отечеству. Можно ещё возстановить оное, ежели соединимся все. Ожидаю ответа. Т. Костюшко". Сие письмо Вечфинской получил от Прозора, обознаго литовскаго, которой и в новоприобретенных российских областях имеет деревни, и склонял его неоднократно, как своего приятеля, чтоб взялся произвести в дело подписки о денежной складке и вооружении обывателей, а после давал ему и манифест, в Польше составленной без числа будто и без подписания, содержащей в себе возражение на забрание края в противность тарговицкой и гроденской конфедерации, чтоб объявить оной между жителями, но он будто ни на то, ни на другое ни тогда ни после не согласился.

По смерти же Вечфинскаго, чему надлежало случиться в марте, будучи в монастырской деревне Шепелицах, получил он на имя Вечфинскаго пакет, в котором нашел четыре письма надписанные генерал-майорам окружному и линейных войск и, распечатав одно, читал в нем следующее. "Теперь провидение представляет благоприятный случай возстановить наше Отечество. Соединяйтесь, достойные соотечественники, приведя себе на память наших предков. Я буду предводительствовать Вами и не пощажу ничего, ни трудов, ни собственной моей жизни. Т. Костюшко". Но сии письма, не делая из них сам никакого употребления, отдал он Бернацкому будто с тем, чтоб он их сжег, против чего Бернацкой на очной ставке уличал Охоцкаго, что, может быть, и сказал он, что лучше сжечь, но промолвил при том — делай с ними что хочешь. Однако, думает Охоцкой, что Прозор и Вечфинской, ежели бы сей не умер, были теми начальниками, коих именовал Костюшко.

Что Прозор с Вечфинским, действуя совокупно, употребляли еще Косинскаго ради склонения как панов, так и новоподдавшихся России польских войск в свое единомыслие и для того сперва сам Вечфинской, которой ревностно старался о конфедерации, когда жив был, а потом Косинской ездили в Украину и, как он слышал от Косинскаго, имели успех в склонении на свою сторону новоподдавшихся бывших польских войск. И с помощию их открылась бы конфедерация в кордоне российском, ежели бы Костюшко не ускорил вызывом своим оных за границу, а потом не приняты были меры оставшихся за побегом отдалить от пределов внутрь земли, отчего самого и обыватели остались спокойными.

Косинской показывал ему сочинение печатное под имянем Брамина, в коем описывалась братская связь индейцев и способ узнавать сообщника своего, показывая червонец и сжимая его между двумя пальцами.

Тут же упоминалось, чтоб каждой прозелит или вновь обратившейся подговорил к себе верных и искренних по крайней мере четырех человек и убивал того, которой бы вздумал изменить. Во оном же сочинениі содержалось и о цыфрах, чтоб каждой мятежник присвоил себе какую-нибудь одну, дабы оной знать его можно. А в переписках между собою уговорено было, как он слышал от Вечфинскаго, употреблять слова: вместо войск — документы, вместо обывателелей-свидетели в кондесенции (вроде суда польскаго), вместо пуль — горох, вместо пороху — крупа, вместо пушек — карцы (мера польская).

А в дополнительных показаниях своих придал еще и сие. Что в Литках спрашивал у него Косинской-имеет ли он, 0хоцкой, браминово сочинение? И когда ответствовал, что оное сжег, то говорил ему — неужели вы хотите нам изменить и ежели так, то вы опасны в своей жизни. Причем разсказал о случившемся в Литве произшествии, что однаго хотели убить и что он спас себя только учиненною вторичною пред евангелием клятвою. И Охоцкой будто потому переписал большую часть Брамина, котораго притом Косинской толковал порутчику Копецу.

Косинской сказывал ему еще в исходе генваря, что Прозор, с коим Охоцкой, так же как с Вечфинским, жил дружно, поехал в Дрезден к Костюшке для условия о конфедерации. Потом, когда возвратился Косинской от Дзялинскаго, то объявил, что видел у Дзялинскаго таблицу символическую для употребления слов иносказательно, что в пользу конфедерации польской дадут французы помощь, что России объявлена война от турок и шведов, что конфедерацией управлять будут именитые люди, что между тем носились уже в народе слухи о Костюшке, коего считали быть в немецкой земле либо в Риме или же в Саксонии, также и о войне России с турками и шведами. А притом происходил ропот о том, что обыватели, будучи подвержены голоду, долженствовали давать содержание российским войскам.

Сверх того признался, что дважды пересылал письма между Вечфинским и Прозором, что подал о конфедерации, но не донес из сожаления о свои земляках и их опасности, не был убит по содержанию положеннаго в сочинении Брамина условия и потому, что Вечфинской уже умер, что Косинскаго представлял Богушу, старосте любецкому, дополняя после, что при сем случае Косинской назывался секретарем короннаго казначейства, и что Богуш, охраняя себя и иных в том, что знал о возмущении, говорил ему, Охоцкому, чтоб ни о ком не сказывал и о поезде Косинскаго в Украину писал к Прозору, что одинажды сам подписался к нему вместо подлиннаго имяни Аллегро, что получил из Варшавы в феврале месяце

газеты и со оными письмо Прозорово, где вместо его имени подписано было Агафья, такого содержания, будто король выехать хочет из Варшавы, только его не выпускают, будто войски российские хотят завладеть арсеналом, а польския будут распущены, только оныя не допустят себя обезоружить, и будто многие обыватели взяты под караул, что письмо сие вместе с газетами показывал он и обывателям, но что прочих прозоровых писем, которые получал от Прозора, Вечфинскаго и Косинскаго, не объявлял никому и все оные тотчас сжег, кроме отданных Бернацкому. Также к подпискам о выборе между обывателями начальника, о вооружении их и о зборе денежном не приступал, сколько о том ни просили и не убеждали его Прозор, Вечфинской. А по смерти последняго Косинской, которой, как после в дополнительных своих показаниях Охоцкой объявил, убеждал его и так: что виленской прелат Богуш более 10000 собрал, а вы не хочете делать складку, и в том шлется на всех обывателей Овручскаго повета. ... что в письме Косинскаго, чрез Бернацкаго доставленном, чернилами писано о приискании ему какого ни есть в повете владения, а молоком, что с трудностию мог разобрать, писано, чтоб он приложил старания о складке и что Мадалинский зделал конфедерацию и имеет слишком десять тысяч войска, что Костюшкины письма отдал он Бернацкому и приказал сжечь, сказав о чем ему самому, брату его, а потом, напомянув и не знавшему о сих письмах шембеляну Павше, чтоб были сожжены, обязав его, последняго, при выезде своем в Несвиж просьбою, дабы нарочно побывал у Бернацкаго и, ежели ещё те письма не сожжены, чтоб непременно сжёг.

Что при отдаче ему Оскиркою писем из Литвы, от Костюшки и от Прозора полученных, оставил Оскирка у себя одно и, списав с наставления копию, прочия отдал ему. А когда он спрашивал у Оскирки, что со оными делать, ибо Вечфинской умер, то сей отвечал — что угодно и отдайте кому угодно. Итак, из копий списал он, Охоцкой, якобы одну кратчайшую, в которой, сколько может помнить, было сказано, чтоб рапортовать, сколько польского войска, сколько российского и сколько амуниции, а о месте куда рапортовать, после дано будет знать. На революцию же обещано 12000 червонцев, но неизвестно откуда. И после того Охоцкой, будучи в нетрезвом состоянии, как в дополнительных своих показаниях объявил, послал копию с однаго письма костюшкина без инструкции и ради однаго только любопытства в Чернобыль к приору доминиканскому Силичу, которой бывал у него в деревне Шепелицах.

О шембеляне Тадеуше Павше объявляет, что не уговаривал его к принятию ни тайны о конфедерации, ни письма костюшкина на чин поветоваго генерала майора, но что сей Павша не мог не знать о конфедерации от Вечфинскаго, у котораго часто бывал и с ним переписывался.

... первое же его письмо одинакого содержания Прозором получено, ибо от него из Хойник был неожидаемо краткой ответ, извещающей Охоцкаго, что до него дошло уведомление о Дзялинском, о смерти Вечфинскаго и о выступлении бригады Мадалинскаго...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 30 – 33.

№ 6. 5 октября. Из допроса в смоленской следственной комиссии житомирского регента М. Бернатского о происхождении заговора в Литве

... что познакомившись с Косинским дватцать пятого марта в Лесовщизне, в бытность обоих их у владельца сего места Павши, поехал с ним вместе в Варшаву и тут Косинской сказывал ему, что будучи употреблен Прозором, яко участвующим в польской революции, был он в Украине у некоторых польских войск, также у Дзялинскаго в Бердичеве и в Радомысле у подсендковича Вечфинскаго, котораго, нашед умершим, забрал все письма, разные бумаги, Прозором к нему писанные относительно революции. На пути своем к Варшаве обедали они в Овруче у аббата Охоцкаго, которой и он, Бернацкой, просили исправника Охоцкаго о даче ему, Бернацкому, до Варшавы, а Косинскому до Сигневич, деревни состоящей в Литве, или города Бресца -Литовскаго, пашпортов. Почему Охоцкой, таковые пашпорты им написав, подписал и со оными, по засвидетельствовании их находящимся в Овруче майором Лагерсвердом, выехал он вместе с Косинским в Сегневичи, где нашли накануне их прибытия приехавшаго Прозора.

Прозор сказывал им, что прибыл из Дрездена или другаго места, какого обстоятельно не упомнит, что революция начало свое возимела восемнацтаго марта в Кракове, что оная долженствовала иметь вспомоществование от Дании, Швеции, Турции и Франции. Причем просил Прозор его усильнейше, чтоб он как можно скорее возвратился к аббату Охоцкому и, естли найдет там камердинера его, отправленного к Вечфинскому с письмами, то оныя, взяв у Охоцкаго, ежели сей сам не отправил, доставил бы найскорее житомирскому стольнику Гурковскому, у коего Косинский был в доме и коротко ему знаком, для того, что он употребит их лучше.

Бернацкой, удовлетворяя прозьбе Прозора, возвратился в Овруч и, получа от Охоцкаго пять писем Костюшки без надписей, план краковской конфедерации, по которому во всех воеводствах и поветах надлежало произвесть возмущение, и инструкции долженствовавшим быть в воеводствах и поветах генерал-майорам, в которых, между прочим, как после Бернацкой дополнил, содержалось сие, дабы поветовые генералы приискивали

людей к высылке в Малую и Белую Россию для возмущения прежде присоединенных к России жителей, приехал в деревню Молчанову, в Браславской губернии состоящую, 18 апреля и отдал оные Гурковскому..

... в бытность Бернацкаго в доме у Прозора сей показывал ему целой лист, исписанный разными фамилиями тех, коим надлежало участвовать в возмущении, но он ни прочитать их, ни хорошо его увидеть не успел. Во время же пути его с Косинским, быв у старосты любецкаго Богуша, получил от него Бернацкий девятнатцать червонцев под видом покупки в Варшаве, но оные должны были обще им с Косинским принадлежать на дорожные расходы для доставления из Сегневич или из Варшавы известия о произшествиях польской революции. Из взятых на дорогу денег от старосты Богуша девятнадцати, от шембеляна Павши двадцати, от подкаморжаго Тадеуша Немировича двадцати девяти, а всего шестидесяти осьми червоных, в Сегневичах дано им Косинскому пятнатцать червонцев, потому что от аббата Охоцкаго получил он сам тридцать червонцев.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 37 – 39 об.

№ 7. 12 октября. Из показаний в смоленской следственной комиссии литовского стражника Я. Оскерки о первых лицах литовского заговора

Хотя Прозор по знакомству был у него в декабре месяце 1793 года, и обращаясь всегда в Варшаве и в Вильне, имел случай осведомляться о таинственных действиях от тех, которые помышляли произвесть в Польше конфедерацию под начальством Костюшки, однако ж каким образом долженствовало совершиться сие предприятие содержал втайне с крайнею твердостию. Вечфинской же, сам ли собою или чрез Прозора, обязан был уговорить войски, за кордоном находившияся. Было одно только предположение, а был ли в том успех он, Оскирка, не знает, ибо они секретно между собою о том сносились, не имея веры к тем, которые не соглашались на предприятое ими. Однако ж в ту пору успех еще был сомнителен, потому что Вечфинской заболел и в Радомысле умер, а Прозор, не ведая о смерти Вечфинскаго, плыл лодкою по реке Припяти в свою деревню Хойники. Уведомившись же, что Вечфинского уже нет в живых, и опасаясь, чтоб не быть пойману российскими войсками, из дому уехал. Причины же укрывательства Прозорова, его предприятий, с кем он и какия имел сношении и был в единомыслии он, Оскирка, не знает, ибо с ним, по прибытии в Хойники, не видался, а вышеизъясненное слышал от Прозора.

... а другое письмо шляхтича Леоновича, уведомляющее его, Оскирку, что в Слуцком повете готово посполитое рушение, и третие, писанное от двадцать

другого февраля поверенным ево Кмитою, что многие говорят — уповаем на провидение — означали желание, чтобы возстановить опять Отечество и что для того делается посполитое рушение. Слова же о моровой язве, в сем последнем выраженные, знаменовали то, что Россия, в предупреждение войны от турок и шведов, занимает границы своими войсками.

Сверх того, при случае найденной у него речи к обывателям, говоренной им во время бытности его послом от Мозырскаго повета, и конституции третьего мая, повинился, что Прозор писал к нему, Оскирке, что в Польше произойдет революция и что прошлаго 1793-го года в ноябре месяце ходил по рукам в Мозырском повете письменной Костюшкин универсал, чтоб совокуплялись обыватели для возстановления Отечества и сей универсал получил он, Оскирка, от Прозора чрез почту, а хорунжей стародубовской Ельский писал к нему, Оскирке, о той конфедерации, которую производил Костюшка в Краковском воеводстве и во оной сам Ельской принимал участие.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 64 – 65.

№ 8. 12 октября. Из свидетельства на смоленском следствии подкоморого Т. Немировича относительно руководителей литовского заговора

... Косинской, будучи у него, говорил, что Костюшко, Малаховский, Колонтай и Чарторижский уже находятся в Кракове и будут в Варшаве, а в Вильне Прозор, Дзялинской, Еленской, Солтан и Богуш на страстной неделе разпространят революцию во всех местах и, когда усилятся обыватели, то оттуда отправятся в Люблин, в Волынь, в Луцк, в Киевское воеводство, в Житомир, Овруч и Мозырь, а обывателям надлежало быть в готовности, что в российском кордоне долженствовали распостранить революцию Дзялинской и Велевейской, что бригады пошли за границу Пинская, Лазинскаго и Кублицкаго, и пробились чрез российская войски в польской кордон и что Лазинской, взяв у графа Салтыкова деньги на заплату бригаде и обмундирование оной, с ними и войском ушел за границу. Мятежниками же приняты были такия меры: что из котораго города выступило бы российское войско, то обыватели поспешно долженствовали, туда прибыв, распространить конфедерацию и избрать начальников. И тайна о сем столь крепко хранилась, что ежели бы и рубашка узнала, то и оную надлежало бы сбросить.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 66 – 66 об.

№ 9. 12 октября. Из показаний на смоленском следствии шембеляна Т. Павши об истоках и инициаторах заговора в Литве

... ему, Павше, Косинской открыл важность дела о революции, взяв с него клятву, чтоб никому того не объявлять под страхом смертным, и показав при том мятежническое сочинение, имянованное Брамин, и росписку, писанною Костюшкою к Прозору следующего содержания: "Добродетельные граждане. Соединяйтесь с чувствами честных людей, ибо теперь предстоит случай возстановить Отечество. Костюшко". Что потом поехал Косинской с ним, Павшею, к Вечфинскому, от него к Хоржевскому, и говорили тут при Пентковском по предложению Косинскаго о складках денежных на подмогу войскам. От Хоржевскаго поехал Косинской с Пентковским к Гурковскому, дабы сей с помощию трех своих братьев, находящихся в военной службе, разгласил в войсках, что 15 марта будут от них отбирать оружие, но чтоб они не отдавали онаго и бежали б за границу, что по возврате от Дзялинскаго Косинской сказывал об нем, что примет над войсками команду вместе с Прозором, что умершей Вечфинской по желанию Прозора ездил для склонения жителей в свой заговор по всему Киевскому воеводству, но кого вовлек в соучастие своего преступления, о том Павша от него не слыхал. Только известно ему сие, что все те, которые соглашались, должны были дать клятву, что умершей Вечфинскй сказывал ему, Павше, что он соглашал к конфедерации из своих знакомых Пинской бригады поручика Копеца, хорунжаго Колбу, житомирскаго судью Дубровскаго, Христофора Чайковскаго, генерала Ерлича, Гержинскаго, подкоморжаго житомирскаго, и Гурковскаго, котораго просил при том, чтоб склонял других. Что от него и от Косинскаго слышал он еще о намерении польских мятежников произвесть возмущение не только в новоприсоединенном краю, но в Белоруссии, Малороссии и во всей России.

... После тарговицкой конфедерации, когда многие из поляков ушли в Дрезден, начали они там старатся о постановлении плана для всеобщей революции. Князь Адам Чарторижской, Малаховской, бывшей маршалок сейма 1790 года, стольник коронный князь Чарторижской, которой был во время сего сейма посланником у пруского двора, князь Казимир Сапега, бывшей маршалок литовской, генерал Зайончик, Костюшка, Колонтай, Станислав Потоцкой, Солтык, вся фамилия Чарторижских и Малаховских, Ельский и Лядуховский были из первейших в сей работе. А потом пристал к ним и Феликс Потоцкой, бывшей маршалок тарговицкой конфедерации, и дал на вспоможение наличными деньгами пять милионов злотых, да еще кредитов для получения из голландского банка двадцати милионов. План сей рево-

люции состоял в том, чтоб возмущение произвесть вдруг в Кракове, Варшаве, Вильне и в российском кордоне, дабы возстановить конституцию 3 мая и возвратить назад присоединенныя к России и Пруссии провинции. Дрезденской двор содействовал тому сильно, ибо имел намерение саксонскую инфантину браком сочетать римскаго императора с братом, котораго желали учинить польским королем, дабы революции сей сделать постороннее подкрепление. Те польские выходцы, пребывавшие в Дрездене, искали союза в Швеции, Дании, Турции и во Франции и того ради в Стокгольм ездил князь Адам Чирторижской под чужим имянем, которой был и в Лондоне. После же того посылан был туда и другой некта, но его имени не помнит. В Константинополь с начала торговицкой конфедерации поехал молодой человек имянем Аксак, но, по словам Косинскаго, и туда надлежало послать нарочнаго. Во Францию послали они Барса, Колонтая и Вейсенгофа и от оной при начале революции надлежало получить на вспоможение семнадцать миллионов ливров, с которыми присланы будут оттуда два комиссара. Кто были в Дании — о том не слыхал, но о императоре князь Чарторижской отзывался, что он способствует их намерению и для того попустит пятнадцати тысячам венгров совокупиться с поляками и на случай, буде российской двор о том спросит, имел предлогом ответствовать, что они взбунтовались и он не имеет способов их усмирить. От турок, шведов и датчан надеялись иметь помощь и первые хотели объявить России войну тогда, когда в Польше откроется возмущение. А шведы обещали помогать военными снарядами, доставляя их в Польшу чрез Курляндию.

Для разпространения сего возмущения в Варшаве учрежден был клуб, в котором были сильнейшими два брата Дзялинских, Лядуховской, Мокрановской и Капустас и от котораго посыланы были нарочные в Париж, в Константинополь и в Стокгольм, а в Россию, для возмущения закордованного края, Дзялинской и Прозор. И сей то самой клуб производил все сношения как вне, так и внутри Польши. Об нем нельзя было не знать барону Игельстрому, потому что был у него под стражею приехавший из Парижа Мостовской, у коего найдена якубинская шапка и пика. По предложению сих мятежников надлежало Костюшке разбить соединенныя войски и тогда в Кракове созвать сейм Малаховскому, Чарторижскому, Сапеге, Колонтаю и, одним словом, собраться тут всем тем, которые в Дрездене составляли план. Потом Костюшке должно было действовать противу союзных войск, а сейму перейти в Варшаву. И тогда Костюшка, сложа полновластие, зависеть уже от онаго. Дзялинскому же со своим полком арестовать короля. Но как он опасаясь, чтоб там не взяли его прежде исполнения сего по примеру других под стражу, уехал в кордон российской для произведения во оном возмущения, то относящееся до короля должен был произвести в действо полковник полку Дзялинскаго Гауман. Чтоб ар-

мии костюшковской иметь на первый случай пропитание, то император под видом продовольствия своих нидерландских войск приказал заготовить во всей Галиции и выставить на Вислу сто тысяч четвертей разнаго хлеба, которой Костюшко взял вооруженною рукою и дал в том квитанцию. О чем под имянем онаго Павши, старосты, было к нему письмо из Львова, но не знает от кого, и в сем письме содержалось еще уведомление, что поляки в Галиции берут рекрут будто насильно, но император в том им не препятствует.

Для открытия возмущения в кордоне российском надеялся Косинской на Велевейскаго, Петровскаго, Лазинскаго и Карвицкаго, к которым Костюшка с повелениями своими посылал от себя офицера. Косинской сказывал ему, Павше, что Брамин, котораго он показывал, сочинен был Ясинским, полковником инженерным в Вильне, где он, крайчиц Сапега, Солтан, Воврживкий и прелат Богуш долженствовали открыть возмущение, что молодому Косинскому надлежало быть генералом при мятежных польских войсках в Кракове, что знатнейшие из поляков для условия о возмущении съезжались на контракты во Львов, также и в Дрезден путешествовали под чужими имянами, что Костюшка, бывши прежде открытия революции в Кракове, ездил в Сицилию для свидания с Малаховским, которой тогда находился в Неаполе, что все секретные бумаги находились у Лядуховскаго и Капустаса, но прежде объявления настоящаго плана повещено было войскам, дабы они находились в готовности к конфедерации и, ежели будут от них требовать оружия, то не слагали бы онаго, отчего в бригаде Мадалинскаго и началось первое возмущение, также и произшествие в Варшаве возпоследовало, что как в Белоруссии и Малороссии, так и во всей России хотели заводить подобной бунт и для того искали в Варшаве людей, которые бы могли быть к тому употреблены с успехом и завести связи с какими-нибудь большими и знатными фамилиями. А дабы подкрепить такое предприятие, то предполагая, что российские войски будут разбиты, надлежало бы польской армии итти тремя колоннами и из них одной прямо в Белоруссию, другой – в закордованной Россиею новой край, а третей – в пруския границы, над которою надлежало иметь команду пребывающему в Варшаве шведскому посланнику Толю. И когда в разсуждении диверсии сей пруския войски обратились бы на защищение оных, тогда Австрия впала бы в Силезию и разпространилось бы таким образом пламя войны во всех местах, тем больше, что в Берлине и Бреславле, что в Силезии в тоже бы самое время открылось возмущение, в котором польские заговорщики имели великую надежду и что в закордованном Россиею краю надлежало принять команду над бывшими польскими войсками шефу Дзялинскому и под ним Прозору, которой был во французской службе офицером, а генерала Любовицкаго, лиша оной, застрелить.

Такое предположение о произведении в новоприсоединенных к России областях возмущения Прозор открыл умершему Вечфинскому, а он сказал ему, Павше...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 73 об. – 76 об.

№ 10. 12 октября. Показания ошмянского судебного писаря Я. Витунского смоленской комиссии о составе заговорщического списка в Литве

... он, Витунской, не состоит в числе подданных российских, что к соделанию и распространению конфедерации или к заговору виленскаго литовскаго совета он не принадлежал и что оная предприята – не знал, а узнал о сем в то же время, когда воспоследовал универсал главнаго совета воеводствам и поветам о избрании в тот совет делегата, почему из Ошмянскаго повету избран маршалом ошмянским Томаш Умястовской, а по другому универсалу о наборе рекрут выбран для онаго в Ошмянском повете поветовым генерал-майором Казимир Коцелл. Что конфедерации какой был предмет предприятие для произведения в российском кордоне замешательства, он не знает, но после открытия конфедерации слышал он, Витунской, литовскаго канцлера Хребтовича от секретаря Домейки, что виленской совет намерен был послать войско в российской кордон для произведения конфедерации. Сообщники же того виленскаго совета Великаго княжества Литовскаго писарь Алиоиз Сулистровский и минской староста Бржостовской имели сообщение со жительствующими в российском кордоне с полоцким воеводою Жабою, генералом Завишею, полоцким каштеляном Бржостовским, Володкевичем и велятицким старостою или старостицом Тышкевичем и что прежде, нежели объявилась конфедерация, во время контрактов, бывающих 19 и 30-го марта в Минске и Новогродке, секретно делан заговор новогродским воеводою Несиловским, виленским каштеляном князем Радзивилом, Великаго княжества Литовского писарями Сулистровским, Мирским, минским старостою Бржостовским, генералом Моравским и бывшим литовским войсковым писарем Моравским же...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 90 – 90 об.

№ 11. 18 октября. Оправдания на смоленском следствии надворного маршалка С. Солтана личной непричастности к подготовке литовского восстания

1. На верность и подданство ея императорскому величеству присягал по присоединении белорусских губерний, но, продав бывшее во оных

имение свое, ныне никакого в российском кордоне не имеет. Причину ареста своего относит он принятому на него подозрению потому только, что не приступил к тарговицкой конфедерации, а более не знает ничего и кроме публичных, присыланных к нему ведомостей из Варшавы, ни от кого из тамошних жителей писем не получал и сам не переписывался.

2. Тесного дружества не имел с Прозором, которой был у него в марте месяце и между разговорами сказывал о общем неудовольствии, а более варшавской черни, и что он почти уверен, что будет общее возмущение, но из ево, Солтана, ответов мог догадаться, что он не имел намерения входить ни в какия связи и что желал токмо быть покоен в своем доме, имея жену и детей. Брат ево Вейсенгоф, находившейся в Дрездене, хотя и писал к нему в цыфрах, но сия переписка заключала в себе токмо обстоятельствы сестры ево, которая хотела развестись с своим мужем, потому что еще прежде того разговора староста Малаховской предлагал ей свою руку и что для того, чтобы честь ея и доброе имя не могли открыться, сей брат его Игнатию Потоцкому был другом, а в какой с ним и Костюшкою состоял связи и противозаконных намерениях, о том он не знает, равно как и того, где девался ключ тем шифрам, которыми он с Вейсенгофом переписывался, ибо он всегда находился на столе между бумагами и неизвестно каким образом затерялся. Объяснить же онаго в подробности и в точности находит себя не в состоянии. Неизвестно также ему и о плане, по которому надлежало открыться заговору и ни о каких возмущениях, кроме того только, о чем уже носился общенародной слух.

3-м. Что Прозор, будучи у нево, показывал ему план, составленной Игнатием Потоцким, аббатом Колонтаем, Костюшкою и сего последняго письма, без означения имяни к кому оныя писаны, ибо их надлежало употребить кому-нибудь из надежных в поветах жителей, дабы они составили себе партию и по плану уведомляли Костюшку о числе приступивших ко оной, о количестве войск российских и польских, о магазейнах и что в них находится. Из сих писем Прозор хотел дать и ему, Солтану, несколько для вручения тем, кто оныя без сомнения принять согласиться. Но он не взял, сказывая ему, что может найти таких людей, которыя лучше знают и свойство и образ мыслей жителей. После поехал Прозор в Вильну, долженствуя оттуда отправитца в Украину, где, как сам говорил, имел сообщников. От него же, Прозора, ехавшаго чрез Дрезден, он, Солтан, получил и от брата своего Вейсенгофа письмо, в котором три или четыре строки написаны шифрами следующего содержания: " Прозор был здесь и везет с собою план, но прошу вас оным не спешить". Но того письма он Прозору не показывал и после более писем от брата своего не получал. О посторонних пособиях он не известен, кроме сказаннаго ему Прозором, что во Франции обещаны деньги и уже в тамошнем конвенте о том употребляют-

ся старания. Надеялись, однако, что к сему плану многия пристанут из общаго неудовольствия, произведеннаго несправедливостями и притеснениями Косаковскаго и его сообщников.4-м. Прозор сказывал ему о привезенных им письмах, что должно оныя раздавать военным и невоенным, толко бы имели доверенность первыя от граждан, а последния в корпусах от командующих своих и тем, которые будут приняты, оныя письмы надлежало по костюшкину плану в уведомлениях своих означать о подозрительных в их поветах лицах. Хотя Прозор и открыл ему проект, Костюшкою учиненной, о конфедерации, но он того никому не вверял, кроме соседа своего Мацкевича. И от Прозора, после отъезда ево в Вильну, не получал ни чрез кого никаких известий и кому Прозор открылся об оном проекте того не знает. А только при отъезде своем Прозор сказал, что о том предложит Селистровскому, Бржостовскому, Радзишевскому, Глищинскому и многим иным, коих имян он, Солтан, не упомнит.

5-м. По отъезде Прозора был он, Солтан, у отставнаго генерал-майора графа Карла Моравскаго, которому при вопросе, кто таков называющий себя в проезде своем здесь иногда Прозором, а иногда Оскеркою?, отвечал, что то был Прозор. Говорил, ежели он хочет быть генерал-майором или в каком уезде главным начальником, то ему стоит только попросить о том Прозора, которой имеет полномочие, но Моравской на то не согласился.

И что в прежних своих ответах, показавши все то, о чем он Солтан знал и слышал, не имеет ничего к пополнению оных и не знает и не слыхал, кто имянно были сообщниками польским мятежникам из обывателей новаго российскаго кордона и Белоруссии...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 94 об – 97.

№ 12. Июнь. Отрывок из показаний на смоленском следствии генерала К. Моравского о своих связях в кругу первых заговорщиков

... взятие родственника ево, маршалка Солтана, российских войск эскадроном и десятью козаками, приведя весь дом Солтанов в трепет, отчего жена ево, урожденная принцесса Радзивил, двоюродная сестра Моравскаго, попугавшись, получила паралич, одна дочь ея – конвульсии, а другая – горячку, поразила и ево, Моравскаго, столь сильно, что он, узнав о сем от економа Солтанова, туж минуту хотел бежать на помощь соседу и родственнику своему, но удержан был прозбами жены своей, представившей ему всю опастность, коей он себя подвергал. Но когда учительницею Солтановых детей девицею Гросс зделано ему такое ж описание горестному положению, в каковом находился дом Солтана, то дух Моравскаго паки вскипел. И хотя жена ево равномерно старалась отвлечь его, быв инаго мнения и приписывая ненависть к России

Солтана(за кою он взят) лишению доходов ево, получаемых от должностей своих и уничтоженных торговицкою конфедерациею, но уже старании ея остались безуспешны, ибо стечение сих обстоятельств произвело в нем сильное впечатление, что он, лишась спокойствия, не имел инаго желания, как токмо ехать в Краков и известить о том Вейсенгофа.

Жена и дядя ея Залевской, стараясь укротить ево распылённыя желании, извлекли, однако, из его Моравскаго обещание не вступать в службу. Но молодость ево воспламенилась вновь повествованиями, которыя разглашались об одержанной Костюшком победе и о взятии российских пушек. Повинуясь сему изступлению, отрядился прямо в Краков и, приехав туда, Вейсенгофом, котораго он уведомил о причине прибытия своего, был представлен Костюшке и Потоцкому, кои ево укорили неведением о защищении Отечества. За сим, по дозволению Костюшки, Вейсенгоф водил ево по городу и, показывая пленных и взятыя пушки, расказывал ему о всех подробностях победы и старался воспалить его более и более.

Костюшка склонил ево к принятию службы, вручил открытое повеление: одно предписавшее всем генералам, штаб-и обер-офицерам и всем солдатам соединяться с ним, другое же Грабовскому, дабы он дал ему несколько эскадронов, с коими долженствовало ему пробиться мимо россиян, а потом отдать Грабовскому и Коронатовскому письма Костюшки, коими повелено им было составить с ним корпус, над которым, по обещанию костюшкиному, надлежало быть генерал-майором.

Быв возбужден всем тем, что он в Кракове видел, а Вейсенгофом подстрекаем к скорейшему отъезду, дабы ознаменовать свою храбрость, он находился в восхищении, стремясь к пути славы и обороне Отечества своего. Торжествовать или соделаться жертвою было для нево едино. В таковом положении, решась ехать к Грабовскому, дабы, взяв у него несколько эскадронов, сражаться и выполнить повеление Костюшки, заехал к дяде своему в Замойц, которому обещал не входить ни в какия дела и которому сперва не посмел сказать, что согласился на намерении Костюшки, а, наконец, зделал признание и показал открытое повеление Костюшки. Но старик сей, возтрепетав, сделал ему сильнейшия возражения и тем опроверг его мечтании и изгнал зломыслие ево, в которое он вовлечен вышеизьясненными обстоятельствами. И так поступая по зделанным дядею наставлениям, отправился прямо в свой дом.

По прибытии ж в Бричь, будучи российских войск караулом, явился к полковнику Чесминскому, которой ево к себе просил чрез майора. Разказав ему о сем где был, что видел и что слышал, уведомил при том и о том, что поляки намеревались напасть на князя Лобанова, отдал ему все бумаги, полученныя от Костюшки, кроме отданнаго им, Моравским, гене-

ралу Грабовскому, и некоторых оставшихся в невеликом ящике, коих он не мог найти и кои, без сумнения, взяты адьютантом полковника. По окончании повествований своих, просил полковника отправить его в свои деревни, где бы с женою своею мог остаться под стражею. Но Чесминской не мог сего выполнить, сказывая, что то противно законам, а позволил токмо отнестись к жене своей, которое письмо было немедленно отправлено... ... С Солтаном имел одно простое знакомство. Прозор привез к нему, Солтану, письма и другия бумаги касательно революции, а наконец предлагал он же и ему, Моравскому, чтоб, яко уже воевавший против России, принял предводительство одной дивизии, составленной из граждан, против чего Моравской возразил, что он не научился командовать и регулярными войсками...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 2, л. 104 об. – 106.

№ 13. 18 октября. Из свидетельства прелата К. Богуша в смоленской следственной комиссии о появлении в Вильно первых пропагандистских актов восстания

... стараясь, однако ж, объяснить, откуда в Вильне появились возмутительныя бумаги, слышал, что оныя вышли из канцелярии гетмана Коссаковскаго, которому с оштафетою прежде всех прислал оныя брат ево, лифляндской епископ Коссаковской. А действие открывшейся в Кракове революции первой привез в Вильну слуга Великаго княжества Литовскаго подскарбия Огинскаго, из Варшавы приехавшей курьером по коммерческим или иным каким делам. Француза же, о котором он спрашивал, не токмо не знает, но неизвестно ему и имя его.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 103.

№ 14. 18 октября. Из допроса на смоленском следствии овруческого земского судьи М. Павши относительно заговорщических настроений в Мозырском повете

А допросами он, Павша, показал, что на верность и подданство ея императорскому величеству присягу он учинил в Мозыре, что бунтовщик Прозор, хотя и был у него пред рождеством христовым или пред новым годом, но ему ни о чем не говорил, а в ноябре месяце 1793 года был он в Виступовичах у покойнаго Вечфинскаго на освещении дому, где были также аббат Охоцкой, его брат Фадей Павша и Бернацкой и там подружились между собою. И, наконец, от управляющаго прозоровым домом Орлицкаго он, Михайла Павша, слышал, что Прозор уехал в последних числах февраля ночью тайно в Вильню, где Доминик Оскерка и Косинской, которой у Про-

зора находился или находится секретарем будто, пели французския песни и поощряли к революции народ. Что Косинской, возвратясь в Хойники, беспрестанно ездил к аббату и к Вечфинскому и какия-то пересылал письма и что Прозор, возвратись пред светлым воскресеньем, так как он слышал от российских офицеров, которыя его искали, намерен был взволновать Пинскую бригаду, чтоб оная шла делать в Мозырском повете революцию. Сверх того, слышал он, Павша, от еврея, коего имяни не знает, что аббат Охоцкой уведомившись, что будет требован в губернской город, отослал к Прозору сумку с бумагами чрез казака, которой, прибыв к реке Припяти и уведомившись, что Прозор из Хойник ушол, возвратился в Шепелицы к управителю, с которым и ту сумку с бумагами сожгли. А что с аббатом в Овруче намерены были делать революцию, о том он, Павша, слышал от Барнабы Ендржевскаго, который ему говорил, что Пинской бригаде Прозор дал две тысячи, аббат Охоцкой – тысячу червонцев, чтоб оная шла в Польшу...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 108 об.

№ 15. 18 октября. Из показаний на смоленском следствии майора Н. Спенсбергера о преследовании гетманом С. Косаковским полковника Я. Ясинского

... хотя под арест он взят по повелению гетмана Коссаковскаго, но о умысле поляков против войск российских совсем не знал. Знает же только, что гетман Косаковской за восем дней до возмущения, когда явились к нему с рапортами разные польских войск начальники, угрожал инженерному полковнику Ясинскому, что он застрелит его, ежели зделается в городе возмущение. После чего чрез два дни Ясинский из Вильны ушол, а Коссаковской, поехавши в свои деревни, весьма скоро оттуда возвратился, объявляя, что он принужден был то сделать, опасаясь идущей к Вильне жмудской конфедерации...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 116.

№ 16. 18 октября. Опровержение новогрудским подстолим А. Вержейским своей причастности к руководству заговора в Новогрудском воеводстве

... что он в подданстве российском не состоит и хотя слышал о возмущении Мадалинскаго, оказавшаго ослушание начальству, но сам не участвовал ни в каком и оклеветан в том двумя своими соседями – Войниловичем и Маковецким за то, что первому помешал быть маршалком в воеводстве Новогродском, а другому комиссаром полицейским, которые подали на него баро-

ну Игельстрому письменной донос, будто он на сеймиках склонял шляхту к конфедерации против России, долженствующей быть открытою под начальством его во время контрактов в Новогродке. Во время ж конфедерации торговицкой был он дома и сношения в продолжение оной ни с кем никакого не имел, не приступив к ней потому, что как природной поляк и обыватель, не находил в ней пользы, но как частной человек, не имея ни сил, ни способов, не умышлял ни о каких мерах для уничтожения актов той конфедерации и не давал никому никакого совету на опровержение постановлений оной, думая обо всей связи сего дела не инако, как оно должно решиться сильными...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 112.

№ 17. 26 октября. Свидетельства на смоленском следствии полковника И. Дзялынского об истоках и инициаторах восстания

... О начале заговора, возникшаго в Польше, объявляет так. Что прошлаго 1793 года в августе месяце приходил к нему, Дзялинскому, Чиж узнать о его расположении сказывая, что тогда был удобный случай зделать конфедерацию, что им, как военным людям, надлежало оную начать и что войски только того и ожидают и лучше хотят погибнуть, нежели дать себя обезоружить. Но на сие он ответствывал, что не так легко делать конфедерации, как говорит, и что ежели бы оной желали, то лучше бы было начать тотчас после кампании, когда войски все вместе были. Таковое его разсуждение разсердило Чижа, однако ж спустя несколько времяни пришол он опять к нему с тем же предложением, нашед у него Павликовскаго, которой ему о том же говорил.

В другое время Чиж и Павликоской, пришед к нему, нашли Капустаса, которой, слыша их переговоры, сказал ему, что он не отделается от них, естли будет им отказывать и что надобно ему препятствиями удалить их мало помалу от того предприятия, дабы сами они получили к тому отвращение. Потом сказал он им, что не зделают никакого движения без Костюшки, что Варшава одна с своим гарнизоном не может произвесть конфедерацию с успехом, что надлежало оную делать во всей армии со всем дворянством и городами, а чтоб все то привесть в деятельность, нет никого способнее Костюшки, пользующагося общею доверенностию. На что сказал Дзялинской, что ежели Костюшка зделается главным начальником, тогда и он приступит к конфедерации. Во время сих разговоров пришел Ельский и, слыша говоренное, был с Капустасом одного мнения, котораго держался и пришедшей тогда Алоа. Наконец, почуствовали необходимость узнать о том мнение Костюшки, для

чего отправились к нему Ельский и Павликовский..

... Пред отъездом же Павликовскаго и Ельскаго, разсуждали ещё, как начать сию конфедерацию и на каком основании. Говорили, что начать оную хотят для освобождения его величества короля, а Капустас промолвил — и для возстановления конституции 3 мая, которую все любят. Притом зделано такое примечание, что на успех оружия не можно положиться и естли бы французы возымели поверхность или, обезпокоивая земли соседей своих, пришли бы в Польшу зделать свою революцию, тогда нашли бы в Польше конфедерацию, для возстановления конституции начатую, и увидев, что государство польское само для себя зделало законы, не имели бы они причины какую в Брабанте все разорить и потом присоединить оное к своему владению. Сие разсуждение было похвалено и не помнит он, кто еще к тому прибавил, что чрез сие избежим укоризны будто хотели подражать революции французской. Напоследок, не реша ничего, согласились ожидать ответов и планов от Костюшко. Тогда ж учинено было на одних только словах некоторое разпоряжение, по которому должен был Дзялинской принять в свое попечение Варшаву, Ельский — Литву, а Зелинской — Мазовию. И сие было первое основание заговора... Но как по силе конституции 3 мая 1791 года не дозволялось делать гражданской конфедерации, а можно было начать военную, то и желали, чтоб оную поддерживала стоящая близ Кракова армия по приезде Костюшки, котораго хотели объявить главным начальником. Он же долженствовал разослать от себя в Краков, в Варшаву, Вильну и другия города своих поверенных для принятия начальства над войсками и дабы согласить тамошних мещан приступить к сей военной конфедерации, также, чтоб уговорить дворян в воеводствах и уездах соединиться с армиею и приступить к тому же делу для возстановления конституции 3 мая, в которой каждой находил свои выгоды и все вообще ее любили.

Разсуждали также и о том, что надлежало смотреть, каким образом решатся в польском деле европейския державы и какая их будет система, дабы поспешностию, вместо избавления, не ввергнуть Отечество в несчастие. На что некто возразил, что его величеству императору, не участвовавшему в разделе Польши, неприятно может быть будет смотреть на конфедерацию. Вероятно также, что император не откажет Польше ежели не в помощи, то по крайней мере в ходатайствовании своем у России.

Переговоры сии не производились в нарочных заседаниях с протоколом и другими употребительными обрядами, потому что никогда все вместе не сходились. Некоторыя иногда встречались, а потом собирались вместе, а иныя только один или два раза находились в тех переговорах иногда, встретясь в саду или в другом публичном месте, разговаривали о сем.

3-е. Утверждает, что плана для всеобщаго возмущения никакого со-

ставлено не было, а говорено только, что коль скоро оной получится от Костюшки, то склонят умы в воеводствах, которые к мятежу уже готовы были, употребляя на то людей, имеющих силу соглашать в своих землях единомышленников к конфедерации. Предмет возмущения был тот, чтоб избавить короля от зависти, в которой он тогда находился, и возстановить конституцию 3 мая. Ответ Костюшки должен был решить о надежде и удостоверении иностранных дворов. Цыфры, употребляемые мятежниками, были привезены Ельским от Костюшки, однако ж Гошкоский их не утвердил. Он же, Дзялинской, сочинил из них сокращенную выписку, которую при отъезде из Леополя сжег. Настоящие же цыфры остались у Мощинскаго в Варшаве. По оным № 1-й означал Барса, № 2—его, Дзялинскаго, № 3 — Капустаса, № 5 — Зайончика. Других номеров не помнит, а № 693-й знаменовал Костюшку.

А сверх того дополняет еще, что в Кракове, в Варшаве и Вильне хотели начать возмущение в одно время так, чтоб армия, находящаяся в Кракове, шла к Варшаве, в которой захватила бы арсенал, магазейны и военный снаряды и чтоб, освободя оной город от чужестранных войск, довершить ограниченный и неоконченной в 1789 году сейм, чтоб шляхетство в воеводствах приступило тот час к конфедерации, как бы скоро армия собралась, и чтоб имеющие связи в воеводствах писали к своим друзьям, дабы они склоняли умы к приезду Костюшки. Литовская армия также должна была стараться зделать сообщение между Гродною и Варшавою свободным и безопасным. Но как надлежало действовать — делать ли заговор в российских областях или нет — того он не знал... Знал, однако ж, что в Литве делается конфедерация, что Вильна тронется вместе с Варшавою, что принудят литовскую армию так же действовать и, признав Костюшку начальником, соединиться с коронною армией. Сперва известно ему было, что Ельскому надлежало зделать конфедерацию в Литве, а потом узнал, что оную хотел производить Прозор, ибо он только в разговорах слышал, что много заботились о выборе начальника литовской армии, которой имел доверенность. Занимались также и тем, как бы избавиться от российских войск, там находящихся, а после того помышлять о возмущении и нарушении покоя в других провинциях и желали более всего, чтоб вся армия двинулась вдруг, дабы в противном случае не могла быть истреблена. Предполагали, что таковое общее возмущение, приведя российския войски в недоумение, подаст время и к зделанию первых разпоряжений в окрестности Варшавы.., дабы в скором времяни привести сей город в безопастность, а войскам дать время собраться в один корпус и занять выгодные места для защищения шляхетства, собравшегося на сейм. После сего ожидали бы от Костюшки дальнейших разпоряжений о военных действиях...

По успешном же произведении в действо сего плана собраться сейму Малаховскаго, то есть сейму 1789 года зделать такия разпоряжения, какия на оном за благо приняты будут, равно и гражданския правительства, по закону или конституции 3 мая учрежденныя, должны были собраться и начать свои дела.

... с Ельским виделся он, Дзялинской, по возвращении из Гродна во время болезни своей в Варшаве. Ельской в другой раз возвратился тогда от Костюшки с ответом, которой так как и первой состоял в том, что обещался приехать как скоро все приготовлено будет и что Костюшко советует учредить в каждом воеводстве комитеты для подписки как складочных денег, так и тех, которыя пожелают вступить в конфедерацию, и когда уже набранных волонтеров будет довольно, тогда те же самые комитеты должны выбрать начальников или генералов для предводительствования волонтерами и о том уведомить варшавской комитет, а для способности их переписки отдал сообщникам цыфры...

Зайончик сказывал ему в Львове, что Костюшко варшавское дело (об освобождении короля— ред.) ни во что не ставит и ежели начнет, то начнет по своему... Кроме сего действовало известие, из Гродны полученное, что его величество король польской содержался как пленный, что конфедерация торговицкая определениями каждого заседания своего делала злодейство, отнимала у дворян и обывателей имения и чины, вымогала великия суммы у тех, кои ничего не должны, словом, угнетала жестокою властию своею тех, которых почитала или противниками или неодобряющими ея поступков. К тому ж безпреетанная молва, будто российския войски хотели обезоружить польскую армию, негодующую и на снятие воинских ея орденов и, наконец, деспотизм, гордость и презрение, употребляемые россиянами над поляками в Варшаве, привели всех в ожесточение и отчаяние...

18 марта Косинской был у меня и просил написать, что в Литве было более людей, нежели в Варшаве, желающих, чтобы сие дело исполнилось. Крутнер сказывал ему о ненависти крестьян к своим господам как в Литве, так и в Украйне и что они безпокоят их, дабы позволили им погулять, означая сим словом во время их возмущения сражаться или убивать. По словам ево же, Краутнера, волнение значило будто бы, что крестьяне хотели взбунтоваться против российских войск. Но Дзялинской почитает сии его известии совсем ложными, ведая известную привязанность крестьян к войскам российским. Однако ж, выполняя просьбу Краутнера, писал к Штролю о сих известиях. Сам же он уверяет всем, что есть свято, что ни о неудовольствии войск, ни шляхетства ничего не знал, а знал только о крестьянах, что они неприятели своих господ и

доброжелатели российских войск.

Он Краутнеру же относит и сие, что между россиянами нашлось бы якобинов более, нежели в Варшаве, изъясняя слово якобины, говорит, что не должно принимать онаго в собственном значении, но под оным разумел он вообще недовольных.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 123 об. – 136.

№ 18. 17 апреля. Доверенность Т. Костюшко князю К. Сапеге на формирование вооруженного корпуса

Тадеуш Костюшко, наивысший начальник вооруженной народной силы. Даю сей ординанс его светлости пану Казимиру Сапеге с тем, чтобы тот во имя спасения отчизны старался воодушевлять и соединять в генеральный обывательский союз как коронных, так и литовских обывателей на оборону целости, вольности и независимости народа и чтобы формировал корпус как из обывателей, сельчан, так и военных, которые бы пожелали с ним соединиться. Смею надеяться, что преемник славных предков и защитников Польши не замедлит дельно служить Речи Посполитой и будет регулярно присылать мне рапорта по другим частностям.

Дан в обозе под Бустовом. Т. Костюшко.

НИАРБ, ф. 1755, д. 79, л. 660 – 660 об. Копия. Перевод с польского ред.

№ 19. 18 апреля. Пересылка митавского секретаря И. Рикмана князю Н. Репнину донесения шляхтича И. Мартиновского и крестьянина А. Павлова о начале восстания в Шавлях

Сиятельнейший князь, милостивый государь...

В сей момент получил я известие, что в Шавле и до самого уже Поневежа в Литве открылась третьего дня конфедерация под начальством генерала майора Хлевинского и бригадира Солестровскаго и начала грабить всю казну, состоящую из 80000 гульденов польских, принуждая всех обывателей присягать вольности и равности. Все сии обстоятельства подтверждены мне прибывшим сюда из Литвы тамошним казначеем Мартиновским с таким прибавлением, что сей мятеж чаятельно в целой Литве распространится и что отнятою казною помянутый Хлевинской начал войску платить оставшееся и оному недоплаченное жалованье…

Польской шляхтич Игнаций Мартиновский, казначей Щавельской экономии, показал следующее.

Сего 1794 года марта 31 дня приехал в местечко Шавли генерал Хле-

винский для переформирования стоявшей там в квартирах гусарской бригады. По прибытии генерала Хлевинскаго на третий день бригадиром той бригады Сулистровским отданы были повелении по эскадронам, чтоб для сей причины следовали немедленно в Шавли. Первой эскадрон прибыл под командою порутчика Сташевскаго, в котором было и началось переформирование, но однако опять остановилось. Для какой же причины ето зделалось, он, Мартиновский, не знает. После сего начали собираться и прочие эскадроны и переформирование началось опять в эскадроне под командою эскадроннаго командира Буховецкаго. Один из гусаров сего эскадрона во время реформирования начал говорить: " Лучше нас всех разпустить, нежели снову переформировать". На сие вскричал генерал Хлевинской: "Что ж из-за етова будет. Вы таким образом или к руским или к прусакам в руки попадетесь". Гусар продолжал: "Что вам, господа, в этом нужда! Мы-де уже знаем, куда повернуться".

... По сем оный генерал пошев со всеми офицерами на свою квартиру, а прочие субалтерни (слово не разборчиво — ред.) разошлись. Во вторник, то есть 4-го сего апреля ввечеру прибыл туда находившейся пред сим в отставке бригадиром, а ныне уже в службе генералом, по имени Гедрович, от ково ж он прислан Мартыновскому неизвестно, и пошел к генералу Хлевинскому у котораго они и со всеми офицерами целую ночь в собрании находились. Находившиеся тут налицо эскадроны, которых было всего четыре или пять, на другой после того день собрались в одно место, а генералитет, штаб и обер-офицеры отправились в тамошний земский суд, где, будучи в присутствии всего сюда обще с бывшими там членами, 5-го числа сего ж месяца по полуночи в 7-м часу приносили присягу на вольность, равенство и независимость. Потом, выступив, генерал, штаб и обер-офицеры пред эскадроны, привели их к таковой же присяге. После чего разпустили эскадроны по всем улицам с трубачами, которые и провозглашили революцию. За сим командировано два порутчика с двадцати четырем человеками рядовых в Шавли для взятья находившейся там казны, которое сие и произвели в действо, получив в руки около 300000 польских злотов и будто тот же генерал и прочие, в Литве находившиеся казенные деньги, захватить приказал. Потом оные ж генерал с штаб и обер-офицерами следовали в магистрат и в полицию, где и привели всех присутствовавших к сей новой присяге и вскоре отправили нарочных в тамошние округи с повелениями, чтоб дворянство для учинения сей присяги следовало непременно в Шавли. А приглашены ли были крестьяне к учинению сей присяги, того не известно.

Между же тем стали свидетельствовать онаго Мартиновскаго приходные и разходные книги и нашли денег в приходе более, нежели сколько налицо находится. На что он, Мартиновский, сказал, что недостающая сумма находится

в Риге у банкира Иоганна под сохранением, за которыми он сюда 7-го марта и приехал, и хранившиеся у Иоганнинга деньги, всего 4700 талеров, принял и прибавив к оным имевшиеся при себе из Шавля 1200 талеров же обменял на червонцы и с оными отправился в Польшу. На дороге за Митавою повстречался он с российским купцом, котораго имяни и отчества не знает, которой, его задержав, представил в Митаву к российскому министру, а оный обще с тем купцом прислал их в Ригу. О прочем слышно де, что все сии соединенные партии пошли в Ковно, а оттуда будто намерены итти и в Вильну. Артилерии при них не находится, а пороху и патронов с пулями у них доволно, потому что целую зиму в приготовлении того упражнялись.

Он, Мартиновской, слышал также, что в тот же самый день подобная революция в Поневеже, в Вилькомире и в других многих местечках, да и вообще даже во всей Литве распространилась. Также слышал, что четыре француских генерала с 14 милионами ливров к польскому генералу Костюшку в Краков прибыли и что оной Костюшко уже собрал себе 20000 войска. Сверх того он, Мартиновский, показал, что попались ему навстречу один российский курьер с греком пожилых лет, которой уповательно в руки к тем злодеям попадется.

... 1794 года апреля 8-го нижеписанный допрашиван и показал.

Зовут его Андрей Павлов, рижскаго дворцоваго ведомства крестьянин. Родился в курляндском городе Митаве. Отец его был тоже рижскаго дворца крестьянин и торговал в Курляндии разными российскими товарами. В ма-лолетстве он, Павлов, послан был от отца своего в Ригу и отдан был рижскому купцу Дмитрию Егорову, у котораго и жил он три года. После того поехал он к отцу своему в Митаву и начал там при отце торговать всеми теми товарами, каковыми и отец его торговал. И так находясь в Митаве уже лет около тритцати, не только торг свой производил в Курляндии, но даже и в разных литовских городах почасту, а наипаче для ярмонок с товарищем ездил. Ныне же по присоединении некоторых польских областей к Российской империи и услышав, будучи в Ковне, о заключенном между Польшей и Росиею в Гродно трактате, коим открыта совершенно свобода и безопастность российским подданным жительствовать в пределах польских, а польским – в пределах российских, вознамерился он переселится из Митавы в Ковно и там завести хозяйство и в том намерении, оставив имевшийся там с собою товар с приказчиком своим, сам поехал в Митаву. Сие было за восемь дней сырной недели. Проводя же сырную неделю дома в Митаве, поехал на первой недели великого поста паки в Ковно, взяв с собою товару ещё тысячи на две рублей и с оным приехал туда на второй недели поста. По приезде вскоре услыша стороною о разных безпокойных и вредных замыслах, каковыя поляки затевают, а имянно, что

будто поляки вознамерились накануне пасхи, к которому времяни обыкновенно народу в городах умножается и из окрестностей чернь собирается, по слухам, что российских солдат в то время будет там не много, подговоря военных и чернь свою, всех оставшимся россиянам в ночи зделать нападение и их перерезать. Потом стоявший в Гродне Ревельской пехотной полк выступил в поход и осталось там онаго полку только две роты, то поляки о вышеписанном намерении начали уже громче поговаривать и он, Павлов, находясь в крайней опастности, чтоб не претерпеть и ему самому також нещастия, пошел немедленно к ротному капитану Обухову и ему о слышанном объявил.

А между тем времянем прибыл в Гродно один эскадрон ингермаландского карабинернаго полку. Однако ж слухи сии все еще продолжались и как он, Павлов, стал о таковых слухах чаще доносить капитану Обухову, то он сам, на показания его не утверждаясь, послал его к командующему прибывшим эскадроном майору, котораго имяни не упомнит. Оной майор пересказанные Павловым речи записал и наказал ему, чтоб он впредь о подобных слухах ему доносил. А как он, Павлов, уже довольно был удостоверен о могущем последовать мятеже, то пошел в свою лавку и начал товары укладывать и из оной перевозить к себе на квартиру. Что услышав, польской ксендз, у котораго он нанимал лавку, пришел к нему в квартиру и спрашивал его для чего он товары свои из лавки выбирает. Он ответствывал ему, что по худому его там торгу хочет он из Ковны выехать. На что ему ксендз говорил, что де тебе выехать отсюда никак невозможно, а разве ты что-нибудь новое услышал, продолжая при том, что по теперешним обстоятельствам ни под каким видом етово тебе сделать не допустит. Сего Павлов убоясь пошол к вышепоказанному майору с объявлением, которой, однако ж, его обнадежил, чтоб ничего не опасался.

На вербной неделе приехал в Ковно польской генерал Хлевинской и чрез два дни поехал в местечко Шавли. В бытность его там были немалые сборищи военных людей в ночное время. По отъезде онаго генерала из Ковны, осталась там одна из свиты его дама, которая требовала некоторых товаров и как Павлов с оными к ней пришел и несколько ей продал, то спрашивал он ее о причине приезда и скораго отбытия генерала Хлевинскаго. Она ему открыла вредныя для находившихся там россиян следствия и, будучи к нему благосклонна, советывала ему дружески, чтоб он из Ковно скорее убирался. И так он, Павлов, сказав о том показанному майору, из Ковны отправился и на третий день прибыл в местечко Шавли.

Тут увидел он на площади многое число военных, конных и пеших, и в том числе четырех генералов, а имянно Хлевинскаго, Едровича, и двух, кото-

рых имени он не знает, также дворян Карла Прозора и трёх братьев Гурских. В то ж самое время привезена туда была казна и произведена тревога, чтоб из города никого не выпускать, потому его, Павлова, взяли немедленно под стражу и отвели в тюрьму, где содержатся преступники по делам уголовным. Содержась там трое сутки, проведал он, что содержатся тут же семь человек российских курьеров и что поляки учинили все присягу вольности и также, что ожидают из Риги посланного за деньгами. Вскоре после того привели в ту же тюрьму несколько человек немецких гезелей, а как на третий день велено было их освободить, то он, Павлов, просил караульнаго офицера, что не можно ли под имянем тех гезелей и его выпустить, за что и обещал ему дать сорок два червонца, которыя офицер, от него взяв, и выпустил. И так он, Павлов, следуя к Митаве, повстречался неподалеку с едущим из Риги поляком Мартиновичем и узнав, что тот самый посланной, котораго ожидают в Шавлях, взял его и представил в Митаву к российскому министру. Причем Павлов объявил, что в Ковне остался у него весь товар, которой стоит ему с лишком восем тысяч рублей и при том сын его малолетний и один приказщик.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 17 – 29.

№ 20. 17 апреля. Выдержка из секретного донесения князя Н. Репнина Н. Салтыкову о характере восстания в Шавлях

... настоящее в Польше и Литве возмущение не есть то, что были прежния конфедерации, где всегда существовали противныя две партии, а теперь явилось всеобщее народное поднятие и бунтование, почему неминуемо присланы будут от тех бунтовщиков в универсалах повеления Курляндии с ними соединится, а в ней, начиная от герцога самого, много есть людей подозрительных...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 49.

№ 21. 19 апреля. Именной указ Екатерины II Т. Тутолмину относительно превентивных мер против восстания

Тимофей Иванович!

Настоящия в Польше замещательства по справедливости обратили внимание наше. Число войск, туда отправленных для усиления там уже находившихся, конечно достаточно для поражения бунтовщиков. Предписанной образ употребления их закрыть должен пределы наши и обезпечить в оных спокойствие. Но при всем том единым оружием нельзя истребить образа мыслей и тех скаредных заговоров, которые тем вред-

нее, чем тайнее производятся. А посему и должно изыскивать все средства и употребить все способы, с одной стороны в умалении числа противников, в отнятии у них всех случаев и способов быть вредными, и, наконец, в поступлении по всей строгости с закоснелыми изменниками и в наказании их примерным образом в страх другим, а с другой, ободрять и возстановлять благонамереных оказанныя ими опыты верности и заслуги, награждать щедро и привязывать их ко власти и к правлению российскому собственною их пользою.

... когда кто-либо откроется явно или в заговоре доказан будет, то немедленно наложить секвестр на его имение и взять в казенное управление, а собираемые доходы отсылать в губернское казначейство для хранения до времяни решительного объяснения в невинности или в преступлении того, чье имение, таким образом, в присмотр взято будет. И тогда по точному удостоверению последовать может повеление возвратить или вовсе лишить имения его. Сим способом во время возжигаемых безпокойств бунтовщики лишены будут знатных доходов, которые без того нам во вред обращены бывали.

Имения же, отобранныя от преступников по частям розданы быть могут явившим несомненныя опыты верности и усердия, от чего собственностью привязаны будут к тому порядку вещей, который от нас постановлен будет, ибо, в противном случае, потеряли б они имущества, кои при перемене власти возвратились бы к прежним владельцам, нам изменившим. При взятии в казенное управление подобных имуществ, имеете вы немедленно доносить нам о всех обстоятельствах, а равномерно и о количестве душ и о числе доходов с оных.

Для успокоения в верности пребывающих и для обезпечения их в собственностях, объявить можете при том и причины, понудившия нас учинить сей шаг. Оные суть: сохранение спокойствия в областях российских, благосостояние коих долженствует быть единым из главнейших предметов попечения вашего, и что вы, конечно, не допустите малому числу дерзких и развратных бунтовщиков, изменяющих присяге и Отечеству своему, разрушить благополучие и уверенность каждого из спокойных и верных подданных наших, которых личную и имущественную безопастность обязаны вы охранять всеми способами, вам данными. Для привлечения же большего числа к пользам и ко власти нашим и для утверждения их в верности, привязывая их к тому собственными их выгодами, можете давать чувствовать, что отобраныя имения от изменников роздаваемы будут верным сынам Отечества, чем и будут заслуги их награждены.

Черный народ, обитающий в областях наших, а паче нам единоверный, поляков господ своих ненавидит, что самым делом доказано многими доселе бывшими тамо произшествиями, а потому нетрудно будет иметь оный в

свою пользу, ободряя покровительством от единоверных ему. Сие тем удобнее исполнить можно, что в деревнях, которые в казенное управление взяты быть могут, отрешены должны быть, конечно, поселянам ненавистные настоящие управители имений тех яко люди для нас вовсе ненадежные, поелику поставлены от поляков, господ своих, и, следовательно, преданные им. И естли они уроженцы областей наших и имеют тут родственников своих, тогда остаться могут, однако ж, в присмотре. Когда же из иных мест, то выслать их за границу, а естли окажутся подозрительными, в таком случае отправить их в Киев до возстановления общаго спокойствия.

К имениям же сим приставить верных и честных смотрителей, коим дать наставления о принятии в управление свое по точным описаниям, о чём, а равно и собираемых доходах, отдавать обстоятельные отчеты директорам экономии, облегчая жителей, елико возможно, в повинностях, чем сердца народныя совершенно к себе привлечь можно в исторжение изменников, возжигателей неустройств.

Пребываем в прочем всегда к Вам благосклонны.

РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 65041, л. 32 – 34 об.

№ 22. 22 апреля. Наставление Екатерины II Н. Репнину при назначении его главнокомандующим российскими войсками

Князь Николай Васильевич.

Хотя произшествие, в Варшаве бывшее 6-го апреля, всем известно, дабы вы, однако ж, ведали и подробности, каким вероломным и предательским образом оное в действо произведено, прилагаются при сем в списке донесения, от генерала барона Игельстрома нами полученныя. Изыскивая способы к поправлению дел тамошних в настоящей их разстройке, признали мы за благо препоручить вам главное начальство над всеми войсками нашими в Польше, будучи удостоверены, что вы по усердию к нам, многими опытами доказанному, исполните к удобности нашей на вас возлагаемое. В самых донесениях барона Игельстрома вы найдете, в чём состоят войски, ему вверенные, к которым присовокупляются и те, что мы из дивизии вашей туда же назначили. Главное наше внимание на сей раз долженствует быть обращено на два пункта, а имянно.

Первый, на собрание и соединение отрядов в разных местах ныне состоящих, и второй, на обезпечение пределов наших, очистя тыл войск наших от злодейских толп, в Литве имеющихся, и, учредя надежное с границами нашими сообщение, а сего не инако и достигнуть нельзя, как таковым помянутых войск расположением, чтоб они

не могли по частям одна от другой быть отрезаны друг от друга, нашлися б в состоянии подкреплять и озабочивать неприятеля оказанием готовности своей напасть на него и отражением всякаго покушения его на пределы наши, покуда с собранием ниже назначенных нами сил на местах их откроется удобность произвесть и самыя усильныя и наступательныя действия.

Сего ради, во-первых, вам надлежит послать генерала порутчика барона Ферзена для принятия начальства над остатками отряда, с генералом бароном Игельстромом бывшаго, ныне в прусском кордоне находящимся, и для приведения оных в соединение с деташментами, в Ковне, Гродно и Вильне состоящими, тако ж с тремя полками пехотными и двумя кавалерийскими, от вас по прежнему повелению нашему отправленными, к которым присовокупится по усмотрению вашему из дивизии вашей сколько можете обратить за оставлением для самонужнейшей стражи, определя к ним, за отлучкою барона Ферзена, генерала порутчика Нумсена и распорядя всем сим частям движение, какое по ближайшему к месту соображению вашему окажется удобнейшим и надежным к достижению помянутаго соединения.

Второе, корпус, за Вислою под командою генерала майора Денисова имеющийся, вместо чтоб по предложению барона Игельстрома оставить при пруских границах, надобно также довести к соединению с прочими войсками нашими в Литве, приказав ему восприять путь свой к Закрочиму, где, переправяся чрез Вислу, итти оному вверх по Нареву к Гродне, но буде в настоящем его положении удобнее окажется сему корпусу итти и другою дорогою, то равным образом имеет он того достигать пункта ему к соединению с прочими назначаемаго.

Третие, произведя сии движения, старайтеся поставить себя как можно скорее в состояние удержать Литву в повиновении, истребить бунт около границ наших, очистить тем тыл войск, вами предводимых, и, обнадёжа сообщение с пределами нашими, утвердить их безопастность, связать при том коммуникацию и с прускими войсками, а за сим соединенною силою и поражать неприятелей, в пособие чему успеете между тем дойти в Минскую губернию и назначаемые от нас Псковской драгунской и Московской гренадерской полки, смотря же по возможности и из Москвы два баталионы пехотные. К облегчению вам всевозможных способов к достижению успехов нами желаемых как министерство наше учинит домогательство чрез посланника прусскаго, так и вы при отправлении барона Ферзена к корпусу, вышедшему из Варшавы, наставьте его прускому генералу порутчику Брилингу в Кенисберг письма от посланника графа Гольца у сего следующего требовать от прусскаго военнаго начальства, дабы не токмо сохранены были

сообщение и связь с нами, но и всемерное пособие вам подано было к искоренению мятежа, в том крае возникшего, и к утверждению спокойствия, для наших собственных их пределов, необходимо нужнаго. Часть Польши, за Вислою лежащая, долженствует оставлена быть наблюдению союзника нашего по крайней мере до тех пор, покуда оружие наше прострется с успехом далее внутри Польши.

Четвертое, хотя граница наша Минской губернии по причине скудости того края в хлебе и не представляет надежных средств неприятелю ко впадению в оную и дальнейшему разпространению его действий, в запас, однако ж, противу всяких подобных покушений, кои спокойствие тамошних подданых наших поколебать могут, необходимо нужно иметь в большом внимании город Несвиж, яко место укрепленное и по положению своему опо рою служить могущее, вследствие чего оный не только что должен быть снабден всем к обороне потребным, но и не оставя подтвердить ближним к сему месту начальникам бдительно наблюдать на пост сей. В случае попытки неприятельской противу онаго стараться не пропускать его и предприятия его обращать ему в гибель. Город Слуцк достоин также уважения и может служить равно опорою для наших, в случае каких-либо замешательств, которыя всячески предупреждать должно.

Пятое, от войск, под начальством генерала графа Салтыкова состоящих, назначены были по повелению нашему двенадцать тысяч под командою генерала порутчика Загряжскаго и десять тысяч при генерале порутчике Дерфильдене. Сии корпуса указали мы теперь же помянутому генералу умножить еще десятью тысячами человек, дабы под командою генерала порутчика Дерфельдена составляло всего тридцать две тысячи при сорока орудиях полевой артилерии. Оные войски определяются под ваше предводительство для действий в Польше предлежащих, почему от расположения вашего будет зависеть назначить им движения их, соображая всё то с действиями вашими в Литве и с наблюдением, чтоб по достижении двух главных вышесказанных пунктов, касающихся до обезпечения наших пределов и очищения Литвы от возмущений, можно было тотчас простерти сильныя операции и на повсеместное истребление мятежа, в Польше произшедшаго. Время покажет, куда и как направить движения войск наших, в которых не связываем мы рук ваших, но как усердному, искусному и мужественному полководцу предоставляем на месте распоряжать по вашему усмотрению к лучшему с пользою нашею и славою оружия нашего сходственному того произведению, а между тем по обстоятельствам, получая частыя от вас донесения, не преминем подавать вам потребныя наставления.

Шестое, по таковым ясным оказательствам неприязненности, в которой король и главные члены правительства польскаго приняли участие, повелеваем вам, вступая в земли польския, провиант, фураж, необходимо нужныя подводы да и все потребное для войск наших заимствовать без платежа в земле, найпаче же в деревнях королевских и из шляхтичей, приметившихся к возмущению, учиня токмо ваши распоряжения, дабы всё собираемо и доставляемо было в порядке, без грабительства, с наблюдением дисциплины военной во всей строгости и чтоб земля не была так опустошаема, что и самим войскам нашим ни чрез нея переходить, ни в ней с выгодою оставаться нельзя будет. В городах и где ни случится забирать польскую артилерию, всякаго звания воинское оружие и снаряды. Где же войско польское найдется, оное тотчас обезоруживать. Во всей окрестности, войсками предводительства вашего занимаемой, имения помещиков долженствуют взяты быть в секвестр, собирая с них доходы в казну нашу, так и все зборы вообще с городов и прочия, республике польской принадлежащий. Но что касается до приверженных к нам из поляков, разумея таких, которые в бунте настоящем вовсе не участвовали и спокойно в пределах наших или в земле, а не в Варшаве осталися, оные всемерно пощажены, при владении их имения сохранены и во всяких для войск потребных всемерно облегчены быть имеют с обещанием удовлетворения их убытков на щот виновных их одназемцев или же и платя им по вашему усмотрению из денег, собираемых с имений у противников секвестрированных, наблюдая, однако ж, чтоб сими выгодами не пользовалися недостойные, хотя бы они в извинение представляли, что к бунту принуждены были приступить противу воли своей — извинение пред нами их не оправдывающее тем более, что ежели бы они имели добрые намерения, могли бы в подобной крайности от всего того уклонится и найти защиту при войсках наших.

Седьмое. Как войски с генералом майором Тормасовым бывшие, тоже и те, что вышли с генералом бароном Игельстромом, потеряли немало артилерии, то вы и можете заменить оную из двадцати шести орудий артилерии, в Несвиже стоящей, и из Риги по вашему благоусмотрению, снабдя сию артилерию потребным числом лошадей покупкою. Когда же вы вступите в Польшу, то можете надобное число на место недостающих получить из королевских имений или от шляхтичей, участвовавших в возмущении.

Осьмое. Деньгами, необходимо вам нужными, вы будете снабдены отчасти от действительнаго тайнаго советника и генерала прокурора Самойлова, а сверх того предписано от нас и генералу порутчику Тутолмину — из доходов губерний Минской, Изяславской и Брацлавской, ко-

торых у него по последним ведомостям числится в остатке более пятисот тысяч рублей и между сими большая часть золотою и серебряною монетою, по требованиям вашим доставить, колико можно, за оставлением надобного на расходы по его ведомству. Да и вообще указали мы ему подавать вам всякое пособие. Желаем, однако ж, чтоб подданые наши по всевозможности меньше отягощены были подводами и другими наказами, а напротиву того, справедливо, чтоб после таковых изменнических поступков со стороны поляков вся тягость войны на них упадала.

О прочих пунктах должности предводителя войск наших мы здесь не разпространяемся, ведая, что вы по долговременной и ревностной службе вашей и по радению, дабы порядок во всей точности наблюдаем был, ничего не упустите, что к пользе службы нашей относится может. На проезд ваш к команде, вам поручаемой, пожалованные вам десять тысяч рублей повелеваем взять из доходов Рижской губернии. Покуда же сие начальство ваше продолжится, имеете получать на стол сверх производимых по званию генерала губернатора еще по пятисот рублей на месяц из суммы, на чрезвычайные расходы к вам отпускаемой. Пожелав вам успехов добрых в исполнении поручаемого, пребываем навсегда вам благосклонны.

Подлинной подписан собственною ея императорскаго величества рукою тако: Екатерина. В Санктпетербурге апреля 22 1794 году.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 24 – 28 об.

№ 23. 25 апреля. Из письма подполковника Дистерло Н. Репнину о настроениях в северной части ВКЛ

Состояние общества нашего возприяло вид весьма печальной. От нас, дезидентов, все сокрыто, и мы ничего ведать не можем, кроме тех известий, которыя от жидов приходят. А оные состоят в том, что день и ночь гонцы по всем польским вотчинам разъезжают с таким повелением, чтобы каждой от 18-ти до 60-ти лет на коня садился. За непослушание же смертною казнью угрожают. И так предстоит война кровопролитная. У них и то уже на уме, чтобы напасть на предел российской. Жаль, что наши русские столь рано выступили отсюда. Сие будет причиною нашего нещастия.

Сверх того, носится слух, что первое числа мая новаго штиля назначено, чтоб во всех кирхшпилях вдруг открыть конфедерацию и начальником при том будет нехто знатной поляк, котораго имени неизвестно и который жительство имеет около Кейдан. Надобно думать, что этот поляк называется Прозор - один из знатнейших и богатейших в том месте людей. Сказывают, что Костюшка уже отправил в Курляндию универсалы, коими требует, чтобы и сия земля с Польшею заодно состояла.

Однако же о справедливости обоих оных известий с подлинностию ничего утверждать не можно.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 47об. – 48. Копия.

№ 24. (28 – 29)апреля. Записка ротмистра Я. Рудницкого о начале восстания в Вильно при доносе Н. Репнину

Сего апреля с 22 на 23 число новаго стиля в городе Вильне находившейся 7-й пехотный полк и артилерия с помощию бригады народной кавалерии и пришедшаго туда ж к ночи первым пехотнаго полка с частию Карла Бискуба коннаго полка, согласясь обще с начальниками конфедерации Тизѐнгаузеном, Нагурским, Вейсенгофом, Моравским, Неселовским и множеством членов судебных мест, а также мещанства и обывателей, после полуночи напали на гауптвахту и, занявоной, тотчас же арестовали российского генерала майора Арсеньева и всех штаб-и обер-офицеров, а в том числе и бывшаго пред сим в российской службе генерал-поручтиком, а после того сделавшегося великим гетманом литовским Семена Демьяновича Косаковскаго, бывшаго в то время у генерала Арсеньева, котораго, держав связаннаго, на третий день после полудни пред гаутвахтом, поставив висельницу, в глазах всего народа повесили. Нижних же чинов российских и рядовых, по некотором супротивлении утомив, как публично, так и в домах чрез обывателей и самих хозяев резали. По произведении сего объявлена всенародная конфедерация и притом сделана публикация такого содержания, чтобы всякой шляхтич садился на коня вооруженною рукою и с пяти семей ставил на войну однаго рекрута со всею к тому принадлежностию, а так же чтобы с доходов своих давал по сороку процентов со ста. В сем намерении собиралось в Вильну шляхетство из поветов Ошмянскаго, Упицкаго, Вилкомирскаго и Лидскаго и, думать надобно, что в скором времени откроется таковая ж конфедерация чрез шляхтов Мирских и Воврецких и в оставшемся за Польшею повете Брацлавском, которые уже намерены были разпострить оную и в местечко Друю. Стоявший под местечком Неменченым, в трех милях от Вильны лежащем по ту сторону реки Вилии, подполковник Левиз с баталионом Нарвскаго пехотнаго полку и с полком Донским казачьим Киреевым, услышав о произшедшем в Вильне бунте, пошел было с командою своею на помощь к Вильне, но, будучи возпрепятствован переправиться через реку по причине той, что канат, по которому для переправы ходил пором, был нерерублен, отступил назад и, подошед к Неменчинам, занял свой пост, где на третий день был возмутителями атакован, и что с ним тогда произошло, с достоверностию сказать не можно, а только слух носится, будто команда его разбита и будто

сам он взят в полон. 2-го мая новаго стиля ж, будучи оной господин Рудницкий в Опсе в трёх милях от Видзы, на разсвете слышал пушечную пальбу, а потом очень частыя выстрелы, по чему и заключает он, что произошло сражение либо с полковником Тамбовскаго пехотнаго полку Деевым либо с егерским подполковником Шиллингом или же с обеими с ними вместе. Сверх того сказывает господин Рудницкий, что в тот день, когда генералом Арсеньевым в Вильне были арестованы граф Брестовский, каноник Богуш и некоторый Грабовский, то следовало тут же арестовать и известного Мирскаго яко начальника всему оному возмущению, однако ж он совсем не был тронут.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 97 об. – 98.

№ 25. 24 апреля. Рапорт полковника М. Деева о бунте в Вильно и своих намерениях по его пресечению

Повеление вашего превосходительства я сейчас имел честь получить, на которое доношу, что я от Вильни за тридцать верст и не знаю, что теперь и делать. Здесь везде открылся генеральной бунт: бьют в костелах денно и ночно в набаты и шляхтичи с черныю собираются великими толпами в Вильню. Все польское войско взбунтовалось, и сказывают, что онаго есть же пятнадцати тысяч человек и осмнатцать пушек, обще со взятыми от нас. Вильня самое гнездо бунтовщиков и со всех мест туда собираются, хотят зделать нападение на два карабинерные полки, которые идут из Риги, но боятся меня в разсуждении, что я буду уже у них в тылу и отрежу их от Вильни. Но как те полки без пушек и атаковать их будут войско и конфедераты тысяч до дватцати, то и опасаюсь, чтоб они их не разбили. Ежели я двинуся от Вильни, то уже такое будет зло, что и прекратить никак не можно, ибо в Вильне вся сенция бунту. Я в полки карабинерныя навстречу послал пять казаков и писал им, как можно старались бы присоединится ко мне и кой час они прийдут, то с помощью божию тотчас начну штурмовать Вильню и ежели истреблю сие главное гнездо, то уповаю, что везде в здешнем краю может прекратится и тогда, по обстоятельствам смотря, ворочусь в то место, куда будет надобно. Ежели же я теперь пойду, то непременно должны пропасть карабинерные полки и бунт столь велико усилится, что трудно будет ево и прекратить. Я по повелению вашему пойду и к Минску, но только прошу на сей рапорт снабдить меня как найскорея другим повелением, ибо коль скоро отойду я от Вильни, то весь край должен пропасть по великости бунта. Ежели же разобьем полки неприятеля и возьмем Вильню, то уповаю, что бунт везде утихнет. В Варшаве черезвычайной был бунт и, даст бог, чтоб носящейся здесь слух был несправедлив, чего боже и сохрани, говорят, генерала Игельстрома взяли в полон. В Гродне тоже был бунт, но что зделалось, не знаю. К счастию гродинских войск поспешил туда парк регировав-

шейся из Вильни, которой, сказывают, подал весьма хорошую помощь нашим войскам.

Капия. АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1826, л. 210 – 210 об.

№26. 26 апреля. Письмо Н. Репнина Т. Тутолмину с требованием об исполнении императорского повеления о расходах по подавлению восстания

Извещен я чрез высочайше ея императорскаго величества именное повеление, что вашему превосходительству предписана из имеющихся у вас наличных денег золотою и серебряною монетою до пятисот тысяч рублей отпустить по моим требованиям, сколько возможно будет за вашими надобными расходами. Вследствии чего покорнейше прошу ваше превосходительство по требованию графа Ивана Петровича Салтыкова или генерала порутчика Дерфельдена до ста тысяч рублей тою монетою отпустить. Кому принять оныя деньги, от того или другого получено будет и верно их к назначеному месту доставить.

Копия. АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 42.

№ 27. 26 апреля. Секретное отношение Н. Репнина к Н. Салтыкову с изложением первоочередных нужд для истребления восстания

Быв назначен высочайшим повелением ея императорскаго величества к командованию всех наших войск в Польше и Литве и имея предписание, что от вашего сиятельства под командою господина генерал-порутчика и кавалера Дерфельдена отряжены тридцать две тысячи человек с сорока орудиями полевой артилерии, коим немедленно велено выступить в Польшу на очищение там всеобщаго поднявшагося мятежа, которым и Литва вся заразилась, прошу покорнейше ваше сиятельство, не зная от которых мест те войски войдут, приказал я им в генеральности итти между Буга и нашею границею вновь приобретенных губерний, склоняясь к Литве, коим способом они найдутся близко Бржесца литовскаго, а потом по обстоятельствам властны будут потянутся к Слониму и тем обезпечить Несвиж и тамошнюю границу, почему, быв уже в небольшом отдалении от Гродни, могут они також отрезать литовские бунтующие войски от польских.

Во всех тех местах должно им разгонять все бунтующия и мятежныя скопищи, но отнюдь на небольшия, а менее таго на самыя мелкия отряды разделившиеся. Пропитание же свое брать даром у мятежников, но, одна-

ко ж, крестьян сколь возможно сберегать, дабы не ожесточить их против себя и не опустошить так земли, что и кормится в ней будет не можно, кроме тех, которыя в действительном бунтовании найдутся, а брать все из домов и хозяйства помещиков, приставших к сему бунтованию.

Покорнейше прошу ваше сиятельство хотя некоторою суммою денежною снабдить на чрезвычайный и непредвидимыя расходы господина генерал-порутчика и кавалера Дерфельдена, сколько вам возможно будет, до ста тысяч рублей, но чтобы они были в монете золотой или серебряной. А я при сем к вам посылаю под открытою печатью мое письмо к Тимофею Ивановичу Тутолмину в Несвиж с тем, чтобы он из наличных, у него имеющихся денег, отпустил по требованию вашего сиятельства или по требованию генерала порутчика Дерфельдана ту же сумму до ста тысяч рублей тако ж золотом или серебром, куда и кому приказано будет от вас или от генерала порутчика Дерфельдена.

Равным образом прошу ваше сиятельство сего же моего курьера отправить с моим предписанием, ему вверенным, к означенному господину генералу порутчику Дерфельдену, в котором я ему пишу о всех вышеупомянутых предметах с некоторым только множайшим раздроблением... Все сии сведении мне необходимо нужно иметь в самой крайней скорости, понеже Варшава и Вильна, быв потеряны из рук наших чрез изменничество бунтовщиков, прочая отряды в Польше и Литве лишены чрез то как связи между собой, так общаго их управления и снабжения, которое, все мне соображаясь с маршем корпуса генерала порутчика Дерфельдена, сколь возможно скорее возстановить должно.

Копия. АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 43 – 45 об.

№ 28. 26 апреля. Письмо Н. Репнина генерал-поручику О. Дерфельдену с поручением оперативных мер

Быв определен по высочайшему ея императорскаго величества повелению главнокомандующим над всеми войсками, в Польше и Литве находящимися, а притом извещен тем же высочайшим повелением, что и ваше превосходительство с корпусом войск, состоящим в тритцати двух тысячах человек и в сорока орудиях полевой артилерии, в мою же команду войти имеете, вступя немедленно с теми войсками в польскую границу, о чем высочайшее предписание дано его сиятельству господину генералу аншефу и кавалеру графу Ивану Петровичу Салтыкову, но я, не зная где вы и войски с вами отряжаемые находитесь, чрез сие генеральныя только мероположении

всем предписать могу, оставя подробности и самую точность движений ваших в ваше собственное распоряжение и предлагая вам следующее. Как возможно скорее выступить с вашими войсками и поспешно следовать между Буга и границ наших, вновь приобретенных губерний, склоняясь к Литве, чрез что найдетесь вы не в отдалении от Бржесц-литовскаго, между онаго города и Минска, и тем самым движением обезлепите границу Изяславской губернии и отдалите от оной все мятежи. А в том разстоянии надлежит вам все мятежническия скопища поражать и истреблять. Когда найдетесь вы в неотдаленности от Бржесца литовскаго в вышесказанном положении, тогда должно вам склонятся к местам, лежащим между Слонима и Гродни, чрез которое положение прикроется Несвиж, с коим верную коммуникацию необходимо вам связать должно, а притом чрез самое то положение вы найдетесь в мере отрезать литовских бунтовщиков от польских. Главное же гнездо тех литовских бунтовщиков теперь находится в Вильне и инако им оттоль прорваться будет нельзя, ежели вы их застанете, как чрез Гродню или между того места пруской границы.

Вид вашего движения и всех войск ваших к тому клонится станет, чтобы в Литве усилиться, как в ближайшей части к нашим границам, ее совершенно очистить от злодейских возмущений, истребить их, искоренить и тем самым обезпечить наши собственныя границы и с ними непрерывное сообщение утвердить. Дальнейшая же движении и предприятии уже по обстоятельствам располагаемы будут.

При сем прилагаю выписку шестаго пункта изданнаго мне высочайшего имяннаго повеления для точнаго с вашим сиятельством во всех его отношениях по онаму исполнения. В силу чего еще здесь подтверждаю наистрожайшую дисциплину в войсках ваших содержать, брав же пропитание даром от мятежников, крестьян, кроме бунтующих, всевозможно сберегать, дабы их не только на себя крайне не озлобить, но и не разогнать по лесам и не опустошить так земли, что в ней ни оставаться, ни прокормится уже будет не можно.

Копия. АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 41 – 41 об.

№ 29. 26 апреля. Рапорт генерал-майора Л. Лукашевича Н. Репнину о сражении под Полянками

... по утру в 9 часов объезжие пикеты открыли, что неприятель идет от Вильны двумя густыми колоннами с двух сторон, то он, господин-полковник Деев, построясь в боевой порядок при той же деревне Поляне и в одиннатцатом часу неприятель показался и, узрев наших, разделился на шесть колонн и пощол со всех сторон атаковать. Приближась же на пу-

шечной выстрел в две линии, начел со всех сторон жесточайшею пушечную стрельбу, дабы ворваться во фрунт, но егерьми под командою подполковника Шилинга, то ж и охотниками из резерфов везде были отбиваемы, также и донскими козаками под командою Киреева, которой на первом при местечке Неменчине сражении, хотя и был жестоко ранен в живот и, не выздоровевши, сев на лошадь, везде отбивал неприятеля.

Неприятель три часа продолжал атаку, видя, что никак во фрунт ворваться не может, предприял штурмовать, придвинувшись обеими линиями со всех сторон на ружейной выстрел с великим криком и начал производить из пушек картечами и из ружей жестокую пальбу, отчего фрунт наш начал немного быть повреждаем. То и решился господин полковник Деев ударить на штыки, взял 5 рот Тамбовскаго полку подполковник Шилинг с егерскими баталионом и подполковник Левиз с тремя Нарвскаго полку ротами, Санктпетербургскаго гранадерскаго секунд-майор Етинг с двумя Псковскаго полку ротами и как скоро ударили в штыки, первую линию апрокинули и прогнали, которая забежала за вторую, а вторая зачала ретироваться, закрывая фланги конницею, которых было более 3000 человек, то, господин Деев старался ее всеми силами разстроить. Но в таком она была порядке, что никак опрокинуть не мог и наступая на оных более пяти верст, кои начали уже ретироваться с продолжением пушечной и оружейной стрельбы в лесе по дороге в Вильне, при наступившем уже вечере он оставил свое преследование. И в сражении сем отбито три полевые большия и три малые пушки, на плаце положено, которых можно было щесть, более пятисот человек, в плен взято тридцать четыре человека, в том числе офицер один. Но солдаты наши были так раздражены, что не давали пардону, но и они так отчаянны были, что раненые оборонялись. Сражение продолжалось шесть часов и с нашей стороны убито унтер-офицеров, нижних чинов и рядовых 173 человека и один поп, ранено легко подполковник Шилинг, тяжело — капитан 1, порутчик 1, подпоручик 1, унтер-офицеров 2, капралов и рядовых 322 человека.

По показанию ж взятых в плен оказалось, что сия толпа мятежников составлена из шести полков, а именно пехотных 1, 3, 4 и 7 полк, конницы 1 и 3-я бригады и первой стражи полк татарской, в которых было более 6000 человек, да конфедератов виленских мещан стрельцов и мужиков более 5000 человек под командою инжинер-полковника Ясинскаго, бригадира Селистровскаго, вице-бригадира Воврецкаго, 6-го полку шефа Несиловскаго, полковника Мейна и подполковника Грабовскаго.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 127 – 129.

№ 30. 27 апреля. Из письма полковника М. Деева Н. Салтыкову относительно положения под Вильно в связи с началом восстания

... Здешний край около Вильни: дворянство все из своих поместей выехало в Вильну, а мужики все по их повелению вооружились ружьями, косами, топорами и пиками, с их семействами ушли в леса, где и велено им дожидаться зборных и к тому назначенных от бунтовщиков мест. Селении все в здешнем краю пусты... Перехваченной изданной от бунтовщиков в Вильна манифест, которой были посланы к здешнему дворянству и духовенству, тож и первой номер виленских газет, честь имею вашему сиятельству поднести...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 251 об.

№ 31. 29 апреля. Рапорт генерал-майора Б. Кноринга Н. Салтыкову о своих распоряжениях после сражения под Полянами

Получив рапорт Тамбовскаго пехотнаго полку от господина полковника и кавалера Деева, спешу представить оный в копии к вашему сиятельству, вместе с тем и копию моего предписания, какое я по случаю онаго к господину бригадиру и кавалеру барону Беннингсену уже отправил.

Ваше сиятельство из того рапорта изволите усмотреть теперешния обстоятельства закордоннаго литовскаго края, а из предписания моего господину Беннингсену и те меры, какие к пресечению зла на поражение и усмирения бунтующих я предпринимаю. Не думаю я, чтоб карабинерные полки, в рапорте Деева поименованные, были без пехоты при них, а особливо, когда уже произшествия литовския и до их сведения доходить могли. Однако ж, для лучшей предосторожности согласил я его превосходительство Тимофея Ивановича послать к полкам тем вслед нарочнаго, чтоб они, буди только надежнаго от пехоты подкрепления не имеют, наклонялись движением своим к границам здешним, на какой случай и отряд господина бригадира Беннигсена к вспомошению им удобен. Я посылаю разъезды казаков и легкоконцов полку Изюмскаго к стороне Новогрудка и, имея от них сведение, что Новогрудскаго воеводства в некоторых селениях уже мужики возмущаются, получил от разъездов тех разныя универсалы и мятежные бумаги, которые здесь прилагаю. По случаю мятежа в сем воеводстве послал я за кардон в селения некоторых владельцев от себя обещание, а чтоб удержать дальнейшия от мятежа онаго последствия, послал также к первейшим владельцам, по рубежу границы нашей владения имеющим, и особыя еще от себя письма, склоняя их на свою сторону, дабы тем удобнее отвратить па-

губныя внушения мятежников, обратить возмущаемых противу самих возмутителей тем же самым злом, каким они против нас их настраивают и ежели совершенно уже тем их преклоню, тогда разошлю и другое обещание, которое для благоусмотрения вашего сиятельства вместе с вышеписанным обвещанием же при сем на французском языке и представить честь имею, донося, что оное на польской язык переведено будет. Я удивляюсь, что господин генерал-майор Цицианов с отрядам его ни к войскам здешней части, ни к Вильни от Гродни не выступил и держится доселе при Гродни, где более опастности подвержен, нежели как бы к Вильне или к войскам здешним прежде он себя приближил. От его превосходительства Тимофея Ивановича несколько жидов нарочных к нему отправлено было, но ни один от него не повернулся. В прочем в Минской губернии до сего, кроме в предписании к господину бригадиру Беннингсену:.. боком изьявленнаго, везде тихо, спокойно и благополучно.

Копия. АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1826, л. 222 – 223.

№ 32. 23 июля. Из письма луцкого кафедрального схоластика, острожского официала Иоанна Подгорского о гонениях униатов в момент восстания

... Во многих местах городничие читают универсал преосвященнаго архиепископа Виктора (Садовского – ред.) и уговаривают униятов свецких и духовных на благочестие. Знают, что сие не по приказанию губернатора, но по своему соизволению делают и для того, естли бы из его протопопии Бучинского сие учинить хотели, имеет он, Бучинский, предостеречь священников, что они не должны никаких других универсалов слушать и принимать, как только от ея императорскаго величества, от господ генерал-губернатора Тутолмина, губернатора Шереметева и от их епископа, яко признанаго ими за вышняго их начальника...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 80 об.

№ 33. 12 октября. Из показаний на смоленском следствии шляхтича Т. Вышемирского относительно призыва в ополчение жителей местечка Воложин

... когда состоящаго в Польше местечка Воложина, принадлежащего князю Чарторижскому, польской намесник Павловской при губернаторе Михаиле Корзоне читал ему, Вышемирскому, универсал, чтоб давать крестьян к возмущению против России, а ежели даны не будут, то они отозвались ево Вышемирскаго повесить, почему и согнал он всех крестьян с фольварка Адампольскаго более ста человек в то местечко Воложин с ружьями, косами и пи-

ками, и сие учинил из боязни, чтобы за ослушание самаго его не умертвили. Отлучаться же ему было нельзя за тем, что за ним присмотр имели.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 83.

№ 34. 18 октября. Свидетельство на смоленском следствии сморгонского мещанина М. Куницкого о способах комплектования поветовой милиции

.. А допросами он, Куницкой, показал.

1-м, у господина генерала порутчика и кавалера Тутолмина, что означенной Францишевской, местечка Сморгони эконом, шляхтича Закревскаго, ево, Куницкаго, и крестьян более 200 человек, вооружив пиками, выслал за местечко, приказал не допускать во оное российского войска, ободряя их, что того войска не более 90 человек, и из них Закревской и 11 человек вооруженных навстречу против российского войска и для разведывания о положении, почему не могла собранная толпа, в числе коей и он, Куницкой, находился, далее стоять, а возвратились все в Сморгонь.

2-м, в комиссии, что он в подданстве российском не состоит. Когда же в местечке Сморгони были читаны польские универсалы, чтоб жители против российских войск имели предосторожности и пики, а ежели кто не будет послушен, тех велено вешать, то означенной Францишевской велел зделать виселицу и, призвав его, Куницкаго, приказал объявить всем крестьянам, чтоб они зделали пики. Почему он крестьянам о сем и подтвердил, но после услышав он, Францишевской, что российские войски к Сморгони приближаются, сам с економом из Сморгони выехали, а ево, Куницкаго, призвав, приказал, чтоб крестьяне российским войскам противились. Однако ж он с крестьянами, убоясь российских войск, сделанныя пики сожгли и когда российское войско вошло в Сморгонь, то он, Куницкой, равно и шляхтич Гедымин, никакого оному супротивления не делали, показанное о пиках приказание делал, боясь угроз означеннаго Францишевского виселицею. Напоследок в пополнение объявил, что по приказу его, Францишевскаго, сморгонские крестьяне навстречу российских войск в поле выходили и с ними он, Куницкой, находился, но никаково сражения не имели.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 92 – 92 об.

№ 35. 12 октября. Показания на смоленском следствии шляхтича И. Ляховского относительно ксенофобии в окрестностях местечек Рубежевичи и Ивенец

Допросами же он, Ляховской, показал.

1-м, у господина генерал-порутчика и кавалера Тутолмина, что его Ляховскаго означенной Зайцев просил съездить до села Хотова и там сказать, чтоб козаки жолнер достигли и всех их схватили. И сие он сделать обещал, но не исполнил потому, что на пути том стояли поляки. Когда же он у жида, пив горячее вино и увидев, что мера мала, то говорил жиду: " Вы думаете, что будете москали. Нет, теперь поляки уже вошли и войска довольно и вы не будете такими мерками продавать вино". А после того выговаривал еще многим жидам: "Для чего вы ездите от москалей шпионами ? Вас поляки вешают и уже однаго в Ивенце повесили"...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 89.

№ 36. 18 октября. Из свидетельства в смоленской комиссии монаха раковского доминиканского монастыря Л. Булгака о рейде М. Огинского в Минскую губернию

1-е. Он, Булгак, 31 мая выехав из Ракова к подпорутчику Ростовскаго полку Андрею Греденкову в Воложино, был у господины Галимскаго, с которым, по прозьбе онаго порутчика, опять возвратился в Воложин. Но при самом туда приезде нашли польскую команду, которая ево и Галимскаго посадили в погреб, а потом представили к Огинскому, приказав ему ехать за собою. Галимской потаенно уехал домой, а он, Булгак, не находя к тому удобности, следовал с бунтовщиками до корчмы Сивицы, откуда Огинским и его секретарем Дедеркою отправлен в Ивенец для разведания — есть ли там российския войска. Доверенность сию зделал ему Огинской яко давно знакомому по владению ево Раковым. А он принял ее как по сей же причине, так и потому, что ожидал получить за сие обещанную лошадь. Приехав в Ивенец, говорил встречавшимся и находившимся на ярмонке, что в Воложинке польския войски забрали российские и что утром Огинской с войском будет и в Ивенце, советуя тамошним жидам, чтоб ради собственной безопастности дали Огинскому больше денег, и делая сие самим собою без поручения от Огинскаго или от иных, ибо Огинской приказал только уведомить ево на утрие о прибытии в Ивенец одного ксенза Каминскаго, которой извещен им Булгаком.

В Ивенце, получа от знакомаго жида Схали лошадь с извозчиком, отпра-

вился к тамошнему помещику, своему приятелю, Ратынскому и с дороги отправил онаго жидовскаго извощика к Огинскому с словесным уведомлением, что в Ивенце российских команд нет. Приехав к Ратомскому в Пережиры, уведомив и его о том же, о чём ивенецких жителей, но он ответствовал, что и знать о тем не хочет, желая наслаждаться покоем. С чем Булгак и возвратился от него в Ивенец, застав тут Огинскаго, котораго тамошния жители встречали с хлебом и солью. Кто и что с Огинским говорил — того не слыхал, а только видел к нему приехавших из Пережир упомянутаго своего знакомца Игнатия Ратынскаго, брата его Антония, минскаго конюшаго и кавалера Игнатия Ратынскаго, майора Эстко, Тадеуша Жебровскаго, шурина его Антония Ковзана и другаго Жебровскаго, которыя на ярмонку приехали или к Огинскому — того он не знает. И тут Огинской заставлял ксенза Каминскаго читать бумаги, но когда сей отозвался, что долгу на то не имеет и что за то может получить наказание от российских войск, яко учинившей присягу, то Огинской, не говоря никаких грубостей, пред всеми в доме Каминскаго находившимися сам читал оные бумаги под названиями: первая "Отзыв польскаго народа к российским солдатам", печатной за подписанием Костюшки, другое, универсал его, 0гинскаго, о всеобщем возстании, и сей последний приказал своему адъютанту Грабовскому прибить к костельной двери, а первой, печатной, отдал Каминскому, да сверх того неизвестно какой сверток вручил Эстке. Секретарь же его, Дедерко, шесть таковых же свертков вынес к находившимся на дворе, но кому роздал он, Булгак, не знает.

2-е. Огинской, находясь в Ивенце, разговаривал большею частию с конюшим Ратынским, объявляя оному между прочим, что, приехав в Ивенец, забрал в российским обозе более нежели на триста или четыреста тысяч злотых. Наконец, подошед к Эстке, вынув из ножен саблю его говоря, что она хороша на истребление русских. А Эстко, улыбаясь, отвечал, что оная уже стара. Отдав же Эстке саблю обратно, обращался с ним очень ласково, предлагая всем вообще, чтоб для составленных к спасению Отечества войск давали деньги или что кто имеет. Причем оной Огинской уверял, что россиян страшится уже не для чево, имея в одной Вильне более 36000 польскаго войска, достаточно вооруженнаго и весьма храброго. После приказывал ему, Булгаку, чтоб он, возвратясь в Раков, сжег оной, находящейся в нем замок, и о том дал к своим официалистам и раковским мещанам письменной приказ, которой им, Булгаком, брошен в доме ксенза Каминскаго.

С последователями своими, выступив из Ивенца, Огинской, которому Ратынския, Жебровския, Эстко и прочие, а с ними и народ, откланиваясь желали щастливых успехов, заходил в Камень к тамошним владельцам Юдицким, был угощаем ужином и обедом, взяв от него в 300 червонцев коня, но в подарок или принужденно, он, Булгак, о том неизвестен как

и о предприятиях его, Огинскаго. При выезде из Каменца видел жидов, везших однаго еврея мертваго, о котором они ему сказывали, что повешен во время прохода войск польских по доносу мальчика, что он был российским шпионом...

... А слышал только от польских офицеров, поддавшихся России хоронжаго Войневича и товарища Пилецкаго, что они не таясь переговаривали в кампаниях: " ежели бы была удобность перейти в Польшу, то и те войски туда же бы перешли"...

РГАДА, ф. 7, оп. 2. д. 2869, ч. 1, л. 98 – 100.

№ 37. 25 октября. Из показаний на смоленском следствии шляхтича В. Лазаревича о настроениях шляхты Минской губернии во время диверсии М. Огинского

... А допросами у генерала порутчика и кавалера Тутолмина признался, что во время проезда ротмистра имел разговор, начатой сожалением, что при мятежнических предприятиях поляки с самого начала не вошли вдруг в новые российские пределы и что к содействию в том с ними всякой был готов, а потом судя, что все это оплошностию уже упущено, кончил желанием, чтоб скорее возстал покой. И к сим разговорам прибавил о слышанном от казака проездом в доме отца его бывшаго, что под Ивенцом есть в лесу жолнеры или разбойники.

А в комиссии показал, что... означеннаго же Шацилу, которой находится во услужении у белорусскаго помещика Юдицкаго, живущего близ Рогачова, угощавшаго бунтовщика Огинскаго ужином и подарившаго его дорогой цены лошадью, как показывает ксенз Булгак, он на сторону не отводил и таких слов – "Уважаю кровь твою шляхетскую, остерегаю и советую недолго в Римашах с провиантом мешкать, поелику от нас недалеко жолнеры разъезжают" – не говорил. Что ж в Несвиже в допросе ево написано, что он, увидясь с ним, Шацилою, начал разговор с сожалением, для чего поляки с самаго начала не вошли вдруг в новые российские пределы и что к содействию в том с ними всякой был готов, но все сие оплошностию упущено, то он, Лазаревич, сказывал не таким образом, а показывал, что сам он, Шацило, о том ему Лазаревичу и радзивиловскому економу Цвирко и войту Римошевскому говорил, что ежели б поляки с начала года за два в новые российские пределы вошли, то б и они, белорусские жители, помогали, а теперь надобно желать, чтоб был покой, что слышали то економ Цвирко и войт Римашевский.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 170 – 170 об.

№ 38. 25 октября. Отрывок из показаний в смоленской комиссии крестьян перетрутовицкой волости С. Ломака и К. Шкоды относительно провокаций эконома С. Любовича

... При произведении упомянутою мозырскою комисиею к удостоверению о истинне извета крестьян Ломака и Шкоды из семидесят четырех человек перетрутовицкой волости поселян изследования, которое прислано в подлиннике.

Сорок человек объявили, что он, Любович, в разныя времена, как они находились на господской работе, разсказывая о победах, одержаных поляками над российским войском, говаривал им лично, что ежели поляки превозмогут россиян, то он всех их перетрутовицкой волости крестьян погонит с косами и топорами навстречу убегающим россиянам, чтоб оные истребить. А из достального числа поселян иные говорят, что о таковом зломыслии Любовича слышали от своих однопоместников по отбытии уже сеймика жиды, которыя, при отлучке своей с жалобою в Минск, похвалялись, что економ Любович их наказывать уже не будет, другия, что он только спрашивал, на какую сторону охотнее бы преклонились, на польскую или на русскую, и, получив ответ, что ни к той, ни к другой стороне, яко не сродныя к войне, преклоняться не могут, более ничево не говорил. А некоторыя объявляя, что они о том от Любовича никогда ничего не слыхали, обнаруживают, что крестьяне за причиненныя им побои взволновались против Любовича, вышли из ево повиновения и отправили от себя вышеозначеннаго Ломака и Шкоду в Минск с жалобою...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 172 об.

№ 39. 9 ноября. Отрывок из признаний в смоленской комиссии поручика И. Копца о подготовке бунта в Пинской бригаде

... Допросами же он, Копец, показал.

1-м, что... несколько эскадронов ушло в Польшу и там офицеры получили похвалу и подарки, а оставшихся назвали изменниками.

Потом, когда чрез несколько месяцев, не имея от казны никакого платежа, произошли новыя побеги в Польшу, то вице-бригадир Сломинской и выступил в киевское полесье, но и там не получили ни жалованья, ни мундиров. А между тем генерал Кречетников скончался и они всей надежды лишены стали, ибо почти целой год не получали ни амуниции, ни платежа, ни же распоряжений. А сие самое заставило их думать, что то было средство для удаления их от себя. Около того же времяни проезжавший чрез квартеры их Вечфинской открыл ему, Копцу, тайну, что в скоро-

сти обнаружится в Польше рушение и ежели кто не приступит к ея защищению, тот, лишась имяни поляка, наказан будет отнятием жизни и имения. О чем он открыл той бригады порутчикам Корсаку, Короткевичу и хоронжаму Карницкому. Потом с ожиданием прибытия от Прозора Косинскаго удостоверился от него как о действительности рушения польскаго, так и о том, что генерал, граф Суворов их раскасирует. И как прежде назначеннаго времяни прибыл с двумя ескадронами порутчик Коллантай в ево, Копца, квартиры, уведомляя, что вице-бригадир Сломинской выехал в Житомир за ротами, чтоб их забрать, ибо о их условии уже узнал, то он, Копец, принужден был мгновенно выступить в поход, разослав записки, дабы немедленно догоняли ево в марше и, соединясь в лесу за Ушомиром на тракте в Дубну, следовать в Кременец и там соединился с обозом Гроховскаго, основываясь на сем распоряжении, что ежели повстречается опастность, то, распустив войско, искать своего убежища в Галиции. Но, маршируя с Гроховским, соединился с войсками под Варшавою и там был с прусаками в сражении. Потом отправлен с обсервационным отрядом против австрийских войск, а наконец употреблен Костюшкою к сражению с российскими войсками и, будучи ранен на месте сражения, взят в плен...

При выступлении Пинской бригады в Польшу находились во оной майор Корсак, порутчики Лопата, Коллб, Шмигельский, Корзан, Короткевич, Шукевич, Глинский, Белозор и Осмаловский.

2-м, что при открытии ему Вечфинским тайны о возстании польском, хотя он, Копец, и спрашивал его о средствах к тому употребляемых, однако он сказал ему, что малых чинов людям всего знать не должно, ибо их дело состоит только в том, чтоб исполнять повеления, а кто в сем общем деле участия не примет, тот будет сожалеть и лишится имяни поляка, но что турки и шведы объявят России войну, что с венграми сделан союз и что французы дали полякам милион червонцов. Пред разговором же ево с Вечфинским носился слух, разпространенной от тех знатных поляков, которые питали в себе недоброжелательство к России, что в великую субботу во время всенощной, российские войски в Варшаве вырежут чернь, возмут арсенал и все польские войски обезоружат. И сии известии выдавались за полученный чрез почту, но без подписания имян, и были, как из следствий видно, нарочно для того употреблены, чтоб распалить умы. Главные же начальники заговора были Колонтай, Закревский, Игнатий Потоцкой и другие, но о князе Адаме Чарторижском точно не знает, потому что он находился по большой части в Вене. Из Галиции присылано было много денег, а кем, того подлинно не ведает.

О самом начале заговора знали об оном только те одни, которые имели

ежегоднаго доходу не менее ста тысяч польских злотых. Известно ему, Копцу, было после выходу за границу от самого Костюшки, что в поколебании российскаго края имел он большую надежду на Прозора и Дзялинскаго, но что они испортили дело. А кто из обывателей российского кордона принимали в том участие, того он не знает. Косинскаго уверения содержали в себе опасность, что войски бывшия польския будут обезоружены и распущены, а сие казалось неизбежным и по словам российских офицеров, с которыми они иногда видались и разговаривали. Что около декабря месяца прошлаго года Вечфинской привозил полученное от Прозора, которой был назначен начальником в воеводстве Киевском, а к нему доставленное от Костюшки повеление, что в Кракове скоро откроется конфедерация и чтоб все для спасения Отечества своего от неприятеля принимались за оружие, которому возвратится отнятая слава, лишь бы только все совокупились.

Выступая за границу, ни от кого из обывателей не имели они никакой помощи и что собственно до него, Копца, касается, то он употребил даже свои оловянныя ложки, чтоб налить пуль. Дошедши же до Ушомира и не имея денег ни копейки, выпросил пятдесят червонцев у владельца сего местечка Богуша, котораго, как человека робкаго, страхом более к оказанию ему сей помощи принудил. Но кроме Вечфинскаго, Косинскаго, он, Колец, ни от кого не слыхал о возмущении, потому что стоял в отдаленном месте. Делали же кто и кому подобныя внушения, о том он не знает.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 183 – 184 об. (На 2 апреля 1794 г. Пинская бригада состояла в 10 эскадронах в 13 обер-офицерах, 2 лекарях, 108 унтер-офицерах и 157 рядовых. Примечание ред.).

№ 40. 22 июня. Из свидетельства на смоленском следствии капитана И. Ельского о заговоре в гродненском гарнизоне

... после смотру роты ево шеф Тизенгаузен зашел в ево квартиру и сказал –" Подпишись", но он спрашивал к чему и, видя, что другие усмехаются, промолвил, что и он подпишется, ежели другие то зделают. После того, напившись кофию и выславши людей, шеф расказывал, как казалось ему, с видом удовольственным, что из Кракова есть новости, по которым известно, что там Костюшка сделал конфедерацию, что французы дали на оную четырнадцать милионов ливров, что там учрежден уголовной суд и во оном присутствует Солтык, посол краковский, что сей суд никого не щадит из тех, которые противны конфедерации. О сем Гольской, писав к жене своей в Варшаву перваго апреля, уведомляя ее, что шеф при смотре роты его

расказывал о таких вещах, о которых он при всех сказал, что казались ему шуткою. И сие письмо было в Варшаве перехвачено и зделалось поводом, что как шефа, так и его и других офицеров генерал-майор князь Цицианов по приказанию барона Игельстрома арестовал.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 226 об. – 227.

№ 41. 25 октября. Показания в смоленской комиссии генерал-майора И. Седликовскего о своих действиях по исполнению универсалов восстания

Допросами же он, Седликовский, показал, что в подданстве российском не состоит. А по открытии в Вильне революции учреждены были в сем городе вышней совет, а в других суды криминалные для суждения преступников в ослушаниях к получаемым универсалам и сверх того комиссия для сбору рекрут, провианта, фуража и денежных податей. Ейшишские дворяне на послушание присылаемым универсалам приведены были к присяге и во время той революции по универсалу виленскому от Ейшишскаго повета выбран он к поветовым войскам генерал-майором. А должность ево состояла в том, чтоб старатца в точности выполнять присылаемые от Костюшки, от вышняго совета и от генерала Ясинскаго универсалы в наборе рекрут, в сборе провианта, фуража и денежных податей. Когда же он по той своей должности набрал в польскую службу из шляхтичей и крестьян пеших и конных человек до дву тысяч, то от Ясинскаго приказано было ему итти с ними к Вильне, в которую пришед, подал рапорт показаннаму Ясинскому и от него получил приказ с оставшеюся от разбегу командою стать в виленском форштате, где стояли месяц...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, д. 162.

№ 42. 22 февраля 1795 г. Из допроса в смоленской комиссии подполковника Я. Зенковича относительно восстания в Завилейском повете и рейда М. Огинского на Динабург

... А допросами он, Зенкевич, показал у генерала порутчика и кавалера Тутолмина, что на верность и подданство ея императорскому величеству присягал и сию присягу нарушил по ветренной молодости своей. А по выезду из дому своего в Вильню с принуждения польских мятежников присягу учинив в верности и повиновении Речи Посполитой, чему последовал и брат ево, Ксаверий Зенкович. И когда от бывшей в Вильне вышней рады велено было ему с братом ехать в местечко Свирь и составить тамо из обывателей повета Завилейскаго сеймик для выбору новаго генерала, то они оба безотри-

цатально туда поехали. А приехав, нашли тамо съехавшихся из тамошних обывателей человек до семидесяти и на том сеймике выбраны брат ево поветовым генералом, а Бучинской в делегаты, где кроме ево с братом из жителей присоединеннаго края ни единаго не было.

На другой день возвратились они в Вильну. Там от генерала Ясинскаго утверждены в новозаводимой тогда 27-й полк завилейской брат ево поветовым генералом майором, Чехович—полковником, а он подполковником. Потом Ясинской, отрядив о ним, Зенковичем, 12-ть человек жолнер, сверх того вооружив с ними трех человек из ево слуг, отправил ево в местечко Волколаты, в Минской губернии состоящее и принадлежащее брату ево, Ксаверию Зенковичу, с строгим приказанием разбить тамо находящуюся российскую команду и, взяв в плен, доставить к нему, Ясинскому. Почему он с тою командою отправился в Волколаты, где, по сражении с российскою командою и по упленении из них семи человек солдат, взял в плен капитана Комашева, девять человек солдат и 18 строевых лошадей, и с ними возвратясь в Вильню, представил их по повелению Ясинскаго в вышшую раду, от которой они тогда же отданы под стражу. Потом отправлен он с братом ево Ксаверием в местечко Свирь для сформирования завилейскаго полку. Оттоль командирован к авангарду под Кобыльник, а вслед за ним прислан туда и брат ево с егерями и кавалериею, всего же более в семистах человеках бывшею при трех орудиях. Но генерал Герман вскоре атаковал и, побивши несколько, принудил их ретироваться к Михалишкам. Оттоль послан он в Вильну...

Из оной чрез две недели явился к генералу Огинскому, находившемуся с корпусом в Лобонарах, а оттоль, соединяся с поветовыми генералами в Браславском повете с Беликовичем, а в Вилькомирском с Мориконием, и, составя всего из 5000 отборных и совершенно вооруженных людей, гналися всем тем корпусом за подполковником Сакеном до самой почти границы курляндской в намерении его атаковать, разбить и взять. Но не могши достичь его, обратились к Курляндии, в местечке Дусятах, в трех милях от Динабурга отстоящих. Огинский, оставив весь тот корпус, сам отправился с тремя только ескадронами кавалерии, состоявшими под командою полковника Чеховича, майора Городенскаго и ево, Зенковича, и, став в местечке Илуксте, в близости от Динабурга лежащем, послал ево, Зенкевича, с ескадроном в правую, а Городенскаго с другим — в левую сторону с строжайшим приказанием непременно переправиться, где удобнее, чрез реку Двину к Динабургу и настоятельно требовать сдачи онаго, а в противном случае уведомить, чем имянно из города отзовутся. На другой день утром рано пустился он против Динабурга со всем ескадроном вплавь, переплыл поло-

вину уже Двины, но, быв встречен от засады по берегу залпом оружейных выстрелов, обратился назад. В половине онаго же дня то же сделал, но равномерно прежнему оружейными выстрелами обращен. После того узнав, что Городенской, переправившись с некоторым числом ескадрона своего, находился уже по дороге за Динабургом, дал он, Зенкевич, в Динабург чрез трубача знак, по которому тогда же переплыл к нему, Зенковичу, в лодке офицер. Оному Зенкович, изъяснив настоятельное требование генерала Огинскаго, дабы город сдался или зделал решимость, просил чрез него к себе для переговора в том начальствующего городом. Но комендант полковник Гулевич чрез присланнаго к нему, Зенкевичу, того же офицера, объявя воспрещение законом на таковыя случаи из города отлучатся, просил ево, Зенковича, к себе. Почему он, Зенкович, с оным же офицером и своими двумя отправившись чрез Двину, явился к коменданту, бывшему тогда с майором и офицерами в предместии Динабурга, говорил с ним лично о сдаче города и, получив от него и протчих офицеров отзыв привесть на письме условии Огянскаго, на которых он требует помянутой здачи. О чём он донес Огинскому и взял от него пункты условия на здачу города.

Утром на другой день через знак трубача опять с теми же из ескадрона ево офицерами перевезен в Динабург и подал оные коменданту, в предместии находившемуся, которой вместе команды ево с офицерами, уверя ево, Зенковича, что те пункты подпишет, просил несколько часов на разсмотрение оных. Но чрез немногое время ожидания ево, Зенковича, тамо Огинский, явясь сам пред Динабургом на другой стороне берега, кричал к нему, Зенковичу, с гневом – долго ль приказанное исполнено не будет. Почему он, Зенкович, тогда же переплыв, просил его настояниями в здаче города повременить. Но он, грубо выговаривая ему, Зенкевичу, называя медление ево безумным, в то ж почти время зделал три выстрела из пистолета. По чем волонтер Павлович, близ самого предместия динабурскаго с командою находившийся, произвел на оное выстрелы из ружей, а ево, Зенковича, 0гинской отправил тогда же для поспешания сикурсом с письмом к генералу лейтенанту Хлевинскому, бывшему тогда в Янове. Оной послал к командовавшему генералу Вельгурскому, находившемуся в Белом Стоке, а сей препроводил ево, Зенковича, в Варшаву к Костюшке, где находясь, он, Зенкович, четыре недели, был не один раз в сражении с прусаками, а в последний раз, когда часть польского войска под Визною от прусаков разбежалась, в том числе и он, пробирался по дороге к Вильне и съехался с полковнивом Чеховичем, также в дом свой пробиравшимся. Хоронились в лесу, откуда они российским офицером и взяты.

В комисии он, Зенкович, показанной допрос свой утвердил без всякой отмены, а сверх того пополнил, что он недвижимую собственность

имеет Минской губернии в Завилейском повете деревню Веречату, в ней крестьян 50 дворов, да принадлежащия ко оной деревни фольварки, в польской сторонее находящиеся, Свинка, Мовчаны, Ходосы — в них крестьян до 250 дворов..., а имянно у него, Ксаверия, состоит в Минской губернии деревня Волколаты с деревнями, в коих крестьян 500 дворов, и он, Ксаверий, будучи поветовым генералом, по повелению виленской рады из польских местечек и деревень брал в польскую службу рекрут и бывал с российскими войсками в сражениях.

А пункты капитуляции помянутаго генерала Огинскаго им, Яном Зенковичем, динабурскому коменданту, полковнику Гулевичу, вручены следующего содержания. 1-е, чтоб комендант города Динабурга, выступив из города с командою своею, отдал оружие. 2-е, чтоб оставил всю амуницию, как лошадей, под пушки годных. 3-е всем обывателям и офицерам обезпечивается их собственность. 4-е, чтоб офицеры дали честное слово, что с народом не вступят в сражение. 5-е, чтоб город и жители на верность народу учинили присягу.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 216 об. – 219.

№ 43. 30 января 1795. Из показаний в смоленской следственной комиссии подполковника Т. Городенского о своем участии в восстании

... проезжая по пути собственными маетностями, собрал он человек до 40 своих подданых, вооруженных косами, и с ними вместе прибыл домой. Гости в то время уже спали. Он их разбудил и звал с собою. Все отказались. Он же, сказавши им, что идет в конфедерацию, поехал тотчас с теми своими поддаными к Вильне. Отъехав за полмили, почуствовал он страх и зло своей неосновательности, зделал на поле совет, спрашивал мужиков, что делать, и, не получив от них никакого ответа, вернулся домой, распустил подданых и лег спать. Поутру гости дали ему чуствовать нещастие, коему вероломным поступком своим он подвергся. Потом пришол конюшей его Вишневской, начал ему представлять все ужасы бедствий, какие по российским законам подвергнут его неизбежно за начатие бунта и непременно советовал как наискорее удалится, ежели не хочет испытать, как станут ломать над ним саблю и как повезут ево в сылку. То, будучи в страху, приказав сесть на лошадей дворовым своим людям, коих было до 16-ти человек, поехал за границу к Вильне и во время того проезда нигде ничего не грабил, не жег и никого не соглашал к возмущению.

Потом приехал в Вильну в числе 17-ти человек, которых у него тотчас отобрали и отослали в корпус. 11-го июня по римскому стилю предводитель возмутителей Ясинской и рада народова виленская призвали ево и

велели итти в Поставы, обещали дать под команду 6000 человек войска. Но между тем отправили только с передовыми конными, а о шести тысячах уверили, что будут присланы немедленно. Сии 6000 войска действительно и были на пути, следуя в пределы Минской губернии, но генерал-майор граф Зубов, встретя их при местечке Соли, разбил и, разсеяв толпу сию, уничтожил предприятие. Ему ж, Гроденскому, инструкциею от Ясинскаго данною, предписано было исполнить в Поставах следующее. I. Взять бывшую там российскую канцелярию. 2. Разослать по парафиям универсалы о возстании народном. 3. Созвать к себе шляхетство и выслушать от них присягу на верность народу, а сделавши все сие, итти в воеводство Полоцкое, найдя там способное место, учинить то же, что и в Поставах. Сверх того, стараться найти и поймать Котвича, бывшаго советником в Торговице, и онаго за конвоем прислать к Ясинскому. Ксаверия же Хоминскаго, воеводу, что тайный советник, Жабу, судью Францишка Янковскаго и подкоморжаго Михайла Данилевича старатся увидить и просить их от имяни Отечества и народа, чтоб приехали в Вильну, которым и конвой придать для их безопастности.

По основанию той инструкции вошол он в Поставы, обнародовал универсалы о возстании народном, поставил две виселицы, созвал до 200 хлопов вооруженных, забрал канцелярию и вместе с нею патрона Ивановскаго, капитана исправника Гана, адвоката Антушевича и, ожидая сближения обещанных 6000 войска, хотел далее простирать свои действия. Но вместе с поражением их под Солью подошел к Поставам генерал-майор Герман, увидев котораго и между тем лишась надежды в получении подкрепления, он тотчас ретировался с генералом Зинковичем, которому отдал архиву и навербованных в Поставах поселян. А сам в числе 60 человек конных пошел прямо в Вильну, где был один токмо день, и потом по ордеру Велегурскаго отправлен с 260-ю человеками конницы под команду Михайла Огинскаго.

Сего нашол он под Свинцянами в 10 или 12-ти милях от Вильны. Оттуда пошли они с Огинским в Курляндию, дошли вместе до Двины, чрез которую Огинской начал переправляться, а он по ордеру Велегурскаго обратился к Ковне. Из Ковны под командою Сулистровскаго пошли в Пруссию, оттоль с известием о взятье Сохачева послан в Варшаву курьером. Там был полторы недели и, наконец, по совету короля выпросил от службы увольнение еще прежде взятья Праги.

... (Из второго допроса)... в апреле месяце после праздника святыя пасхи недели чрез полторы во время церемониальнаго погребения отца ево были в доме ево гости: Бржестовская, каштелянова, и протчия ево

соседи. И в то время принес к нему, Городенскому, в дом пакет с Ясинскаго универсалом и другими письмами российской солдат по той только причине, что он, Городенской, числился в польской службе. А особенной связи и заговору к бунту с Ясинским и ни с кем не имел. Но ис тех гостей никто соединяться с бунтовщиками не хотели. Из них же Лапицкий, палестрант полоцкой, уговаривал ево, Городенскаго, чтоб он бунтовщикам не следовал. Но как он был пьян, то ево не послушал. При возвращении ж от Бржестовской в дом свой, чтоб, едучи чрез свою деревню Раковицы, войтов и крестьян собирать и сам, стоя на коленях, присягать их Костюшке принуждал, в том не признался и никаково им орудия не раздавал. А по уговорении Вишинским отправился в Вильну и явился к Ясинскому, от коего представлен в виленскую раду и оставлен там без всякаго ему препоручения июня до 11-го числа, в которое время, как выше показано, отправлен был с командою в Поставы.

По прибытии туда, во-первых, мстиславскаго воеводу Хоминскаго и польскаго воеводу Жабу секретным образом уведомил, чтоб они себя берегли, ибо ему их велено взять под караул, а потом приказал поставить две виселицы по данному ему от Ясинскаго повелению для страху шпионам. Шляхтичей и Хоминскаго людей в польскую службу принимал он по добровольному их желанию, а не насильно, коих людей было человек до 6. А из шляхтичей один только принят учитель Крапивницкий. Более ж добровольно и насильно никого не брал. И когда он в Поставах был, в то время было о ним команды конных 60 человек. А по выступлении ево из Поставов от генерала Велегурскаго присланы были к нему в местечко Михалишки конных же жолнеров 200 человек с двумя офицерами и велено было ему, Городенскому, со всею командою следовать под команду Михайлы Огинскаго, подскарбия литовскаго, котораго нашол он в местечке Свинцянах, и с Огинским пошли они в Курляндию. А по пути перехвачены им два российския курьера, майор Маматказин и поручик Сорокин, и с депешами представлены к Ясинскому.

Дошед до Двины, чрез которую Огинской начал переправляться, а он, Гроденской, с прежнею в 260-ти человеках командою по ордеру Велегурскаго обратился к Ковне, а из Ковны под командою Сулистровскаго пошли в Пруссию. И слышал он, что Огинской посылал для взятья Динабурга подполковника Зенковича, но оной не был допущен, а потом от него ж, Огинскаго, послан был для взятья Динабурга волонтер Павлович с командою, которой на тот город и нападение учинил. А поветовый генерал-майор Марикони был тогда в Вилькомирском повете в местечке Дусяты с своею командою в числе 4000 человек, от Динабурга в верстах в 40. В

протчем, как в варшавских так виленских и других заговорщиках к бунту и о участниках во оном показал, что не знает.

(Из приложения к допросу Т. Городенского по доносу шляхтича И. Плушевского).

... А как в комиссии на онаго Городенскаго от подсудимаго во оной шляхтича Иозефа Плушевскаго показано, что он, Городенской, в 1794 году весною, набрав шляхты и крестьян 18 человек, вышел в Польшу, а в Польше набрал еще человек 30, пришол Минской губернии в местечко Поставу, где поставил две виселицы для ослушных. Потом, набрав в польскую службу шляхтичей, также Хоминскаго дворовых людей и крестьян с 20-ть, в том числе и сына его Плуневскаго взяли насильно, вышел опять в Польшу...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 201 – 204 об.

№ 44. 14 декабря. Из дознания крестьян имения Чечевичи против управляющего Ю. Руцкого на смоленском следствии

... В доносе имянем всей чечевицкой вотчины крестьян Григорья и Тимофея Караваевых и Анисима Велко(сказано), что когда все означенной чечевицкой вотчины крестьяне работали нынешним летом на сенокосе, то оной Рутской сказывал всем, что поляки везде русских наголову побивают, что набранные с косами сильную польским войскам делают в том помощь, что скоро и здесь находящихся русских всех покосят и притом дополняя, – "Вострите, братцы, и вы косы. Придет время, станем и мы руских косить", – воздевал при всех многожды к небу руки и просил, когда бы бог всем помог, чтоб все русские были истреблены. Во учиненном на месте свидетельстве двенатцать человек крестьян по приводе к присяге показали, что когда они были на господской работе, то показанной Рутской сказывал им, что под Вильною 30000 российских солдат поляки побили, что есть в Польше 50000 регулярнаго войска и ко оным в прибавок рекрут свыше 70000, что те рекруты с косами делают польскому регулярному войску в каждом деле великую помощь, что в скором времяни всех россиян покосят. При том советывал им острить косы, приговаривая – "Будет время, что и вы будите в забранном краю руских косить". Подняв руки вверх к небу и спустя оныя, говорил им: "Хотя вы ружей не имеете, но острыми косами станете косить", прося бога, чтобы вам помог всех российских салдат истребить, и что он в доме имеет камоту причистую под дверми, которая показывает ни что иное, как бог Польше поможет своих неприятелей победить.

Допросами оной Рутской объявил:

1-м, что во время уборки нынешним летом сена, не только каких-либо внушений о заграничных мятежах не делал им, но и никаких разговоров о том с ними или с кем не имел кроме того, что когда сами же подданые, видя с самого начала изтекающаго лета безпрестанно бегущих из заграничной Литвы подданых от повсеместнаго тамо мятежа и от голоду, начали о том на сенокосе разговор с боязнию, дабы таковое зло от бунтовщика Костюшки и их не коснулось, то, услыша сие, он, Рутской, говорил им только то, что должно молить бога, чтоб был покой и при всех их о том одном молил бога.

2-м, в комиссии, что ныняшняго 1794 года в начале августа месяца, когда.. деревни Чечевиц крестьяне были на господском сенокосе и некоторыя из однаго места переходили на другое, положа на плечи свои косы, а другия начали косить блиско один от другова, то он, Рутской, им сказал, что вы как солдаты косы свои на плечах несете, а другим, что становитесь между собою близко. И на то они, крестьяне, ему сказали — "Нынече, де, и крестьяне, как солдаты косами воюют". На что он, Рутской, им сказал только то, что слышал от помянутаго прохожаго будника о воевании крестьян косами, а говорил ли им, крестьянам, все вышепоказанные от будника слова, того не припомнит, а уповает, что из них, крестьян, многие и сами те слова от онаго будника слышали. Он же, подняв к небу руки, говорил и просил бога, чтоб бог избавил нас от такова нещастия и военных сражениев. А означенных выше, показанных на него крестьянами, слов он никогда тем крестьянам не говорил, но они, крестьяне, все то показали на него по злобе той, что он к господской работе их понуждал и не допускал быть их ленивыми.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 186 об. — 188 об.

№ 45. 27 апреля. Письмо Т. Тутолмина смоленскому губернатору П. Аршеневскому при сопровождении в смоленскую комиссию арестованного военного писаря Д. Нарбута

Милостивый государь мой Петр Исаевич!

Войсковой комисии писарь Нарбут прислан будет к вашему превосходительству от минскаго господина губернатора. И хоть представляет он себя ищущим убежища от преследования возмутителей в Польше, которые, по словам его, выискивают всех, державших стороны гетмана Коссаковскаго, и что он, Нарбут, был из числа сих последних, но при всем том остается он в некотором подозрении по нижеписанным причинам. 1-е. Не быв в Вильне во время случившихся там замешательств и, следовательно,

не зная, что предпринято с партизанами покойнаго Коссаковскаго, прискакал он сюда в Несвиж в одной только ветхой шубе, как будто не доставало времяни собраться, но, однако же, имеет с собою трех лошадей и двух слуг, сказывая, что не успел ничего взять из платья, чему, однако же, опасно и трудно поверить, ибо ежели мог он взять с собою людей, лошадей и деньги, нельзя статся, чтоб не имел время запастись и одеждою. 2-е, что примечен он, Нарбут, в безпрестанном сношении и с поляками, из заграницы сюда приезжающими, и с пребывающими в пределах губернии, и 3-е, что с начала и доныне просит быть отпущенным в такие воеводствы и поветы здешней губернии, кои более других остаются под сомнением. А посему и прошу ваше превосходительство, когда показанный Нарбут к вам препровожден будет, удержав ево в Смоленске, препоручить без всякаго, однако ж, явнаго оскорбления иметь за поступками ево наблюдение и смотреть, чтоб каждой шаг его был известен. К чему не угодно ли будет вам, милостивый государь мой, употребить человека благонадежнаго и предусмотрительнаго, который бы ежечасно имел ево под своим глазом.

Вашего превосходительства, милостивого государя моего покорный слуга Тимофей Тутолмин.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 2, л. 25.

№ 46. 2 мая. Два свидетельства о расколе шляхты Лидского повета в ходе присяги восстанию

... 2 мая 1794 года нижеписанные свидетельствуют, что созванные 1 мая нынешнего года по частной инициативе лидского старосты Иосифа дэ Кампо Сципиона и собранные негласно во дворе его милости для заруки в том, что акт союза для сбора повета и властей будет задержан до присяги, на деле записались в таковой без исполнения присяги. Ныне же, когда собранный на месте обычных обрядов повет видит и ведает, что акт созданный его милостью старостой без сообщения со всем поветом, уже явлен в акты, то мы отрекаемся от сего частного дела, чтобы засвидетельствовать, что приступаем к публичному союзу от имени целого повета.

Ян Ольшевский, лидский подстолий и др.

... 2 мая 1794 года. Мы, поименно нижеподписавшиеся, как можно искренне свидетельствуем, что когда вчера во время спокойного союза в место Лиду прибыл чешник и лидский земский судья Августин Шемет и, будучи обязан к подписи под публичным союзом, совершенном на рынке, заявил под присягой, что уже записался к таковому союзу в Сукурчах, за милю от Лиды, не бывшему местом, а нынешним днем, без своего присутствия на другом союзе, секретно написанного и подписанного в Сукурчах, прежде явки действительного универсала в акты из-за опоздания патриотически

мыслящих обывателей повета помещён в акт делегатом, а коль скоро в Лиде 2 мая таковым делегатом был оглашен не присутствовавший его милость Игнатий Кастровицкий, то о таковом тогда избрании, о сохранении действительного до сего дня универсала и, соответственно, сделанном усердии опоздавших обывателей, а также о записи датой присяги, здесь совершенной, будто бы 29 апреля, заявляем свой манифест.

Михаил, Ежи Тукало, Адам Коркуть.

НИАБ, ф. 1767, оп. 1, д. 122, л. 40 – 40 об. Перевод с польского ред.

№ 47. 2 мая. Акт присоединения Лидского повета к восстанию

Мы, нижеподписавшиеся шляхта и обыватели Лидского повета, движимые охотой и доброй волей, универсал Наивысшей рады ВКЛ об акте восстания народа Речи Посполитой, созданном и открытом 24 апреля в месте Вильно, в качестве совершенного акта их милостей урядников, шляхты и обывателей Лидского повета под присягой записываем в акты земские Лидского повета и в конце подписями заверяем, что отдадим имение и свою жизнь на торжество дельного восстания Речи Посполитой.

Кароль Буржинский, писарь Эйшишского повета, Ян Запасник и еще 20 подписей.

НИАБ, ф. 1767, д. 122, л. 40 об. – 41. Перевод с польского ред.

№ 48. 3 мая. Акт поддержки виленского восстания шляхтичами Слонимского и Лидского поветов

Обыватели Слонимского и Лидского поветов, по дошедшему до нас универсалу Наивысшей рады о постановлении 24 апреля нынешнего 1794 года акта виленского восстания народа, видя в акте того восстания само усердие сердца на спасение нашей Отчизны всеми способами, охотно присоединяемся к тому акту, неся в жертву на служение народа жизнь, имущество и наивернейшее послушание повелениям Наивысшей рады, всем депутациям.и магистратурам, тем актом установленным и учрежденными быть могущими. Сию поддержку акта, постановленного 24 апреля 1794 года в Вильно, при исполнении особо нашей присяги подписываем добровольно своими руками.

Игнатий Шукевии, слонимский земский судья, Антон Шукевич, слонимский мечник и еще 13 чел.

НИАБ, ф. 1767, д. 122, л. 41 об. – 42 об. Перевод с польского ред.

№ 49.8 / 17 мая. Воззвание Наивысшего совета литовского народа к униатам и неуниатам

Одно у нас всех Отечество, одно же мерзкое ярмо общего неприятеля предстоит нам совокупными силами свергнуть со своей шеи наипаче сейчас, когда общее всех счастье в целом крае свирепым грабежом и пожогом края Москвой обратилось в слезы, в плач и стенание. Русское исповедание и обряд веры не отъемлют в вас, наши братья и жители польского и литовского народа, то чувство, которое испытывает каждый обыватель, взирая на притеснения, на грабежи, на разбои, на убийства и свирепые мародерства озверелых солдат.

Внемлите, милые братья, тому, что польская земля вас по сю пору с любовью удерживала под защитой прав. Посмотрите, что о вашем благе, свободе, вольности в хозяйстве и торговле местное правление всегда неустанно помышляло. Воззрите, что на последнем варшавском сейме во время конституции 3 мая ваше духовенство было постановлено уравнять в достоинстве с латинским духовенством, что уже прилежно думано об образовании и найсовершеннейшем просвещении ваших священников, что Речь Посполитая уже действенно постаралась, чтобы удельновластные архиреи, архиепископы неуниатов формировали свою иерархию под народными правами в согласии с царьградским патриархом.

Смотрите как любезное и древнее Отечество всегда искренне и благосклонно помышляло о вашем благе, о вашей свободе и даже о вашей вольности. Ныне же, когда мерзкий враг хочет возложить на нас цепи неволи, кому доброжелателями и верными быть должно: той ли отчизне и краю, в котором счастье себе, своим детям и своим семьям обретаете, или поносным тиранам, которые в том вольном и невинном краю кровь людскую огнем и мечом проливают, нас грабят, ничтожат, мучат и жгут?

Взываем вас к помощи и спасению— то Отечество и поныне мать вашей вольности и свободы. Равно с вами всем любезны и желаемы вольность и свобода. За ту же свободу и вольность ступаем, с охотой совокупляя жизнь и имение наше. Последуйте за нами верно и благосклонно, ибо речь здесь об общем для нас всех благе.

Воззрите на многие тысячи людей, которые к нам переселились от тиранской власти, где с души подать платили, а прижившись свободно, родив немало чад и нашедши в нашей земле всякое добро, обрели оборону прав и что до исповедания своей веры и обрядов, и что до обеспечения своего имущества. Надлежит быть верными тому Отечеству, в котором столь благами для себя располагаете. Прошли уже те дикие времена, когда зверская и

древняя ненависть русаков и поляков приводила к взаимному кровопролитию в одном Отечестве. Нет уже, слава богу, той омерзелой неволи, на какую прежде земледельцы и поселяне роптали. Подъятое светло разума учит нас сближаться с нашими братьями, учит нас, что мы ваши искренние доброжелатели и всегда старались и заботились о вашем благоденствии и вашей свободе. Теперь вот погибаем, любезные братья, от озверелых врагов, которые и вас и нас хватают, грабят и в жестокую неволю ведут. Защитимся все вместе, братья, поможем себе взаимно и будем всегда верны той отчизне, в которой и с которой проживаем.

Чиним это обращение к вам, жители и наши братья русского обряда, которым уверяем вас в свободах, приличествующих по правам вольности, когда с божьим промыслом врага одолеем. К сему предостерегаем также, что если кто-либо из русского обряда или униатов, филиппонов, бурлаков и иных жителей отважится соединиться на нашу гибель с нашими неприятелями, либо кто явится помощником москалям и зверскому казачеству путем шпионства, укрывательства, доносов врагу с нашего края, тот немедля будет наказан подлой смертью.

Внемлите же, братья наши, нам, ибо мы блага вашего хотим, ибо мы для вас и для ваших детей вольность и свободу уготовить жаждем. Помогайте нам, иначе срамно погибнете от меча врага. Не изменяйте Отечеству, ибо за разные предательства правом определены мерзкая смерть и уничтожение предателей. Примите наш голос близко вашему сердцу, а вы, духовные грекорусского обряда, честные епископы, архимандриты, архиереи, игумены и церковные священники, когда услышите сей наш доброжелательный и искренний голос, когда сей отзыв дойдет до вашего сведения через порядковые комиссии воеводств и поветов, тот час соберите в церкви свой люд в первую неделю либо праздник, со всем людом пред богом исполните присягу верности Отечеству и народу, отзыв наш тамошнему люду зачитать и толковать сряду 4 недели верно и горячо обязываетесь, а всех вообще к верности отчизне, общему спасению и отпору поощрять обязаны будете.

Комиссиям же порядковым об успехе всего того стараться, почему желаем и велим подать рапорт об исполнении нынешнего определения в Наивысший народовый совет. Желаем также, чтобы данный отзыв был оглашен во всей провинции по местам, местечкам, деревням, ратушам, торгам, ярмаркам и церквам и, подписав нашими руками с приложением печати, повелеваем распубликовать его порусски и попольски.

Дан на сессии дня 8 / 17 мая 1794 года в Вильне.

Иосиф Неселовский, новогрудский воевода, Михаил Огинский, деле-

гат виленский, Иосиф Пац, староста вилейский, Михаил Грабовский, конюший литовский, Николай Саба Храповицкий, маршалок оршанский, Бенедикт Моравский, писарь, ВКЛ, Томаш Воврецкий, эксхорунжий ВКЛ, Станислав Волович, подкоморий речицкий, Бенедикт Карп, хорунжий упитский, Антон Хлевинский, генерал-майор, Михаил Бростовский, староста минский, Николай Моравский, экспписарь войсковый, Ежи Белопетрович, экспписарь войсковый, ксенз Михаил Карпович, архидьякон смоленский, Самуэль Корсак, полковник ВКЛ, Антон Тизенгауз, хорунжий, президент Вильно, Валентий Горецкий, войский виленский, Доминик Нарбут, войский лидский, Тадеуш Высогерд, войский пренский, Антон Лахницкий, вице-президент Вильно, Томаш Умастовский, делегат ошмянский, Игнат Кастровицкий, делегат лидский, Фульгенд Каминский, делегат эйшишкский, Ежи Забелло, Антон Прозор, делегат ковенский, Винцент Минкевич, делегат вилькомирский, Иосиф Нарбут, секретарь.

РГАДА, ф. 16, д. 758, ч. 2, л. 171 об. – 172 об. Перевод с польского ред.

№ 50. 8 мая. Письмо Н. Репнина Екатерине II с предложениями раскола шляхты для изоляции руководства восстанием

Всемилостивейшая государыня!

Судя по человечеству и по прежним познаниям о Польше, невозможно, кажется, полагать, чтобы все там в своей ненависти против нас и между собою согласны были, но захватившие власть мятежники страхом из-за молчания их невольном к повиновению принудили своих в земле противников. Почему думаю возможным разделить поляков и поставить одну из них часть против другой, ибо нам трудно прямо будет уповать, чтобы кто из поляков, достойный уважения, пристал, а нужны тут такия начальники, которыя еще не повредили своего имени и своей доверенности в мыслях публики. Но к конфедерации, составленной под покровительством войск вашего императорского величества и с их подкреплением, считаю, много из недовольных и желающих спасти свое имение пристанут.

Я не знаю предположения вашего императорскаго величества: идут ли они на совершенное уничтожение Польши или только на ее усмирение. Но при всех случаях кажется мне полезным поставить часть самих поляков против поляков. Неужто не найдем мы никого, кто бы захотел и мог быть начальником таковой конфедерации, которая бы настоящих бунтовщиков и мятежников объявила злодеями Отечества и общаго покоя и партию некоторую себе набрала? Я думаю много еще из самых лучших вельмож польских разбегутся и, коль можно будет им проехать, станут искать у нас своего спасения.

Сии мысли, представляя всеподданейше на высочайшее благоусмотрение вашего императорскаго величества, стану дожидаться повеления – угодны ли они вам, всемилостивейшая государыня, будут, дабы при случае и времени согласно с волею вашего императорскаго величества поступать, не теряя тогда времяни в переписках, когда подобное обстоятельнее возможность к тому представят. Если бы можно иметь в главные начальники известных вашему императорскому величеству Хмару, бывшаго минского воеводу, и Грановскаго, великаго секретаря хоронжаго, которой непримиримый неприятель всегда был господствующей теперь партии и противник конституции 3 мая, и у коих обоих есть имения как в наших владениях, так и в Польше, то почитаю их обоих к тому способными, лишь бы они согласились на сие дело.

Вашего императорскаго величества верноподданой князь Н. Репнин. Рига.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 241 – 242.

№. 51. 8 мая. Письмо Н. Репнина Екатерине II относительно натравливания крестьян на восставших

Всемилостивейшая государыня. В частях разположения графа Ивана Петровича Салтыкова и графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго на Украине польской и на Волыне, теперь под скипетром вашего императорскаго величества находящихся, все крестьяне прилеплены к нашему закону и нам преданы, а сверх того в тех же окружностях в побережьи в Гуменчизне и Белоцерковщине и во всех генерально местах есть большое число казаков, которые вместе с нашими бывшими запорожскими назывались в Польше гайдамаками. Сих людей остается лишь кликнуть, то они как саранча в пределы польския пустятся. Нужно только им дать надежных и способных к таковому действию начальников и небольшое подкрепление. Они страх и ужас на Польшу и особливо на мелкую шляхту наведут. Крестьян и невинных людей должно сберегать и они то уповательно делать станут, коль начальники крепко в том настоять будут. Я подвергаю сию мысль высочайшему разсмотрению вашего императорскаго величества – удобно ли сия крайняя мера и когда точно. Думаю только, что против предателей в крайности можно крайние меры употребить.

Вашего императорского величества верноподданый князь Н. Репнин.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 243.

Мы, обыватели и жители Гродненского повета, видя в лице урожденного Францишка Боуфала усердную и добродетельную заботу обывателя, который поощрил к союзу восстания пожертвованием имущества, чести и предоставлением вольности свои подданым, пошедшим на оборону Отчизны, и тем руководительным примером явил несомненное свое обывательство, почему и мы, взаимно одобряя эту особу, просим его и желаем иметь по силе нынешнего нашего выбора постоянным президентом порядковой комиссии Гродненского повета. Доверяя перед всеми его добродетельности и характеру, мы надеемся, что он исполнит надежды своих соотечественников и не уклонится от необходимости спасения Отечества.

Дан в Соколке 9 мая 1794 года.

У того акта подписи рук обывательских такими выражены словами: Гродненского повета Александр Барановский, Игнатий Скарбек, Андрей Козановский, полковник вооруженной силы народа, Константин Ельский, Симон Завистовский, Героним Борецкий, Мицута Быковский, Матвей Антонович, бурмистр, Ян Сыросек, поветник гродненский и еще 51 чел.

НИАБ, ф. 1755, д. 79, л. 606 – 606 об. Перевод с польского ред.

№ 53. 8 марта 1798 г. Из судебного иска еврея Ш. Янкелевича на судей Эйшишкского повета в пособничестве восставшим и грабежах жителей 9 мая

... Процесс именем старозаконного Шмуйлы Янкелевича по докладу верховной власти на пана Петра Адамовича в том, что обжалованный, прибыв 9 мая 1794 года в ходе революции в местечко Эйшишки в команде милости генерала бывших литовских войск Хлевинского, хотел до биться требуемого остатка в сумме 600 злотых по обязательству умершего сына, Лейбы Шмуйловича. Но так как указанный должник Лейба тогда не находился в Эйшишках и так как обжалованный узнав, что тот по своей известной жестокости нанес значительный вред и, разорив торговую лавку, став банкиром, пустил свое имущество в раздел кредиторам, а затем измыслил к покойному удивительную претензию в том, чтобы я, как отец, устроил долг сына и для достижения в том успеха употребил принудительным орудием пана Антона Бородича, земского судью и комиссара, руководившего в то время Эйшишкским поветом, который не считаясь с тем, что жалобщик велел, Лейбе Шмуйловичу, уже несколько лет живущему отдельно с самостоятельного торга и оборотов и не имеющего другого имущества, упла-

тить обжалованному Адамовичу 600 зл. или же успокоить облигом, сурово устрашив упорствующего жалобщика оковами, заключением и побоями, что он в то время неоднократно опробовал на жителях местечка Эйшишки, тут же тот облиг на 600 зл. велел с жалованного уплатить, не выпуская обжалованного из своих глаз, на своей квартире, под которым и сам непрошено подписался за печатью. Таковое принужденне жалобщик тотчас хотел опротестовать, но был не в состоянии это зделать из-за замкнутых и спрятанных тогда в канцелярии актов и лишь де-факто публично и торжественно засвидетельствовал...

НИАБ, ф. 1722, д. 197, л. 83 об. – 84. Перевод с польского ред.

№ 54. 10 мая. Акт присяги обывателей Новогрудского воеводства в поддержку восстания

... Мы, нижеподписавшиеся собственной рукой, став лично перед актами створовичской земли, свидетельствуем всем, что выехав вчера из своих домов для подписки в новогрудские акты виленского союза на восстановление обывательской вольности ради присяги по обывательскому единству по изданному нынешней виленской генеральностью универсалу, но, узнав по дошедшим до нас сообщениям от возвращаюдихся и удирающих из Новогрудка обывателей о приближении под место русского войска и начатых там стычках, были вынуждены повернуть назад, не доехав до того места, с надеждой в случае эвакуации войска или его полного разгрома возвратиться после в место Новогрудок для исполнения и завершения обывательских замыслов, либо когда таковая присяга будет вскоре призвана из Новогрудка. В силу чего нынешним актом мы найторжественнейше свидетельствуем, что согласно новогрудской присяге всецело поддерживаем Наивысшую народовую литовскую раду, обещаем жизнью и имуществом защищать Отчизну, под каким обязательством и подписываемся.

Винцент Протасевич, земский судья и ловчий стволовичской земли,

Захар Война, шембелян, Ян Дердевский, шембелян, Вавринец Михайловский.

НИАБ, ф. 1788, д. 3, л. 38 об. Перевод с польского ред.

№ 55. 11 мая. Из рапорта князя П. Цицианова Н. Репнину о своих действиях под Гродно

... по первому слуху, доведшему до меня от поляков о несчастном жребии, коему подпали наши войски в Варшаве, не дожидаясь повеления

вышней команды, выступил под Гродей, в лагерь выбрав местоположение такое, чтоб держать город в страхе, считая притом, что тыл моего лагеря закрыт виленским корпусом и ковенским деташментом. И ту же минуту послал к господину генералу майору и кавалеру Арсеньеву о Варшаве, известие, уведомляя его о моем выступлении в лагерь и спрашивая, не нужно ли нам соединиться. Но курьер мой проехать уже не мог и привез слух о подобном несчастии, в Вильне случившемся. Тогда, не видя инаго средства к спасению войск, в Литве расположенных, как соединение всех малых деташментов, рассеянных и отделенных от бывшей гродненской части, а именно, в Ковно, в Новогродке и Слониме, разослал я курьеров, переряжая их и посылая ордера запрятанными в сапоги, поелику уже в шести милях от Гродни в Соколке собралось до шести полков, кои удобно могли отрезать слонимской деташмент, а в Шавле собравшиеся войски могли легко то же зделать с ковенским, прикрыл их соединение своими войсками и выслал в Меречь к остаткам виленскаго резервнаго корпуса, спасеннаго храбрым, разсторопным и мужественным капитаном артиллерии Тучковым, и соединившимся с ним потом Нарвскаго полка премьер-майором Раутенштерном сильное прикрытие для изготовления ему перевоза через реку и для снабжения его провиантом и фуражем, котораго они не имели, так как и палаток.

Наконец, 21 апреля, день для России знаменитый, в час отправления молебнаго служения на горе остаток виленскаго резервнаго корпуса вступил ко мне в лагерь, а ковенской деташмент при совершенной безопастности в один переход от меня имел начлежный лагерь. По собрании всех сих войск, снабдя виленския войски всем нужным, построя им 100 палаток из дламскаго полотна, находящегося в амуницыи, везомой в Сибирской гранодерской полк и остановленной мною в Гродно.

По небезпечности, правда, обложил я город и взял контрибуцию(о чем шлю ведомость)в наказание, потому что все письма и все печатныя известия описывали злое намерение и сего города против наших войск. Оконча сие, пошёл я со всеми войсками к новой российской границе на Невогродок. Во время сего похода знаменитаго ничего не произошло. Были две стычки у казаков и в одной убили у нас казака и ранили одного, да отхватили двух фурьеров, а в другой нашими убито 4 да 3 захвачено в плен.

Дошед до Мира и расположась там лагерем, ожидал повелений его высокопревосходительства, господина генерала майора и кавалера Тимофея Ивановича Тутолмина, коего разпоряжениями велено мне следовать по ордеру его высокопревосходительства, господина генерал-аншефа и разных орденов кавалера Осипа Андреевича барона Игельстрома. Между тем, лишась сообщения с сим последним и не имея к кому

отнестись, счел я необходимое отправить все репорты, здесь приложенныя, прямо в государственную военную коллегию.

Потом, следуя наставлению его высокопревосходительства Тимофея Ивановича Тутолмина, основанному на повелении вашего сиятельства, потянулся было я чрез Николаев к Ольшаны. чтоб схватится руками с войсками бригадира Бениксена. Авангард мой уже в Николаеве занимается строением моста чрез Немен и, построя его, поставит твердую ногу на правом берегу реки, посунув ево и разъезды вправо до Бакши, чтоб овладеть мостом чрез Березину и тем с деташментом подполковника Сакена иметь сообщение, а влево до Липнишек, где, говорят, есть несколько польской конницы. Теперь же по слухам, дашедшим до Несвижа, что Беляк прибыл в Слоним с войсками, остановился я здесь до вернейшаго познания о том, так как и о намерениях его впасть в границу. Продовольствие войск со стороны провианта и фуража до сих пор было от земли образом контрибуции и безобидное, но теперь, час от часа делаясь труднее, приводит меня в отчаяние.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 179 – 185 об.

№ 56. 12 мая. Отрывок из секретного предписания Н. Репнина генералу С. Голицыну относительно обращения с крестьянами в восставших районах

... брать можете безденежно хотя часть вашего пропитания из деревень мятежников, но брать оное должно предпочтительно из хозяйств самих помещиков в наказание их бунтевания, а крестьян по возможности сберегите, дабы совсем земли не опустошить, так что ни удержаться, ни кормиться в ней будет не можно, привлекая их всячески на свою сторону и уверяя, что они в нас покровителей и защитников найдут, лишь бы оставались они спокойно в своих жилищах, упражняясь в своих обыкновенных сельских работах и отнюдь бы не слушались своих бунтующих господ и им бы ничего же давали, а напротив, где могут тут бы их ловили и, связанных, вам предоставляли.

С теми же крестьянами, которые найдены будут с оружием в руках и обороняющихся, должно поступать, как с преступниками и злодеями... Ровным абразом в тех же местах есть немало российских крестьян по своим там живущих и даже таких, которыя сюда подати платят, коих тако ж по возможности сберегать и охранять, а они иногда вам полезны быть могут для получения известий и для показания дорог. Ежели и когда вы пойдете на Шавли, должно знать, что сия большая королевская оласть несколько

раз уже бунтовала против короля и управителей, над нею поставленных, от того, что новыя подати и поборы на нее налагались, почему если бы возможно было ее к себе приклонить да в ей самой выбрать своих управителей с тем, чтобы не более работали и давали, как в прежния времена и чтобы доходы, у себя держа, никому не давали кроме нас, живучи, впрочем, тихо и спокойно и никого кроме нас не слушая, а мятежников бы ловили и к нам представляли. В таковом положении нужною осторожностию от всякаго предательства следует их оберегать и охранять, а в противнем случае, если бы они в своем мятеже упорствовали, поступать должно с таковыми бунтовщиками как с предателями и злодеями...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 155 об. – 157. Копия.

№ 57. 13 мая. Рапорт генерал-майора Л. Лукашевича Н. Репнину о бунте в Браславском повете

От 8-го числа сего течения вашему сиятельству, и о заготовлении разных оружий во владении Косаковскаго от Друи Минской губернии в 4-х милях и что мятежники повету Браславскаго собрались в Браславль и ожидают только каких-то офицеров для командования оными имел честь донесть.

Сего же числа получил я рапорт от секунд-майора Стефесполла, который по повелению господина генерала майора и кавалера Неплюева следовал из местечка Глыбокаго в Друю с командою с пятью десятью человеками егерей и на пути в местечке Марковцизне узнал совершенно, что в местечке Бреславле до трёхсот бунтовщиков вооружённых и к 11-му числу сего ж мая ожидали всех заговорщиков повета Браславскаго с несколько вооруженными же для присяги к бунту. Почему он и предпринял тот же час следовать до селения Переброды, разстоянием от Марковщизны в 4-х милях, куда и прибыл 10-го числа по полдни в 9-ть часов и того ж числа спешил в Браславль растроить бунтовщиков и, прибыв на рассвете в 3 часа, увидел противу себя главных в том местечке бунтовщиков вооруженных, требовал их ково-нибудь для переговора. Но они, сделав залп, ранили однаго из команды его егеря в грудь тяжело.

Тогда принужденным себя нашел употребить оружие противу их и, напоследок разбив, захватил начальников: перваго Александровича с двенадцатью при нем находившимися. После чего увидя пожар, произшедшой от выстрелов, вышел с местечка Браславль по дороге к Друе и увидел, что в том самом месте, где находились скопившие бунтовщики, взорвало сильно вверх неизвестно какое-то строение, почему и уповательно, что в том месте находился их порох и о чём всепочтеннейше вашему сиятельству доношу.

Между взятыми в арест Александрович и войт местечка Бреславля есть первые возмутители и последний чернь уверял вольностию и равенством и первой же ранен. Посему я еду сам в Друю и буди по допросу окажетца, что важное и не попрепятствует перваго рана, то немедлю для пояснения вашему сиятельству доставить.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 181 – 481 об.

№ 58. 15 мая. Универсал депутации публичной безопасности виленской рады порядковым комиссиям восстания относительно поступления с тарговичанами и предателями

Будучи убежденными, что счастье народа более всего зависит от очищения польской земли обновленными сынами Отечества и тем самым от устранения всяких препятствий для добродетельных обывателей на скорейшее спасение той нашей отчизны, нижеследующим универсалом объявляем всем обывателям литовского народа и их обязуем.

1. Чтобы ближайшим порядковым комиссиям доносили о всех тех, кто, будучи в тарговицком списке, употреблял своих собратьев только для удовлетворения своего корыстолюбия, кто, пользуясь счастливой порой отчизны, край и употребленных единоземцев опустошали, сами обогащались и без содрогания наносили неисчислимые обиды, или которые использовали казаков и солдат в оправдание того, что будто бы недобровольно занимались тарговицкими делами, а на деле то неприятельское войско обращали на притеснение обывателей.

2. Равным образом, чтобы доносили о всех тех, кто, видя найсчастливейший и единственно спасительный для нашей отчизны акт восстания народа противным своим помыслам и способу мышления, отважился или сопротивляться его основам или скрытно предательскими поступками отводил добродетельных обывателей от спасительного соединения на освобождение Отечества.

3. А кто бы из обывательского усердия захотел быть защитником упомянутых поступков упорствующих виновников, тот должен о том заявить в ближайшую порядковую комиссию, чтобы быть обжалованным для оправдания совершенного поступка в ходе происшедшего дела.

4. Тогда порядковая комиссия, приняв такое известие, обязана будет судить преступных или по инстанции или без таковой апелляции, записать в особо заведенном на то протоколе и провести расследование через подчиненных и о том сведущих особ, стараясь собрать по обстоятельствам все свидетельства и доказательства.

5. Та же порядковая комиссия, каждая в своем повете, обязана взять

акты местной конфедерации и из них выбрать те постановления, резолюции и универсалы, которые охватывают частные интересы тарговицких конфедератов либо кого-либо причастного к утеснению и вреду почтенных обывателей.

Чтобы таковой универсал дошел до сведения каждого, депутация повелевает своей канцелярии разослать его в каждую порядковую комиссию, а те обязаны сообщить по парафиях ксендзам плебанам, что те сами должны разгласить парафиальному люду.

Дан на сессии 15 мая 1794 года.

Антон Лахницкий, председатель

Ежи Грабовский

Станислав Мирский

Михаил Бростовский

У. Бельский

Иосиф Мейер

Валентий Горецкий, виленский войский

Поплавский, писарь

Людвик Осторп, секретарь депутации публичной безопасности.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 168 – 163 об. Перевод с польского ред.

№ 59. 16 мая. Акт присяги в поддержку восстания лидского гродского регента А. Свидерского от имени своего брата

Я, нижеподписавшийся, в лице его милости Игнатия Свидерского, гродского регента Лидского повета, следующим способом совершаю свидетельство моего брата вместе с присягой в акты счастливого восстания польского народа, союза краковского и виленского, правдивых обывателей, ведомых усердием на удержание отчих свобод, целости границ, всеобщего счастья и свержения с имени поляка возложенного ярма неволи , господства деспотизма, созданного двумя заграничными дворами, московским и прусским.

Когда по нанесении стольких уже поражений и бесчестий те же дворы дельную от веков прерогативу поляка, вольность и независимость, которые имя поляка привыкло с самого начала его существования беспрерывно ценить за всеобщий дар и охотно пользоваться, а всего более само существование поляка уничтожать и часть братьев нещадно угнетать через раздел края и обращать в неволю под господством своего деспотизма через принудительный с Москвой акт тарговицкой конфедерации, указанный акт восстания краковского и виленского народа своею дельностью возвращает Отчизну нашу к своей исходной святости и тем самым, поощ-

ряя нас всецело достичь счастья, восстать из праха и залечить рубцы Отчизны, придвигает желанную пору, если только это мужество захочет и сумеет уважить

Поэтому бдительный регент Свидерский, не желая быть равнодушным к утрате тех дорогих и себе служащих достояний, которые каждый должен почитать наравне с жизнью, кто только знает, как оскорбителен вкус неволи и как высоко следует уважать вольность народа и чтить святую католическую, господствующую, религию, чтобы не отдать ее под администрацию тех иноверных дворов, у которого в жилах течет та же самая кровь поляка, которым руководит та же дельность, которая сообщала нашим предкам общее счастье, те же помыслы интересами края, но, не будучи в состоянии прибыть в привычное место для исполнения такого своего намерения из-за обширной болезни и большой слабости здоровья и выполнить присягу сразу же во исполнение предписанной присяги по изданному универсалу, он рассчитывал выполнить ту обывательскую обязанность и тот святой замысел как только поправится здоровье.

Посему представляю нижеписанного в его вере и поддержке единодушной и общей обороны Отчизны и всего того, что тот краковский и виленский акт содержит, а равно список тарговицкой конфедерации, мнимый своими добротами к Отчизне, а по сути самой, как вытекает из итогов минувшей гродненской конфедерации, созданной обывателями, направлен на уничтожение польской вольности, на отдачу собратьев под московским принуждением под господство деспотизма, на ликвидацию народовой конституции, польских прав и доброго порядка, заменяющего каждому алтарь собственности, тот список, как противный восстанию, ни во что почитаю.

Данную присягу вместе с свидетельством регента Свидерского совершаю перед актами земства Лидского повета и тем исполнением своей охоты объявляю общественности, чтобы сей акт состоял в своей силе как согласный с доброй волей, и был признан уважающим народ. Адам Свидерский, регент порядковой комиссии Лидского повета.

НИАБ, ф. 1767, д. 122, л. 51 – 51 об. Перевод с польского ред.

№ 60. 18 мая. Акт поручительства жителей Волковысского повета за своего маршалка Ф. Кулешу

Мы, рыцарство и обыватели Волковыского повета, именем набожной совести и святой справедливости извещаем и оглашаем всем вместе и каждому в отдельности пану, что его милость, сиятельный Франтишек Кулеша, маршалок Волковысского повета, взятый москалями в прошлом

году силой из дома в Волковыск и оглашенный при нас маршалком местной конфедерации, выполнял свои начальнические обязанности самым аккуратным образом согласно с распоряжениями тогдашней генеральности, ни кого ни в чем не обижал и вообще всем в равной мере всегда воздавал справедливость.

С прекращением же тарговицкой конфедерации, будучи последним по выбору поветовым маршалком, ни в какие соглашения с москалями не вдавался, москалей и казаков никогда в своем доме не держал и не прятал, шляхту никогда не подбивал ни к реконфедерации, ни к бунту, ни на сторону москалей, никакого заговорщического списка не предлагал и в целом, как одинаково с нами запальчивый патриот, жаждущий скорейшего восстания польского народа, тот маршалок Кулеша ни в чем не запятнан, никаким не подвержен сомнениям и очернительству, какие только придуманы враждебными особами, а что все это все готовы утверждать в качестве правды и ей в любом суде присягать, в том наше свидетельство убедительной присягой собственными руками подписываем. Дано 18 мая 1794 года.

Ксаверий Частошевский, войт Мстибова, Мартин Маркович, подчаший и граничный коморник волковысский, Антон Ревинский, волковысский земский регент и еще 97 подписей.

НИАБ, ф. 1755, д. 79, л. 599 – 599 об. Перевод с польского ред.

№ 61. 18 мая. Рапорт генерала Л. Бенигсена Н. Репнину с изложением обстоятельств марша от местечка Богданов на Трабы и о сражении под Липнишками.

После донесения вашему превосходительству от 14 сего месяца, с Вишнева 15-го поднявшись, следовал я по пути к Трабе, но сколь скоро перешел местечко Богданов встречен бунтовщиками под командою майора Мальковскаго, кроме множественной черни по примечанию в числе пятисот человек.

Я, тот час отрядив Изюмскаго легкоконнаго полку два ескадрона, казачей Киреева полк и подкрепляя оных Естляндскаго егерскаго корпуса первым и четвертым баталионами, велел атаковать. И решилось тем, что сколько ни упорствовал неприятель, однако с места збит и гнавши взято в плен товарищей четырех и шеренговых одиннадцать, да на месте положено пятьдесят два. С нашей же стороны убитых казаков два и раненых Изюмскаго легкоконнаго полку рядовых четыре и строевых лошадей убито восемь. Затем, постигаючи умножающееся со всех сторон от черни то польское войско, наступила ночь и в коль то прекратилось и так я пристал у местечка Трабы единственно только к одному отдохновению. С полуно-

чи ж, то есть 16 числа в третьем часу, узнав, что тех мятежников сила в местечке Ивье, спешивши туда, едва ль успел выступить вновь явился неприятель и в дело больше перваго, но я, на то не смотря, следовал своим путем, даючи ему впереди удары казаками, чему я собственно свидетель, что их в расстоянии трех миль убито тридцать четыре человека, да в плен раненых взято пять. Наконец, чтоб дойти мне до Ивьяосталось только две мили, как вдруг неприятель взял вправо к местечку Липнишки и тем меня принудил помыслить куда обратиться.

Между тем приведен пленной и уверил яко уже в Ивие скопища шляхтов нет, а все перешли в Липнишки, стало быть и мне туда следовать было незачем. А как передовые мои угнались за кучею первых, то и я за ними же взял свой путь, победу приносящей, пока зближился к местечку Липнишки, считаючи там по известиям не более трехсот человек, но в том ошибка. А вместо того явилось с кучею безчисленной черни великое войско. И как оное по высоте расположения своего вдруг престало глазам моим, то уже ввиду будучи их и вдруг окруженным со всех сторон, тотчас приготовил себя в боевой порядок и всем фронтом пошол прямо на него, не знаючи совсем, что впереди река и болото. Однако тем лутче, ибо коль скоро неприятель приметил прием мой направо, в ту же самую минуту в смятении тронулся с места и стал теснитца на их стороне за местечком к переправе и, отыскав там прилежащими к местечку две дороги. Я разделил свои войски на колоны ис коих были в первой под командою господина полковника и кавалера Деева в авангарде Естляндскаго егерскаго корпуса с четвертым баталионом Ростовского пехотнаго полку господин подполковник и кавалер барон Сакен, в резерве ж мушкетерские полки Тамбовской, Ростовскаго две роты, часть казаков и восемь орудий, а во второй под моим начальством авангард Естляндскаго егерскаго корпуса с первым баталионом господин подполковник и кавалер Шилинг, в резерве ж Нарвскаго мушкетерскаго полку баталион, одна рота Псковскаго мушкетерскаго полку, Изюмской легкоконной полк, часть козаков и девять орудий.

А за сим стремглав на безпорядок злодеев начал конанадою, потом скорыми шагами спустился до переправы, счасливо перешел лес по оградам и мгновенно уформировал себя по-прежнему в порядок, стал пред неприятелем, притеснив его кононадою и стрельбою из орудий. При чем он то останавливался, то подавался назад. Но может ли сила злодейства устаять против славы оружия ея императорского величества? Я, приметя наступление их конницы, взявши Изюмской легкоконной и казачей Киреева полки, ударил на их левое крыло, которое при малом сопротивлении опрокинуто с потерею на месте около двухсот человек и взятых в плен товарищей восем, шеренговых сем, да черни разной восем человек, с нашей же стороны убитых козак один, раненой один, да Изюмскаго

полку легко раненых рядовых девять и строевых лошадей убито двенадцать. Потом обратилось все скопище бунтовщиков в бег. Чернь спряталась в лес, и войски, угнетаемо повсеместно, ретируясь, спешили за пять верст до речки Кропишок, где, зажегши мост, рассыпалось также по лесам. Чем окончив благополучно победу и остатки, показывающиеся после, разбивши, возвратился обратно к местечку Липнишки и там взял ночлег.

Между тем честь имею вашему превосходительству изъяснить подробней, что на стороне бунтовщиков было черни по примечанию и за подтверждением тысяч пять, войск же польских под командою генерала майора Хлевинскаго полками и конницы третей Барановскаго, пятой Лишевскаго, да бригады Ковенская и Пинская, пехотных 3, 4 и 6-й полки.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 282 – 283.

№ 62. 19 мая. Сообщение Л. Бенигсена Н. Репнину о сражении под Трабами

15 день сего месяца господин премьер-майор Киреев, отряжен будучи от меня впереди авангарда с наличными казачьево полку вcovереннаго ему офицерами и козаками, в марше не дойдя за милю до местечка Трабы, был встречен польскою кавалериею в числе пятисот человек под командою майора Малковскаго состоящею, которая по упорном сопротивлении опрокинута в бегство. В преследовании ж до объявленнаго местечка убито до шестидесяти человек, в плен взято товарищей и шеренговых пятнадцать. С нашей стороны убито козаков два и раненых же два. Потом 16 числа при местечке Липнишках во время атакования бывших при оном польских войск на обеих флангах полки, Изюмской легкоконной и вверенной ему, сражаясь с неприятельскою кавалериею, положили на месте около 200 человек, да в плен взято товарищей восем, шеренговых сем, да черни 8. С нашей ж стороны убито казак один и ранен один, да безвестно пропало два, Изюмскаго ж полку легкораненых рядовых девять и строевых лошадей убито девятнадцать.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 287.

№ 63. 19 мая. Оправдания жителей Рожанской парафии Лидского повета о своей медлительности в поддержку восстания

Очное свидетельство ставших при присяге именем их милостей нормального судьи Лидского повета Метеч Мурачевского, его милости Мокрецкого, Адама Хмелевского, Онуфрия Шпаковского, совершенное следующим способом.

Когда актом своего восстания, совершенном 24 апреля, литовский народ из ярма неволи, края пропасти, пасти людоедов выбрался и выжил, когда тем днем, добытая предками от гнета врагов, от мести предателей, возродилась вольность поляка, когда народ по большей части тешился в триумфах, в радостях и восторгах, тогда мы и вся рожанская парафия, не ведая о восстании литовского народа, не имея никаких присланных универсалов, ни войска, ни вооруженного люда, обливались кровавыми слезами, ибо жестокие казаки и развратные солдаты, вторгшись 7 мая в рожанскую парафию, одних из нас мучили и жгли, били и насмерть убивали, наши деньги, серебро, золото, драгоценности, сукно, палаши, ружья, пистолеты, дедами и предками оставленные и своим трудом собранные, ибо дикий казак и озверелый солдат зверскими и позорнейшими муками забирал зерно разного сорта и урожая, также сено своим грабительским нещадием враг сожрал и растоптал, немало присвоил крестьянского и фольваркового скота, подданых и дворовую челядь, слуг и управителей бил, убивал, мучил и истязал, словом, одних из нас до гроба довел, а нас, живущих, до последней нужды, убожества и плачевного состояния распущенное казачество привело и ввергло.

Мы же, изведав побои и муки, из страха побросав свои дома, укрылись в лесах, степях и топких болотах, где, спасая свою жизнь в одной только рубашке и подлых лохмотьях, испытали великий голод. Словом, все те дни, которые мы провели с 7 до 16 мая по лесам и болотам, казались нам концом света и жизни, целым землетрясением. После же ухода неприятеля, вернувшись 16 мая из тех лесов, болот и дебрей в свои уже разоренные дома, поутру 17 мая мы узнали о восстании литовского народа и о совершенном светлейшей порядковой комиссией Лидского повета повелении всему Лидскому повету и обывателям явиться для возобновления присяги и для избрания генерал-майоров и поветовых ротмистров.

Посему мы с превеликою охотою ступая на поддержку Отчизны и акта восстания литовского народа, присоединяемся к тому акту, ему заново присягаем и обязуемся как можно точнее выполнять разные поручения, предписанные Наивысшей виленской радой.

Таковое свидетельство, совершенное с присягой на случай какого-либо перерыва из-за нашего опоздания, мы подаем для записи в земские протоколы Лидского повета и его подписываем собственными руками.

Онуфрий Шимковский, обыватель Виленского воеводства и Лидского повета, Ипполит Жаба, обыватель Лидского повета, Людвик Мокрицкий.

НИАБ, ф. 1767, д. 122, л. 54 - 54 об. Перевод с польского ред.

№ 64. 4 июня 1795 г. Судебное свидетельство о грабежах крестьян Дрисвятской волости в соседних имениях

Свидетельство именем пана Винцентия Коптя, пятигорского хорунжего в таком виде.

Когда в прошлом 1794 году началась революция, то крестьяне Дрисвятской волости, владения Мстиславского старосты Лопатинского, по имени Тихоненки, живущие по соседству с имением Лушнево между деревнями Дрисвятки, Ильгайцы и Одегаль, видимо недовольные близким соседством, сговорились на разные бесчинства и 21 июня, переняв едущего на телеге по дороге Алексея Сидорова, жителя имения Лушнево, избили и измордовали того безо всякой причины и потом отвезли в ближайшую от Дрисвятки деревню Одегольцы, где и умертвили. После столь гнусного поступка в том же году 25 июня та же Дрисвятская волость вместе с паном Станиславом Рогацким, экономом и управителем фольварка Ковалевщизна, а с ним вместе Симон Желвак, Адам Михатинец, Слупеницкий, Ян Боровский, Ежи Ясенович, Бейнов, Франтишек Шукель, Антон Новицкий, Васьян, войт деревни Одегаль, Петр Заболевич, Адам, Михаил и Ежи Пилаты, а также другие из разных деревень и застенков дрисвятские крестьяне, показанные в отдельном списке и лучше известные пану эконому, убранные в оружие с великим шумом наехали на деревни Лушневскую, Героны, Новосёлки, Снеки и разного названия застенки, где позабирали у лушневских крестьян скот, лошадей, зерно и разную хозяйскую утварь, порубили двери, окна и утварь, вытоптали посевы в огородах и на полях. Среди того гама они убили работника Гришку Сидорова, а Якова Егорова немилосердно избили розгами. Кроме того, они лишили жизни Ивана Семенова, а удиравших в Курляндию лучших крестьян те же дрисвятские подданые догнали, схватили и тех пойманных особ вместе с имуществом их отвезли в фольварк Ковалевщизну, имущество их между собой разделили, а 17 мужей отдали под охрану польской команды, где те за 7 недель содержания, истратили все свое имущество и господскую подмогу. Также и Атрошка Симоненок, живущий под Дрисвятами в застенке Килкишки и участвовавший наравне с остальными в наездах на волость и двор Лушневский, не раз лично наезжал, грабежи и разные опустошения причинял тому имению. О таких, давно засвидетельствованных потерях в сумме 66633 злотых и 20 грошей, не желая их умалчивать, объявляем нынешней свидетельской записью в актах.

Игнатий Заболоцкий, браславский ротмистр.

НИАБ, ф. 1747, д. 17, л. 51 – 52. Перевод с польского ред.

№ 65. 4 июня 1795 г. Свидетельские показания о разграблении крестьянами имения Лушнево 23 июня 1794 г

... когда в прошлом 1794 году 23 июня и последующих датах через имение Лушнево проходили разные военные команды, тогда подданные пана Герхарда Шаумана, запольского старосты, из фольварка Довблы, а именно Ян (отец), Станислав (сын) Стефановичи, Михаил Ширвис с двумя своими сыновьями, Симон Белорус, Юрка Девич, Адам Пилат, Иосиф Ломка, Петр Усемка, кутник Максим и другие, видя, что одних лушневских крестьян забрала в неволю дрисвятская волость, а другие, живущие вблизи дорог, попрятались от проходящих войск по болотам и лесам, своими неоднократными наездами на лушневские деревни и застенки разбирали в них хлева, конюшни, ведра с разным имуществом, зерно, бельё и разную хозяйскую утварь, одних хозяев в домах и лесах распугали, а других били и истязали, чем, как свидетельствуют реестры, лучшим крестьянам нанесли вреда на 2271 злотых.

О чем, желая напомнить именем своего пана, нынешним свидетельством уведомляю старосту пана Шаумана. Игнатий Заблоцкий, браславский ротмистр.

НИАБ, ф. 1747, д. 17, л. 52 об. – 53. Перевод с польского ред.

№ 66. 28 июня 1794 г. Из судебного иска о разорении имения новгородской помещицы И. Домбровской-Михайловской 22 мая 1794 г.

По докладу опекунов ясновельможная пани Иоанна Домбровскея-Михаловская торжественно заявляет обиду на вельможных панов Иосифа и Петронелию Троцкевич-Вазгирдов, трокских стольников, на вельможных панов Рафала Маркевича, приказчика и распорядителя их имениями, на старозаконных Янкеля и его сына Ария Ицковичей, живущих по аренде в кравцевицкой корчме, этих подобающих злодеев и вредителей, а также на работников Томаша и Семена Копацевичей, бояр Демида, Савостьяна, Федора, Мартына Шосов, Максима и Яцека Фалевичей с их женами, детьми и всем семейством, на мельничиху Эльжбету Гостиху, Марьяну Лисиху и других обоего пола и семейственности из деревень Кравцевичи и Сулятичи, обжалованных ответчиков по силе владения и одинаково евреям равных в грабежах, захватах и вредительстве участников и злодеев, так же на ясновельможных панов Елену Язвинскую, жену подстолия ломжанского, мать Бартоломея, Игнатия и Геронима Язвинских, ее сыновей, на работников Яцека, Павла, Степана, Казимира и Захара Бухаров, Дмитрия Новика, Манушу и Степана Соколов, Данилу Теплого, Шевцова с их потомством из деревень

Кравцевичи и Сулятичи, соучастников и помощников вышесказанного грабежа и вреда.

А именно в том, что после внезапной смерти ясновельможного пана, новогрудского мостовничего и мужа жалобщицы, Игнатия Михайловского, а также захвата ее самой в обоз казаками из фольварка 22 мая 1794 года, подданные обжалованных Вазгирдов и Язвинских обоего пола из деревень Кравцевичи и Сулятичи, напав со всем семейством, обратили фольварк Кравцевичи в руины, выкрали золото, серебро, медь, упряжь, одежду, полотно, движимость, зерно, соль, напитки, разного рода запасы разобрали, растащили и у себя упрятали так далеко, что вернувшись из казацкого обоза жалобщица нашла только голые стены и строения. Более того, грабители обнаружили две шкатулки, спрятанные жалобщицей под крестом, и их утаили, а на следующий день, то есть 23 мая, некоторые из тех подданных, а именно жид Янкель Ицкович и его сын Ария, забрали 600 злотых, спрятанные покойным Михаилом в двух коробках под берегом реки, и спрятали вместе с наперстками и бумагами...

НИАБ, ф. 1774, д. 78, л. 418 – 418 об. Перевод с польского ред.

№ 67. 22 мая 1794 г. Из рапорта бригадира Л. Бенигсена Н. Репнину о своих успехах в сражениях под Богдановым, Ивье, Липнишками, Трабами и Ошмянами

... при местечке Богданов разбил он мятежническую толпу, из пятисот человек состоявшую, положа на месте убитыми 52. В полон взято товарищей 4, шеренговых II. С нашей же стороны убитых казаков 2, раненых рядовых 4.

16 числа, следуя к местечку Ивьи, настиг мятежников более тысячи, из коих убито 30 человек да в полон взято 5. Оттуда обратясь к Липнишкам, где мятежников было под командою генерала майора Хлевинскаго черни до 5000 человек, да полки конницы третий Барановскаго, пятой Лишевскаго, бригады Ковенская и Пинская, пехоты 3, 4 и 6 полки, разбил их, положа на месте до двухсот человек. В полон взято товарищей 8, шеренговых 7 да черни 8 человек. Наших ранено нижних чинов 10, убит один.

В рапорте 19-го мая, что 15-го донской полковник Киреев с небольшим отрядом недалеко от местечка Трабы был встречен 500 мятежниками, которых обратил в бегство, положа на месте убитыми до 60, да в плен взято товарищей и шеренговых 15. С нашей же стороны убитых два, раненых два.

22 мая, что 21-го в местечке Ошмяне нашел мятежников более 4000 человек при 300-х регулярной конницы под командою генерала-май-

ора Михеля Котела, из коих на месте убито 150. В плен взято товарищей 2, шеренговых 7, шляхтичей и черни 195. С нашей стороны ранено 5.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 104.

№ 68. 22 мая. Репорт бригадира Л. Бенигсена Б. Кнорингу о своем наступлении и занятии Ошмян

18 числа сего месяца отнесшись рапортом из Ивии, 19-го имел я поход 4 мили до Трабы, там же переночевав, слышавши, что за пять миль в местечке Ошмяне великое зборище бунтовщиков, выступя следовал и чрез всю ночь успел туда рано 21-го числа, где нашел окружающей то место собранною шляхтою и чернью, коих всех было больше четырех тысяч человек при трехстах человеках регулярной конницы под командою генерала Михеля Казимера(сына старого) Котиола.

Я, зближившисъ з деташментом, на них напал, тотчас опровергнул и прогнал по виленской дороге миль за две, взявши из них в плен това рищей двух, шеренговых восьми, да шляхтичей и черни сто девяноста пять душ и нашлось убитыми более ста пятидесяти человек, в том числе, сказывают, будто и сам Котиол пропал судя по прибору, доставшемуся в руки казаков. И сие б нужно потому, что он есть корень всего злодейства, как и здесь собирал рекрут, устраивал их на ногу действия и принудил многих взятца за оружие, почти не желающих к тому. Всего ж злее он поступил, когда сам отсель пустился в бег, препоручив по себе команду 6-го пехотного полку капитану Суходольскому с тем приказом, дабы стоял он до потери последняго человека. Но сей точно убит, сверх того и економ его Котиола явился на месте мертвым. С нашей стороны, имеючи сражение между лесом, по тесноте ранено козаков два и убито лошадей семь, да Изюмскаго легкоконнаго полку ранено рядовых три и убито строевых лошадей девять.

За всем тем, со вверенным мне отрядом занявши местечко Ошмяни, первое мое старание было захватить канцелярию, которая управляла здесь разпоряжением и поощрением к бунту и сколько там найдено (по) при мечанию, взявши напечатанные универсалы и протчее, присоединяю у сего оригиналом.

Со всех сторон (доходят) подтвердительные известия, что ныне в Вильне, кроме собранных рекрут и черни в немалом количестве да надежды на генералов Беляка и Хлевинскаго с их скопищами, войск совсем нет, почему де все ворота заперты и пропуск только на одни и там с великою осторожностию, ибо к ограде они узнали, что я разбил при Липнишке командуемое Хлевинским зборище, то, теснившись великим страхом, ожидают к себе нещастия.

Сего числа найден еще писарь земскаго суда Ян Витунский, которой более ничево показать не может, кроме что в течение мая месяца был здесь сейм и как потому выходящие универсалы отдавались чрез руки ксионзов, то он мыслит яко зло, возродившееся здесь, перенесено чрез тех же и в наши городы.

Пленные час от часу умножаются, коих, разобравши их по сортам, нашел в большой части между чернью невинность, тем паче, что по тиранству своих помещиков принуждены были взятца за оружие и нехотя. Для сего я, утвердив их клятвою, яко впредь своих господ слушать и в злодейское их участие вступать не будут, в страхе наказав, отпустил в домы, оправдаючи и посторонними доказательствами, что они даже покушались на лица командующих за отлучение их от домов и работы. Впрочем же, что с таковыми чинить, прошу вашего превосходительства резолюции.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1837, л. 288 – 288 об.

№ 69. 29 мая. Сообщение генерала И. Германа Н. Репнину о своих действиях в Браславском повете

Получа на ходу повеление вашего сиятельства от 27 мая, из Лушки чрез Ермановичи следовать буду к стороне Браслава и соединюсь около Погоста с баталионом, которой от меня из Десны туда отражен. Но как сей же час получил курьера от господина минскаго губернатора, и кавалера Неплюева, что в Волколате в тридцати верстах от Глубокаго волнение около етаго места в самом народе явно открылось, что команда из Минска в 20 человек туда посланная изтреблена и что посему думать должно, что сие произшествие имеет свой корень в какой-либо особой партикулярной причине, ежели подлинно команда там бывшая в двадцать человеках истреблена. Но при всем том служит сие доказательством, что и внутри границ в настоящих обстоятельствах на мелкия раздробления войски разсыпать не должно. Они приходят от того в неуважение и потому опастности подвержены. Имеется между сими бунтовщиками и мятежниками виленское известное сообщение. Я принужденным нахожусь в Глубокое отделить батальон и туда вскорости отрядить двух ескадронов от Псковскаго драгунскаго полку с орудием, сколь скоро сей полк в Десну прибудет. От реченнаго полку получил сегодня рапорт, что первая колонна онаго прибудет 2 числа июня в Десну.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 20 – 20 об.

№ 70. 31 мая. Из показаний в смоленской следственной комиссии шляхтича

Сороки о зверствах полковника М. Деева.

Присланной от господина генерал-майора Неплюева из Минска шляхтич польской Сорока в присутствии комиссии сего майя 26-го объявил, что взятые с него в Минске по приказанию онаго господина генерал-майора допросы он утверждает за справедливые и истинные и в пополнение оных показывает только то, что Тамбовскаго пехотнаго полку полковник Деев назад тому пять недель, вступив с командою своею в то селение, в котором живет его дядя и в которое он пришел для того, что нанимаемой им фольварк был разорен казаками российскими, и не взирая на то, что он встретил тут господина Деева с хлебом и солью, взял его и многих из обывателей под караул и связал и его бил палками, выведывая сперва, где скрылся его дядя, которой, сведав о конфедерации, повез своих детей за три мили от сего места к своему брату, а потом где скрыто его серебро, и бил бы его может быть жесточайше, ежели бы не вступился подполковник Люиз. Однако при всем том оставил его под караулом вместе с паном Квинтою и шляхтичем Мацкевичем, из которых первой дал за себя выкупу тысячу, а последний двести червонцов, о чем Сорока знает, потому что писал от сего Квинты к сыну его письмо, дабы он сию сумму прислал на выкуп самаго его и Мацкевича. И сии деньги сын Квинты привез в Поляну и, отдав оныя господину Дееву, высвободил своего отца и Мацкевича. А он, Сорока, поелику не имел чем выкупиться, оставлен под стражею и отослан сперва к бригадиру Бенигсену, а потом в Минск и оттуда уже, по взятии с него допроса, в сию комиссию. Он, Сорока, сам видел, находясь под караулом у господина Деева, что он с командою своею, где ни шел, везде разорял как шляхтичей, так и мужиков и сжег все деревни от Сорокполя до Свира местечка на разстоянии шести миль, а от сего местечка до Сморгунь на разстоянии семи миль хотя и не жег деревень, однако все разграбил. Тут господин Деев сошелся с господином бригадиром Германом, которой в местечке Белицах хотя дом тамошняго пана за возмущение и приказал разорить, однако все имение онаго пана роздал обывателям. И о сем он, Сорока, показал самую сущую правду, ничего не тая и ничего не прибавляя. А о конфедерации ничего не знает и прежде не знал, пока ему показал господин Деев универсал виленской конфедерации...

РГВИА, ф. 41, д. 242, д. 117 – 117 об.

№ 71. 14 января 1796 г. Из судебного иска братьев Мануцы на членов браславской порядковой комиссии за разорения имений 31 мая 1794 г.

Именем кавалера золотого Льва, опейского и дашского старосты Николая, его сына Станислава Гротов-Мануцы, сообща обиженных на Доминика Деренговского, кровно рожденных братьев Людвика и Иосифа Стомов, регента браславского пограничного суда Далевского, командующего частью польского войска Иосифа Оскерку, а также на вельможных панов Иосифа Рудомина, председателя, ксендза Августина Гедройца и Франтишка Савицкого, комиссаров порядковых Браславского повета, которые во время революции своим определением от 31 мая 1794 года будто бы ради поиска оружия велели свезти со всех имений жалобщиков сундуки в браславскую комиссию. По делу же, во-первых, указанные комиссары без повеления центральной власти ради корыстного захвата имущества жалобщиков под выдуманным предлогом поиска оружия все сундуки потерпевших, какие только могли найти в имениях всех жалующихся доносителей, велели снести в комиссию, вследствие чего не только сундуки с серебром, разного рода гардеробом, бельем, но ещё отважились вывезти и другие, какие только могли найти, складки, а также обжалованные комиссары забрали бумаги и неизвестно на что употребили — на свою корысть или же удержали в доход скарба.

Вследствие того поступка шляхта и крестьяне доносителей Лопатинского, 0гинского и Квинта до такой дошли дерзости, что, напав на главное имение Боги, 0псу и Домаши, нещадно дворец в Богине и Опсах вскрыли, двери и окна разнесли, в комнатах разобрали зеркала, диваны, кресла, канторские столики и канторки и, вконец, весь пол выдерли, всю библиотеку, великой ценой с коллекцией оригинальных манускриптов, весь архив, содержимый доносителями в порядке, а также большое число ценных портретов в ящиках вместе со шкафом, в котором находились те манускрипты по естественной истории, и шкафом с хрустальными приборами из чешского и английского стекла, кухонную утварь, упряжных лошадей, хомуты, упряжь, 24 ружья со штыками, патронташ, украшенный гербами дома жалобщиков, немало других ценных вещей, которых упомнить нельзя, все то было изрублено, разворовано и в ничто превращено...

... Оскерка же, имея под собой польскую команду с названной поручиком девицей, наехав на фольварк Солотьки и отчинное имение Солоки, вскрыл здесь омбары и магазины, весь до единой штуки рогатый и нерогатый скот, разную птицу, господский инвентарь, медь, полотно, словом, все, что только в Слоках находилось, до последней штуки забрал, а чего не мог себе присвоить, то велел порубить, из-за кото-

рой акции обжалованного Оскерки жалующиеся доносители понесли убытка в Солоках на 30000 злотых. Помимо этого акта в Солоках, значительное число строений в деревнях Радунь, Далекие Мацевичи, в местечке Угорь, деревнях Медники, Чернишки, Мельники, Эйвиловичи вместе с овинами и четырьмя корчмами, а также гумно с двумя овинами, скотным двором, конюшней и каретной в фольварке Опса было дотла сожжено...

НИАБ, ф. 1755, д. 99, л. 181 – 182, 185 об. Перевод с польского ред.

№ 72. 1 июня. Ордер Н. Репнина генералу Б. Кнорингу с предписанием первого штурма Вильно и его целях

Дав вам свободу действовать наступательно по обстоятельствам, как генералу осмотрительному, искусному и усердному со всегдашним ограждением и охранением собственной границы Минской губернии, не исключаю из тех действий и поиск на Вильну, который ваше превосходительство намереваетесь сделать. Но я думаю, что вы при овладении Вильны инаго не предполагаете, как только наказать тот город и тамошния богатыя монастыри сильною контрибуцией взять, а монахов из города и из монастырей из самых первейших начальников с угражением, что они как злодеи наказаны будут, ежели город оставаться станет в своем бунтовании. При том, чтобы забрать там всю артилерию с зарядами, весь порох, свинец, всякое оружие, всякую амуницию и, одним словом, весь город, в нем всех обывателей обезоружить, взять весь хлеб и все сии вещи, чего забрать нельзя будет, то истребить, не оставляя их в пользу неприятеля.

При том все универсалы и всякия возмутительныя печатныя и письменныя наряды и бумаги також совершенно истребить, начальников же их, разсеивающих, как выше сказано, с собою забрать. А исполнив все оное, сколь возможно скорей опять сближитесь к своей границе и обратитесь, охраняя оную, на действии сподручные против мятежников в поле с таким видом, чтобы устрашить сим поиском всю Литву. Сходить к Вильне можно, но и тут крайне остерегаться должно, чтоб не подвергнуть себя и не отважить никакой неудачи, потому что прежде приближения генерал-поручика Дерфельдена с его корпусом всякая неудача для нас будет ришетельно вредна, не имея чем исправить по малой части еще наличных войск, а чтобы оставаться в Вильне прежде времени сближения помянутаго корпуса генерал-поручика Дерфельтена того предпринимать теперь никак еще нельзя по вышепрописанным причинам. Впротчем сие открытое изменническое гнездо всегда во власти нашей будет и другой раз занять, поставя уже тогда в оном твердую ногу по сближении вышесказанных войск...

РГВИА, ф. 41, д. 266, л. 301 – 302 об. Копия.

№ 73. 2 июня. Резолюция гродненской порядковой комиссии о пожертвованиях Волковысского повета на цели восстания

Порядковая комиссия Гродненского повета, приняв по желанию обывателя и комиссара Волковысского повета Станислава Колупайлы прежде собранные пожертвованиями деньги в золоте и серебре и им сюда привезенные для безопасного хранения в кассе гродненской комиссии, полагает, что усердие указанного обывателя будет достойно обеспечено сохранением как денег, так и пожертвований Волковысского повета в одной из колонн литовской армии и надеется, что такой обыватель, как поветовый генерал Ельский, не откажет комиссии в столь необходимом конвое для транспорта.

НИАБ, ф. 1755, д. 79, л. 640. Копия. Перевод с польского ред.

№ 74. 5 июня. Акт оправдания шляхтича М. Тизенгауза в своей неспособности своевременно поставить рекрут в вооруженное ополчение

Я, нижеподписавшийся, свидетельствую перед актами земства Лидского повета, что из-за многонедельного прохода через ельненскую парафию неприятельского войска, угрожавшего моему имению наравне с другими обывателями Лидского повета, я не знал опубликованных каких-либо поветовых универсалов и подобно эмигранту спасал свою жизнь без всяких известий о публичных указах. Ныне же, 5 июня, прибыв в вольное место Лиду, я как согласный с помыслами народа патриот, в отсутствие светлейшей военно-гражданской порядковой комиссии Лидского повета и ясновельможного генерал-майора Лидского повета Кароля Сципиона, поинтересовался о каких-либо универсалах и из частного эха узнал, что по генеральскому универсалу 6-го дня сего месяца без предварительного правительственного расклада надлежит доставить рекрута с 5 дымов.

Несмотря на свою охоту всегда усердно пещись о судьбе Отчизны, я не могу дать указанных рекрут в столь короткое время из-за бунта крестьян в моем заставном фольварке Костищах, а тем более не способен, вследствие этого, поместить в надлежащее место линейного рекрута.

По этим причинам, чтобы не подпасть под суд публичной критики, а тем более какого-либо обывателя, я подаю нынешнее свидетельство для записи в протокол.

Мартин Тизенгауз, обыватель слонимский.

НИАБ, ф. 1767, д. 122, л. 69 об. — 70. Перевод с польского ред.

№ 75. 6 июня. Рапорт генерала Н. Ланского Б. Кнорингу о сражении под Борунами

Вашему превосходительству честь имею донести, что из раставленных около лагиря войск корпуса, моему ведомству вверенного при местечке Ольнанах, казачьих бикетов один по дороге к Боруне сего числа по полуночи в начале третьего часа наехавшею польских войск из кавалерии партиею был атакован. Я, услышавши первые при том зделанные выстрелы, тотчас приказал из авангарда отрядить пятьдесят человек егерей, которые, подкрепивши казачей бикет, принудили целными из ружей выстрелами реченную партию сокрытца в лес, но, преследуя её далее, открыли там неприятельскую пехоту с пушками и кавалерию, выстроившуюся к нападению на войски, в лагири расположенные. О чем получа извещение, откамандировал я господина подполковника Ессена с третьим естляндским егерским баталионом и полком донских Козаков Чернозубова, а между тем временем все войски по диспозиции вашего превосходительства устроил, батареями полевой артилерии способныя возвышения занял и приготовил более к нападению неприятеля, нежели к обороне.

С поясненным легким авангардом подполковник Ессен, будучи подкрепляем двумя пехотными баталионами и пушками, лишь только сближил-ся к густому лесу, как в ту же самую минуту встречен был от неприятеля из пушек и мелкаго оружия выстрелами, что, однако ж, с твердостию духа принебрегши, вбежал в лес и сильным с выстрелами стремлением разстроил неприятеля так, что оной от неожиданной сей отважности нащих егерей и козаков по упорном сопротивлении начал ретироватца, а рассыпанными своими стрелками по лесу с обеих сторон дороги производить огонь, кавалериею ж прикрываем по дороге свою непоспешную ретираду. Почему господин подполковник Ессен, рассыпавши большую часть егерей, начал поражать неприятельских стрелков, из густоты леса по нашим сильный огонь производящих, а впереди пехотных баталионов с пушками, которым никакого вреднаго содействия ретирующемуся неприятелю по разным между лесом непрямым тропинкам чинить было невозможно. Выслал я Санктпетербургскаго драгунскаго полку один ескадрон, которой вообще с козаками при случившихся на сем пути полянках останавливающуюся и выстраивающуюся неприятельскую кавалерию неоднажды храбро атаковали, поражали и прогоняли с успехом в густом лесу, в коем также, как и рассыпавшаяся пехота со стрелками была храбро егерями разима так, что по продолжающемся с обеих сторон близу четырех часов непрестанном сражении, выбит был неприятель из леса и преследован до самого местечка Баруни, да и тут

удержатца не мог от драгун. Козаков и егерей в подкреплении двух пехотных баталионов с пушками, коими наносимое безостановочное поражение принудило неприятеля с поспешностию в безпамятстве рассыпатца, бежать и сокрыватца сызнова в густоту леса по дорогам к Ошмянам и Вишневу. Наконец, по соединении целого корпуса на назначенном при Боруне лагерном месте, посыланными на преследование ушедшаго неприятеля казаками и драгунами дознано, что неприятель с дороги к Вишневу обратился к Ошмянам, где все силы ево есть расположенными.

При описанном произшествии неприятелей, с неимоверною запальчивостию и отчаянием сражавшихся, одних по лесу и по дорогам толко найдено убитых двести тринадцать человек кавалерии, пехоты и стрелков, да тяжело израненых и в плен захваченных девятнадцать, из коих от ран к вечеру умерло тринадцать, а осталось живых шесть человек. Множество ружей, лошадей, повозок и протчей амуниции досталось в добычу победителей. С нашей же стороны убит казачей офицер один, ранено легко драгун один, егерей пять, тяжело казак один, егерей три, из коих один умер. Драгунских лошадей тяжело ранено две, да казачьих убито шесть. По объявлению пленных на сражении было неприятельского войска регулярной пехоты до тысячи человек, стрелков до осьми сот и кавалерии бригады Ковенской три ескадрона, а каждый состоял во ста пятидесяти человеках под предводительством вице-бригадира Воврецкого и других, ему подобных бунтовщичьих начальников, коих по новости присоединения к войскам о подлинных названиях узнать было нельзя. При окончании моего донесения сил не имею утаить пред вашим превосходительством, чтоб не упомянуть о храбрости и мужестве в деле бывших воинских чинов, поражавших бунтовщиков, запальчивостию и отчаянием преисполненных, из коих много оказалось таких, кои, быв совершенно обезоруженными, в безумии можно сказать бросались на егерей наших, не щадили живота своего и не хотели живыми отдатца и умирали на штыках...

... по занятии местечка Баруни, найдено и освобождено приготовленные бунтовщиками к повешению пять человек, из коих три жида, один мужик и один шляхтич.

АВПРИ, ф. 79, ап. 6, д. 1838, л. 168 – 169 об.

№ 76. 8 июня. Рапорт Л. Бенигсена генералу Н. Зубову о сражении под Вишнево с М. Огинским

Следуя повелению вашего сиятельства со вверенным мне отрядом войск, состоявшим Изюмскаго легкоконнаго полку и трех ескадронов Естляндскаго корпуса 4-го егерскаго баталиона, Нарвскаго пехотнаго , полку двух

гранодерских рот, Псковскаго пехотнаго двух рот, шестидесяти козаков и пяти полковых орудий, отправился я сего июня 5 числа чрез местечки Городок и Воложин, где известился, что граф Огинский, бывши пред сим подскарбием литовским, и Силистровский по завладении ими в местечке Ивенце Естляндскаго корпуса 4-го егерского баталиона обозом намерены были прорватца даже до Минска. Вследствие чего прибыли они в местечко Бакшту с войском их в числе более двух тысяч человек. Предполагая, что остаетца им один путь чрез Вишнево, остановился я на несколько часов в Воложине для отдохновения в деревне (неразборчиво – ред.) моего войска.

Поутру же рано 6-го числа пошел я под Вишнево и, перейдя четыре версты, узнал непридвиденное мною достоверно, ибо на пути в деревне (неразборчиво – ред.) неприятель за два часа предо мною действительно стоял. При деревне Шарковщизне, за полторы мили от Вишнева, неприятель изломал мост, покидав весь лес в реку на разстоянии четырёх сажень ширины. Более ста человек кинулись собрать все брошенное из воды для сооружения моста. И рвение вообще всего войска сразиться с неприятелем столь было велико, что, невзирая на трудную работу, в полчаса времени мост был готов, по окончании коего продолжал я поход. Неприятель же столь уверен был заградить мне путь сею рекою, что пред упомянутым местечком Вишневым не было ни одного пикета и хотя от обывателей тех мест, чрез которые я проходил, известились они, что показывали казачьи разъезды, но того не воображали, что с войсками я был уже вблизости от них.

И так неожидаемо прибыв я поутру в девять часов к местечку Вишнево. немедля решился атаковать, для чего отряжен от меня был Изюмскаго легкоконнаго полку господин полковник Трегубов с тремя ескадронами и шестидесятью козаками со всевозможною стремительностью пуститца чрез Вишнево. Неприятельская конница только что имела время выстроитца в боевой порядок. Упомянутой полковник, неописанным стремлением проскакав местечко, выстроил фронт и атаковал неприятеля, который, едва успев встретить его жесточайшим огнем, как уже был опрокинут. При сем господин полковник Трегубов отбил неприятельскую малого калибра пушку. Неприятельская конница, бежав, на некотором разстоянии вновь выстроилась, но полковник Трегубов, вторично апрокинув, преследовал за оною кустами, случившимися тут по обеим сторонам большой виленской дороги, по коей сей неприятель и пустился в бег.

В продолжение сего дела неприятельская пехота, имея прикрытием лес, вредила огнем своим в правой фланг нашей кавалерии, но вскорости зближилась наша пехота и я велел оной построитца против лесу и двух возвышений, пред оным занятых неприятелем. Из оных первое возвышение было очищено баталионом Берха, невзирая на сильной неприятельской огонь, от котораго и потерял он несколько людей. На оном возвышении велел я поста-

вить две пушки под управлением Новгородского пехотнаго полку господина капитана Лидерса, которой действием оных орудий способствовал много совершенному поражению неприятеля. В сие же время отряжен от меня был комисариата подполковник Зубов с восьмьюдесятью егерями и шестидесятью человеками пехоты для прикрытия правого крыла егерскаго баталиона. Он атаковал неприятеля в лесу и прогнал онаго, при чем был легко ранен. Со втораго возвышения прогнаты были неприятели двумя ротами Псковскаго пехотнаго полку под командою Санктпетербургскаго гранадерскаго полку секунд-майора Этингена. Нарвскаго же пехотнаго полку премьер-майор Раутенштерн, подоспев двумя гранодерскими ротами того ж полку, спопешествовал к прогнанию неприятельской пехоты, отрядя в преследование за оною находившагося под командою его подпоручика Плеханова, которой выполнил то с отличным мужеством.

Неприятельская конница собралась еще раз позади в случившейся на пути деревне, но полковник Трегубов опрокинул оную в третий раз, истребив большую часть оной. Естляндскаго же корпуса 4-го егерскаго баталиона секунд-майор (неразборчиво- ред.), равно будучи послан со стапятидесятью егерями в преследование неприятеля, отличил себя, оставя на месте множество убитых. Сражение началось поутру в девять часов и продолжалось до половины двенадцатого, в котором над неприятелем одержана была полная победа и в величайшем онаго разстройстве преследовал я его со вверенным мне войском далее шести верст.

Потеря наша состоит Естляндскаго корпуса 4-го егерскаго баталиона ис четырех убитых и одинадцати раненых, Изюмскаго легкоконнаго полку двух убитых и девятнадцати раненых. Лошадей побито двести восем и семнадцать раненых. Неприятельской урон состоит из убитых и раненых более трехсот человек. В числе последних находится, как сказывают пленные, начальствовавший Силистровский и многие офицеры. В полон же взято шестьдесят четыре человека, между коими капитан Суходольский, которой командовал волонтерами в бывшем сражении при Ошмянах, и три порутчика. Неприятель принужден был оставить в добичу нам весь свой обоз в числе более двухсот повозок, в коих нашлось множество похищенного в местечке Ивенце.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 165 – 166.

№ 77. 8 июня. Рапорт генерала Н. Ланского Б. Кнорингу о сражении под Ошмянами

Вчерашнего числа, получивши вашего превосходительства новые наставления к содействиям противу неприятеля наступательно, отрядил я

господина подполковника Экена с баталионом егерей и с таковым же Псковскаго пехотнаго полку с двумя полевыми пушками и донскими козаками полку Чернозубова по тракту к Ошмянам по полудни в три часа, а вслед за сим авангардом устроил соответственно приказанию вашего превосходительства порядок марша протчих войск, отряда мне подведомственнаго. И тронувшись только с места с последними, услышана была уже нашего передового отряда с неприятелем перестрелка.

Я посему в выполнение начальнической вашей воли приказал поспешно пехоте следовать, а господину полковнику Чеменскому с шестью ескадронами полку Санктпетербургскаго велел скакать вперед с двумя при них пушками, которой, приспевши на место сражения, нашел уже егерей и козаков сильно сражающихся с неприятелем, то выстраивающимся, то разсыпавшимся по лесу и производящим с разных сторон из пушек и ружей огонь по наступающим на него, где нельзя было инаго предпринимать к поражению бунтовщиков, как только разными регулярными и нерегулярными построениями выманивать их из лесу. Тут все меры старания употреблены были по возможности, однако ж с довольно хорошим успехом господина полковника Чесменскаго. И он, оставивши у себя в тыле четыре, а сам с двумя толко ескадронами драгун, козаками и с баталионом егерским, поелику безпрестанной и густой лес не позволил более употребить в дело войск, зделал то, что неприятельския пехота и стрелки с кавалериею, упорно и отважно сопротивлявшияся по разным местам за плотинами и дифилиями с пушками заседавшия, были драгунами егерями и козаками силно атакованы, а где не было возможности одними людьми выгнать неприятеля, там реченный господин Чесменский, яко искусный полководец, выбивал и очевидно разил своими таковыми пушками, при нем в атаке бывшими так, что принуждён был неприятель терять свое устройство и сызнова разсыпыватца и ретироватца разными дорогами и тропинками по лесу, где, однако ж, многократно останавливался, производил по преследующих его храбрых драгунах и козаках из пушек и огнестрельнаго оружия огонь, но не избег тем от поражений, оставивши на месте более полутораста убитых и в плен захваченных четырех человек, немалое количество оружия, лошадей и амуниции в добычу победителей, преследуем был почти до самого местечка Ошмян и с остатками, изломавши на тракте чрез речки мосты, бежал.

С нашей стороны от тяжелой раны на другой день сражения драгун один умер, да легко раненых два, егерей два и казак один, лошадей драгунских убито две и раненых три, да таковых же казачьих четыре.

По удостоверениям пленных описанная сопротивлявшаяся толпа была

отрядом в пятистах пехоты и стрелков, да в трехстах кавалерии и от их скопища в десяти тысячах при Ошмянах состоявшего под предводительством главного бунтовщика и виленских войск начальника Ясинскаго, которой, узнавши о неудаче и поражении его сообщников 6 и 7 числа нашими егерями, драгунами и козаками нанесшем, вчерашнего дня бежал со всею своею кучею из-под Ошмян к Вильне, что подтверждено даже сего числа по приходе на лагерь Ошмян и обывателями. И захвачено в плен, с бикета за местечком найденнаго, один писарь и шесть человек конных побито, которые, противу козаков и запальчивости обороняясь, не успели ускакать.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 170 – 170 об.

№ 78. 10 июня. Рапорт Б. Кноринга Н. Репнину об обстоятельствах своего марша под Борунами и Крево

Отправя донесение мое к вашему сиятельству от 4 сего июня, я выступил на поражение мятежников, бросившихся к Воложину, сделав той ночи и в наступивший день переход до Ольшан, местечка, не менее сорока верст, спеша елико возможно перерезать все пути им к произведению нападения на границу нашу и заградить при том связь прочих содействующих им войск, тем паче, что на 19 число по исчислению римскому назначено было днем собрание к посполитому рушению, о чём из провожаемого при сем универсала ваше сиятельство усмотреть изволите.

Но получив между тем известии, что из войск для отражения при покушении бунтовщиков на тамошния места границы и ея обезпечение мною в позицию введенных, теперь под командою господина генерал-майора и кавалера Зубова находящихся, следует уже туда отряд при бригадире и кавалере Бенигсене для нападения с тылу на сих порывающихся в границы наши, при чем и открыв, что к подкреплению их сильной, обретающийся в местечке Баруне, деташмент намерен был, дав только некоторым войскам по толиком марше отдохновение, в следующую ночь, то есть против 6 числа, выступить на пресечение сему сикурсу надежды в соединении с теми бунтующими. Но сверх чаяния неприятель подошел к самым нашим передовым пикетам два часа по полуночи и произвел сильную по оным из ружей пальбу. Однако по продолжавшемуся безпрерывно близ пяти часов сражении, при упорном и сильном его сопротивлении, был разбит и прогнан далее местечка Борунь, где потом и взял лагирь.

А на другой день выступя к Новосёлкам, деревне по ошмянской дороге лежащей в одной от сего местечка мили, по уведомлениям, что там сильной находится неприятель, не успел передовой отряд наш отойтить двух верст, как от онаго же встречен был выстрелами, но и сей по таковом точно сопро-

тивлении, как и выше значат, разбит, разсеян и прогнан почти под самое местечко, наименованное выше, с весьма знатным в оба сии раза уроном и с небольшею с нашей стороны потерею. Впрочем же, не описывая все то подробным здесь образом, представляю я к вашему сиятельству поданный ко мне рапорты господином генерал-майором и кавалером Ланским, яко и его отделения войск командиром, прибавив к тому то только, что мятежники после сих двух непременно чувствительных им поражений, не ожидая уже следующаго 8-го числа, в которое я намерен был дать им еще удар того же вечера, коль скоро прибежали к ним разбитыя, сняли свой лагирь и ретировались, как сказывали мне после единогласно и единословно здешния жители, когда я наутро прибыл якобы к Вильне, будучи в десяти тысячах с немалым числом орудий большого калибра. Бригадир и кавалер Бенигсен равномерно разбил неприятеля, на границу нашу покашавшагося, лишил его всей пехоты, ранил жестоко самого предводительствовавшего в том князя Огинскаго, как сказывали о сем отряде, отмечу—в Крево посыланному, тамошния жители, которые видели ево Огинскаго и о всем произшествии от него самого слышали. Сверх того отнял кроме захваченнаго оным в Ивенце множество их обоза и пушку и стеснил его, Огинскаго, так, что он, не имея уже путей к ретираде, с несколькими спасшимися от сего поражения не более ста человек конными воинами и, бросаясь то в ту, то в другую стороны, по прикрытию моим движением путей ему, нашел один токмо способ уйтить чрез Крево со всевозможным поспешением, взяв тут обывательских лошадей, а бросся своих усталых за полчаса только до прибытия в сие местечко моего отряда, коим верно бы схвачен и в остальном разбит был, ежели б быв там, хотя несколько умедлил оттоль выехать.

Подробно же о всем происходившем ваше сиятельство усмотреть изволите из приложенных при сем присланных ко мне от господина генерала майора и кавалера графа Зубова двух рапортов. В прочем я хотя и имел бы намерение первее всего итить на Вильну, уверяясь при том по многим сведениям, до меня доходящим, что она в большом находится страхе по поражению всюду ея защищающих конфедератов, что доказательством служить может ретирада их из Ошмян, равно и то, что многие знатные дворяне, оставя Вильну и многие здешние места, бежали в кордон пруский и в Курляндию, и простерть поражение на сию столицу бунта ныне же, как и два токмо остались до оной небольшия марша. Но поелику войски господина генерала майора и кавалера Зубова недостаточны продовольствием, как о сем он в предварительном ко мне донесении о разбитии бригадиром Беннигсеном мятежников меня извещает, понеже минской губернатор подвоз к сим войскам делает весьма малым количеством, хотя и обещал мне его превосходительство Тимофей Иванович доставлять к оным чрез каждые две недели по шестисот четвертей.

То по сим обстоятельствам, видя его недвижимым, обращуся на разбитие конфедератов, большими силами в Лиду собирающихся, пока подвезен будет сзади ко мне запас в новом месте приготовляемый, из коего, может быть, уделю и помянутым войскам, надеясь, что между тем и из Минска сколько-нибудь к тому на прибавок будет доставлено. И сколь скоро отвращу сей недостаток, также и очищу предъявленную сторону от Лиды, занятую конфедератами, а при том и ничто такое, чтоб могло воспрепятствовать не встретиться, пойду прямо и немедленно на Вильну и овладею оною.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 162 – 163.

№ 79. 10 июня. Показания пленного хорунжего С. Шабуневича о планах восставших

1. Что на прошлой неделе пошли в Пинск из-под Зельвы шестсот человек регулярнаго войска под командою подполковника Ахматовича.

2-е. Что намерен был корпус Огинского зделать нападение на Несвиж, но теперь, по причине им не известной, пошел к Бакштам и там скрывается в лесах.

3-е. В Ошмянах под командою Ясинскаго регулярного польскаго войска шесть тысяч двести человек опричь сконфедированной шляхты и поселян, ис коих ни тем ни другим не только точнаго, но и примернаго щоту не знают, пушек восемнатцать.

4-е. Под Николаевым генерал-лейтенант Хлевинской с тремя или четырмя тысячами регулярнаго войска.

5-е. Недавно издан и публикован универсал, что ежели кто на 7-е число июня по российскому штилю не явится к войску, тот будет казнен смертию и имения его на республику отберутся.

6-е. Зделано наистрожайшее подтверждение, чтобы поветовые генералы со всеми своими войсками впали как найскорее в границы империи и чтобы сие исполнено было ими непременно под страхом казни.

РГАДА, ф. 16, д. 758, ч. 2, л. 132.

№ 80. 10 июня. Показания пленного поручика Петровича о намерениях

М. Огинского при рейде вглубь Минской губернии.

... Неселовский велел ему следовать в корпус к Огинскому и приказывал ему сказать следующее: 1-е, чтоб Огинский как найскорее отрядил из деташмента своего 100 человек вольных лучших стрелков и 50 человек кавалерии, которому и велеть немедленно присоединиться к подполковнику Ахматовичу, посланному на Пинск и оттуда до Слуцка.

2-е, чтоб Огинский с достальными своими силами и имянно: 500 вольных егерей, 950 человеками конницы и с двумя пушками шол неотложно чрез Ивиницу и Столицы на Несвиж и, 3-е, что они между тем будут помышлять и, конечно, пойдут на Минск. Сегодняшний день был, чтобы атаковать Цицианова и Кноринга корпусами Хлевинскаго и Беляка, графа Зубова—-корпусами Ясинскаго, Грабовскаго и Неселовскаго. На Минск пошол четвертый полк с 500 кавалерии под предводительством Сулистровскаго чрез Глумбокое. Сего дня неделя, как Сулистровской выступил из Вильны.. Полковник Дедерко просил из Вильны небольшую военную команду, дабы итти с нею на Несвиж, но ему в том отказали.

РГАДА, ф. 16, д. 758, ч. 2, л. 138 – 184.

№ 81. 11 июня. Отрывок из письма Н. Репнина Н. Салтыкову относительно настроений в Курляндии вдоль границы с Браславским поветом

... в Курляндии города и крестьяне заражены мыслями вольности и равенства и, кажется, весьма дурно расположены, отчего сами призовут к себе мятежников против дворян. Крестьяне же начинают уже в иных местах помещиков не слушатся...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 72.

№ 82. 13 июня. Отношение генерала И. Германа к Н. Репнину с жалобами на продовольственные трудности

Доставление провианта меня крайне озабочивает. Онаго довольно есть в Десне и Полоцке, но подводы ищутся с великою трудностию. Шедши от Десны с десятидневным провиантом, сей провиант вчерась уже кончился и я перебираюсь всячески, доставая, сколько найду в неприятельской земле. Отрядами изнурил конницу. Нет хлеба в здешнем краю и Польша походит более на пустыню, нежели на обитаемую землю.

Уведомился я сего дня, что десятидневной провиант мой из Десны прибыл в Глубокое. На всякий случай отправил я уже вчерась туда полковыя провиантския фуры. Люди, близ границы живущия, скрываются от страху по лесам и начели только иные возвращаться в свои домы. Подвод собрать трудно. Сам господин провиантмейстер-лейтенант, подполковник Берх вчерась ко мне из Полоцка приехал и я с ним все надобное учреждение зделал для будущаго продовольствия вввереннаго мне отряда, но в разсуждении подвод покорнейше прошу вашего сиятельства господину полоцкому губернатору предписать, чтоб он иногда с своей стороны делал помощь.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 153.

№ 83. 14 июня. Из рапорта генерала Л. Лукашевича Н. Репнину о положении в околицах Друи и Браславля

В бытность мою сей день в Друи Минской губернии получил я сведение, что в местечку Тавродины есть мятежников от 4-х до 5000, в сем числе регулярнаго польскаго войска гораздо большая половина под командою браславскаго генерала Оскирки и судьи браславскаго Беликовича. И сия партия мятежников совершенно изготовлена для нападения в Динабург, которое местечко и есть от Десны в 7 или 8 милях. Что я вашему сиятельству доносил о слухи выстрелов пушечных, то оные были того ж числа около местечка Волколаты, помещика Зенкевича, ибо имел Московской гранодерской полк с мятежниками перепалку, но чим кончилось неизвестно, а сие только дошло мне знать, что при той перепалке взято в плен пятнадцать бунтовщиков. При переходе генерала майора и кавалера Германа с войском от Глыбокаго к Видзи, от оной к Поставам хотя разогнаты были мятежников шайки, но ныне опять около Видз и Браславля великие шайки собрались и умножаютца. О сем, имев честь всепочтеннейше вашему сиятельству донесть, докладываю, что как Друя есть пост не последней, а команда остаетца ныне только гранодер 124, гусар 40 и одна пушка, а посему небесполезно было б буди не более, то столько ж прибавить. А майор Стафеополь вышел со всею своею командою в местечко Глыбокое, взяв с собою и егирей 1-го баталиона Эстляндского корпуса, оставленном при выступлении сего баталиона в поход за болезнею, кои ныне в баталионы весьма нужны. И того же баталиона майор Ведемеер просит приказать оных майору Стафеополу возвратить к нему для доставления в баталион.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 154 – 154 об.

№ 84. 16 июня. Жалоба шляхтянки Эйсмонтовой в обидах на участника посполитого рушения И. Снарского

Процесс и найсветлейшее заявление пани Матеевой Эйсмонтовой, состоящей под опекой местного права, на пана Иосифа Снарского таким способом и в том, что после того как муж ее по обывательскому праву поехал в посполитое рушение, а она одна с детьми осталась в своей шляхетской колыбели под названием Каповичи вместе с паробком, нанятом зимой на Христово рождение для содержания хозяйства, то обжалованный близкий сосед Иосиф Карпович, смененный своим братом и уволенный из посполитого рушения, воротился в свой дом в Жаповичах, где, пьянствуя и тунеядствуя, вознамерился опустошить дом показанного Матвея Эйсмонта, его жену с детьми до убожества довести и лишить хозяйства, почему 3-го дня текущего месяца июня глубокой ночью он сам пьяный и с людьми урожденных обывателей Шенявских, живу-

щих около той околицы и подданных к фольварку Проневичи, вероломно и неприятельски с тремя людьми напал на дом обывательки Матеевой Эйсмонтовой, ее саму в доме схватил, выкрутил ей руку, ее детей так немилосердно напугал, что те едва спаслись чрез окна к соседям, забрал бесправием невинных и принадлежащих другому дому паробков, которых вывез связанными в Кринки и неизвестно где дел. Таковым вероломством и бесправием он дом с хозяйством жалобщицы обобрал, а лишив ее всех способов существования, совершил акт принуждения и насилия.

НИАБ, ф. 1755, д. 97, л. 349 – 349 об. Перевод с польского ред.

№ 85. 9 ноября. Из допроса в Смоленске управителя имением Волколаты М. Реута об обстоятельствах нападения на фольварк ошмянского генерал-майора Зенковича

Допросом же он, Реут, показал, что в российском подданстве не состоит. Мятежник Зинкович был ему знаком потому, что он, сделавшись поветовым генералом Ошмянскаго повету, приезживал в дом писаря минскаго Антония Свинторецкаго, состоящий в деревне Кобыльниках, в которой он, Реут, находился управителем и выбирал в польскую службу крестьян. А хотя он, Зинкович, и приказывал ему, Реуту, чтоб в Кобыльниках и в ево, Зинковича, деревне Веричите положить яду в мед, дабы, когда российские солдаты придут, оным их отравить, но он, Реут, яду нигде не клал, боясь греха, шпионом у него, Зинковича, не бывал, российских курьеров никогда не ловил, но напротив делал им всевозможное пособие и господин ево, Свиторецкой, с польскими мятежниками никакова сообщества не имеет, но всегда их удаляется.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, д. 182.

№ 86, 18 июня. Квитанция крестьянам Яновского ключа Гродненской экономии с освобождением их от повинностей за поддержку восстания

Я, Константин Ельский, генерал-майор милиции Гродненского повета сим свидетельствую, что Иосиф Синило и Андрей Блажевский, крестьяне его королевской светлости Яновской губернии безо всякого принуждения, а лишь как добродетельные жители польской земли, воодушевленные любовью к своему Отечеству, подобно своим братьям примкнули к моей команде с лошадьми и со всяким обмундированием. Уведомляя об этом, я обращаюсь к их управляющим с наказом не брать с их дворов ни рекрут ни каких-либо складок на рекрут, поскольку их надлежит возместить поставкой людей с лошадьми и оружием.

Дано в Гродно. 18 июня. Константин Ельский, Казимир Рагоза, военный регент Гродненского повета.

НИАБ, ф. 1755, д. 79, л. 677. Копия. Перевод с польского ред.

№ 87. 22 июня. Из показаний на смоленском следствии капитана Я. Валицкого и ксенза Б. Салмоновича относительно восстания в Браславском повете

(Ян Валицкий) ... когда публикован был в Польше универсал от браславскаго подкомория Мирскаго о съезде в Браслав всего повета шляхтичам майя на 11-е число для набирания в суды судей и для того собралось туда шляхтичей одинатцать человек, в числе коих и он, Валицкой, то на пришедших в сие время в Браслав российских егерей под командою майора, котораго имени не помнит, не знает, кто из польских шляхтичей на улице выстрелил из пистолета дробью, за что и взят он с теми шляхтичами под стражу. Пред сим же временем недели за полторы хотя и получены были из Вильны универсалы. чтобы все жители вооружались и находились в готовности обороняться от российских войск, когда оныя выступят, однако жительствующие в Браславском повете дворяне, повинуясь издаваемым универсалам, опасаются при том и российских войск и посему ни сами они, ни крестьяне их ни к какому возмущению употребляемы не были.

(Базыль Салманович) ... и хотя присланной сего 1794 года в начале майя месяца из Вильны к пробощу Ластовскому, которой после ушол в Браслав, от официала, наместника бискубскаго Давыда Пильховскаго при письме печатной за подписью ево универсал партикулярно за границею и видел, однако читан оной в местечке Иказни в воскресный день при собрании народном во время обедни тем пробощем, а ево, Салмоновича, тогда ни в церкви, ни дома не было. И о сем чтении, по возвращении ево, пробощ изъяснил ему, что универсала онаго не смел ни прочитать из опасения наказания и казни со стороны польской. Содержание же помянутаго и других присланных универсалов было такое, чтоб молебствовать о вспоможении польской республике против российской державы и чтоб крестьянам вооружатца и быть готовыми для вспоможения польским войскам. В оправдание свое, что не донес о сих универсалах, объявляет только, что пробощ был его начальник и что не видел еще от них никакого произшедшаго вреда.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 222 – 223.

№ 88. 22 июня. Из дознания в Смоленске шляхтичей С. Барковского и Т. Хонзинского относительно восстания в Браславском повете

(Станислав Барковский) ... когда по универсалу виленской комиссии под смертною казнию велено было находящияся в Польше российские войски прогнать, то он однаго сержанта, поймав на дороге, отправил в польское местечко Видзу в цивильную комиссию и разным людям внушал, чтоб проходящих российских воинских чинов и всякаго звания людей ловить и отсылать в то местечко, толкуя, что за противное тому каждой лишен будет жизни по объявленному универсалу, которой в местечке Угорском, состоящем в российском кордоне, по приказанию польской цивильной комиссии люстратора священником Яном Корзаном в церкви был читан и хранитца у него. И вследствие того графа Манузы ревизором Ковальским и комисаром Каминским велено собрать всех помещика их крестьян, живущих в российском кордоне, и быть им в готовности, а его же, Манузы, из деревни Черницы еканом Рашчевский и два родных брата Гароны лесничей Ковшевич и камисара Каминскаго писарь, а как прозывается не знает, выехали к польскому войску. Сверх того, упоминаемой универсал в парафиях Опейской слышали шляхтичи Артимовичи, Симашка, Людвиг Стома, Юзефат Стома, Шолмак Мартинкевич. А инные из шляхетства почасту бывали в польском местечке Видз, получая от находящейся там комисии о всех польских предприятиях сведения и наставления. О всем же польском возмущении знает земской писарь Квинта, в российском кордоне живущей, которой имеет трех сыновей, пребывающих в Польше. Равным образом и старостины Буринской в местечко Замошье и Казнь, состоящее в российском кордоне, из виленской комисии таковые же возмутительные универсалы присланы были ко ксензу Орловскому…

(Томаш Хонзинский).. соглашал к возмущению помещицы воеводины Огинской крестьян по присланым к нему от комисара Мартина Космовскаго письмам из Вильни и по приказанию его для вооружения их зделано было несколько рогатин и пик...

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 224 – 225.

№ 89. 9 ноября. Свидетельство в смоленской комиссии шляхтича Ю. Мацулевича относительно комплектования вооруженных сил восстания

Допросами же он, Мацулевич, показал, что как нынешнюю весною российские войски из их селениев, состоящих в Брацлавской губернии, вышли под Вильню, то после того чрез месяц начали к ним приезжать польские жолнеры с своими офицерами человек по дватцати и по тритцати и приказали им, шляхте, чтоб они шли к ним в службу со устра-

шением, ежели кто в службу к ним не пойдет, то будет повешен. И потому из деревни Доубори и пошли к ним охотно в службу шляхтичи Игнатий, Станислав, Михаил, Томаш и Яков Заштолты да Томаш Бочковский, которых поляки и взяли с собою под Вильно. Он же, Мацулевич, по приказу поляков в польскую службу не пошел, но от того укрывался. После того в июне месяце поляки напали поблизости ево жительства владения старосты Манузы на селы Чернишки и Балундишки, в коих живут переводные из Росии крестьяне, где и он, Мацулевич, быть случился. И как начали их разорять и грабить, то некоторое грабежное платье польские жолнеры отдавали ему, которое он и принял. Тех же крестьян жолнеры взяли и повели с собою и продержали их месяца с два. И как оные возвратились в свои домы, то он им и ограбленное жолнерами платье, какое у него было, возвратил и от крестьян, кроме получения своего собственнаго и ево имущества, все побрали, а самого его, Мацулевича, взяли под караул и представили в местечко Постав к российской команде. Кроме же того он с польскими жолнерами никакого сообщества не имел и других никого не грабил. При том же грабеже российских крестьян были и грабили деревни Доуборки ротмистр Франтишек, шляхтичи Иозеф, Яков, Тадеуш Заштолты, Михайла Отминович, Иозеф Реут и Мануш Стома, которые и теми грабежными пожитками возпользовались.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 178 – 178 об.

№ 90. 14 июня. Секретное предписание Н. Репнина И. Герману об охране границы Минской губернии

Прилагаю при сем записку дошедшим сюда известиям, из которых ваше превосходительство увидеть изволите покушение мятежников войти в границы наши. Хотя я и не весьма верю всему в той записке сказанному и особливо почитаю число 5000 человек совершенным вздором, но со всем тем, как и прежде при поручении вам, сохраняя тишину и спокойствия внутри границ Минской губернии, в ордере моем от 27 мая поручено обезпечить и динабургскую границу, то обратите туда ваше прилежное внимание и, коль есть там что, немедленно все разгоните отрядом ли туда сделанным или как на месте за лучшее найдете и со всеми мятежниками и точно участвующими в их злодействе, хотя бы они и курлянцы были, поступите как с неприятелями, истребля всякое оружие, военныя снаряды и лодки, взяв не у крестьян, но у господ тех все снабжение войскам даром, тоже и их самих забрав так, точно как неприятелей. Ксензы католицкие, которые возмущению помогают, должны також трактованы быть.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 156. Копия.

№ 91. 16 июня. Секретное наставление Н. Репнина И. Герману относительно безопастности границ империи под Динабургом

Сверх известий, до меня дошедших, означенных в записке при ордере моём вашему превосходительству от 14 июня в дубликате у сего прилагаемом, получил я ныне рапорт от господина генерал-майора и кавалера Лукашевича те известии подтверждающей. С онаго включая у сего копию для сведения вашего, предлагаю на основании предписания моего в ордере от 27 мая обезпечить и динабургскую границу вам теперь обратить внимание ваше на оную и, не упуская никогда оной из виду, ныне нужными силами движением вправо как можно скорей скопляющуяся в близости Динабурга сильную толпу разогнать и изтребить так, чтоб дюнабургская граница совершенно оставалась безопасна, тем более, что она служит основанием внутренняго спокойствия и сделает нашу коммуникацию, наблюдение которых паче всего вам вверено..

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 157. Копия.

№ 92. 19 июня. Письмо неизвестного генералу И. Беляку с предложением изменить делу восстания

Ясновельможный государь мой!

Прибыв сегодняшнего дня сюда с войском мне подчиненным, поспешаю засвидетельствовать мое должное почтение, также уведомить о многих подробностях, сколько вас, столько и меня касающихся. Удивителен и необычен поступок тех бунтующих поляков, которые за уверением генералов, теперь малою сего частью командующих, не знаю, к какому идут предмету. Я вижу ясно только, что, предпринять столь важное дело, они не предвидели пагубных его следствий, то есть крайняго разорения и погибели народной, и что никоим способом продолжать его невозможно, ибо к сему безрасудному делу все средства пресечены. Итак, за долг щитаю в настоящих обстоятельствах требовать ваших советов и тут же остерегать. Знаю, что, любя Отечество, способ мыслей ваших весьма далек от ваших нынешних земляков, что и в настоящих, столь критических для Польши обстоятельствах и каковы будут ваши мысли и предположения и что неприсоединение к сему самовольному и безначальному предприятию, и для того желал бы в точности уведать от вас самих, какое вы имели намерение в теперешнем положении дел и на что употребите войски ваши.

С моей же стороны я вас уверяю, что, как скоро открытым образом узнаю желание ваше к какому-нибудь предприятию, которое возможет иметь действие, я не упущу подавать нужныя пособия для окончания она-

го, так как вы за благо разсудите вместе с генералом князем Цициановым, в моей дивизии находящимся, к которому я теперь писал препоручая ему сие столь важное дело. А в доказательство, сколько я почитаю великодушное сердце ваше, то удостоверяю вас, что о имениях ваших употребляется строжайшее попечение, о чем заботится особливо господин генерал-поручик Дерфельден, с девизиею своею там проходящий около Бялой и Бреста, где только находятся ваши имущества наблюдает, чтоб ни малейшаго вреда и разорения причиняемо не было. Между многими любопытными известиями уведомляю вас наверно, что господин Ясинский со своими товарищами хочет Вильну оставить, а потому не знаю, куда далее подвинутся, ибо его войско, малыми частями командированое в разных местах, многократными стычками разбито и разсеяно, а из того заключить должно, что силы уменьшаются и дальнейших предприятий выдержать не в состоянии. Также верховный начальник вооруженнаго народа Касцюшка уже много потерял силы и все посторонние способы его пресечены остались. А из того несомнительно воспоследует, что он вовсе упадет и уничтожится, после чего один народ бедный оставшийся (в) малой частице понесет тягость оружия. Объяснив чистосердечно обо всем расположении мои; нетерпеливо буду ожидать решения. Пребываю с постоянным почтением, слугой и т. д.

РГВИА, ф. 41, д. 240, л. 160 – 160 об. Копия. Перевод с польского в оригинале.

№ 93. 19 июня. Рапорт генерала Б. Кноринга Н. Репнину о рейдах в Лидский повет и под Ольшаны

После отправленнаго от меня вашему сиятельству донесения от 10 текущего июня... я того ж дня выступил в Дивенишки для разбития корпуса польских мятежников, состоявшаго под предводительством тогда Хлевинскаго, в Лиде и Мыто находившагося, поелику сей и корпус команды генерала Беляка были позади меня, а с тем вместе очистить ту сторону и обезпечить границу, поспешая елико возможно было. Но, пришедши на другой день в местечко Девинишки, узнал я достоверно, что Хлевинский, будучи отозван Костюшкою, сдал свою команду полковнику Мейену, при котором и предводитель всех литовских вооруженцов или действующих против нас генерал Велегурской сам находился, которой узнав, что я на пути уже к Ошмянам, выступил и в тот день, в которой я пришел в Ошмяны, имел ночлег в Воронове, обратясь к Вильне, оставя после себя только повета Лидскаго генерал-майора Ципиона для набора с тамошнего повета рекрут и собрания шляхетства, как и вооружения их.

Вследствие таковых известий остановяся уже в Девенишках, послал я для разсеяния толпы показаннаго генерала майора Ципиона под командою подполковника Ессена отряд, из ста двадцати егерей, однаго ескадрона драгун, одной их пушки и несколько человек козаков состоявший, посадив егерей, дабы скорее успеть было можно в захвачении или разогнании помянутых вооружаемых и конфедератов, тамо держащихся, на лошадей. Но вблизу Лиды вышеописанный подполковник, как после доносил мне, получил известие, что вся сия шайка, уведомлясь о прибытии его, разбежалась и схваченные крестьяне возвращены в их жилища. Успело уйтить с означенным генерал-майором Ципионом только шляхетство и некоторое число мужиков, кои ударились поспешно к местечку Желудкам и перехватать уже было сих последних никак неможно, потому что они были на конях. В одно время с сим отрядом отправил я другой отряд в двух ротах мушкетер и пушку в местечко Ивью во встречу шедшему из Новаго места с провиантом транспорту для препровождения онаго. Но будучи тревожим недостатком в том, поелику в войсках последствия уже были для двух причин: первое для сего, а второе и для связи между войсками, впереди границы действующими. Чтоб в первом случае сближиться и прикрыть транспорт, а в последнем составить паки вернее связь, принужден был 15 числа из Дивинишек выступить чрез Сурвелишки в Ольшаны. Соединя же транспорт в объявленном местечке Сурвелишках, на другой день моего прихода вышел и прибыл 17-го в Ольшаны, взяв 16 числа отдых единственно, чтоб удовольствовать войски провиантом, а 18 числа прибыл опять в Ошмяны, узнав, что корпус Ясинскаго, состоящий от семи до семи тысяч, находится в Слободке, что подтвердили после схваченный при вступлении козаков с пикету того корпуса за местечком Ошмяни в двух верстах бывшаго, пленные.

Здесь видевшись с господином генералом майором и кавалером графом Зубовым, которой был отсель в полуторах милях в селе Новоселках, и положившись о наступательных действиях на сей корпус, я иду сего числа до местечка Равнаго Поля, понеже граф Зубов не успеет нынешняго дня прибыть к Слободе. В последствии обращения моего на Лиду получил я по нескольких днях сведение, что мятежники под предводительством Велегурскаго коль скоро уведали, что я в той стороне, немедленно окопались шанцами под местечком Яцунем за рекою Меречем. Но уповательно, что они также сведущи уже и о предвзятии моем на Ошмяны, почему и должно более судить, что они там не останутся, но бросятся к соединению с корпусом Ясинскаго, понеже они скорее и способнее от земли получают сведения о наших движениях, нежели мы, ибо мы не инако можем как чрез сильныя отряды, а не чрез жителей, кои такой подвержены

опастности, что коль скоро жид или поселянин без билета управляющих теми местами, отколь они есть, покажется, тотчас по одному подозрению, что от нас послан, повесят, хотя б он и за своим шел делом. А притом и председательствующие в Вильне возмутители, как уведомляюсь я от выходцов оттуда и разными другими случаями, безпрестанно пишут к командующим, чтоб они не сближались к Вильне, а дали бы отпор в поле или где пооддаль от оной. Но я первее всего пойду на Ясинскаго, что ежели они будут вместе, то разобью их обоих. Буди же порознь, то разбив того, обращусь на Велегурскаго, где он тогда находится будет.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 184 – 185.

№ 94. 19 июня. Рапорт Б. Кноринга Н. Репнину относительно дислокации подчиненных войск

Я ордера вашего сиятельства, что от 24 и 31 мая, от 1, 4 и 6-го сего июня, получил, сюда пришедши. Вследствие № 203-го из них я донесть честь имею, что доносил вашему сиятельству о покое в границах губернии Минской... Касательно приключения в Долгиново, то коль скоро правящий должность генерал-губернатора господин генерал-поручтик и кавалер Тутолмин дал мне знать о том, я тот же час встретил господина генерал-майора и кавалера Германа моим повелением об отряде в сие местечко баталиона его полков Московского гранадерскаго и Псковскаго драгунскаго, а чтоб не умедлить занятием онаго, пока б баталион и драгуны прибыли, я отправил туда два ескадрона с пушкою Санктпетербургскаго драгунскаго полку так поспешно, как оные могли иттить только. А сверх сего и назначил во все места по требованию его и Тутолмина из отряда помянутаго господина майора и кавалера баталионы и ескадроны драгун, как о сем и вашему сиятельству доносил.

Случившееся же в Долгинове с командою Изюмскаго легкоконнаго полку приключение иначе не могло последовать как чрез то, что они, может быть, были отправлены от минскаго губернатора без наставления и не имели должной осторожности, потому сонные и пожертвовали. Я не упустил и того, чтоб не учредить и постов кордонных, когда он от меня требовал, но сняты были в разсуждении набегов на оных мятежников, коих они были жертвою с его же соглашения на то. Что принадлежит до пушек, что якобы не оставил я для Слуцка, таковое донесение его превосходительства совсем не так, тем более что я при выезде моем назначил пять орудий полевой артилерии и еще из Корелич майору Бастиону подтвердил отрядить оные непременно. Но почему они удержаны, я требую от поручтика артилерии Тварагова, который в Несвиже оставлен, ответа, ибо замок тамошний и без того

имеет десять орудий полевых же кроме множества польских, в случае также к употреблению годных. А за всем тем в Слуцке было и так четыре пушки: две полковыя Ростовского и две польския из несвижской цитадели. Следовательно, в цитадели слуцкой должно быть десять, а не шесть пушек. В Несвиже остались не баталион, но гораздо более и именно четыре роты егерей и баталион Нарвскаго пехотнаго полку с прикомандироваными к нему Киевскаго и Сибирскаго гранадерскаго полков командами такой, что я во всех бригадах сильнее сего баталиона не имею, но имею по двесте и по триста человек другие, исключая еще команды Ростовского пехотнаго полку, которая при тяжестях там оставлена.

... В последнем ко мне отношении выше объявленный правящий должность генерала губернатора господин генерал-порутчик и кавалер Тутолмин требует, чтоб я поставил в Несвиже баталион, в слуцкую цитадель две роты, в Мозырь один баталион, две пушки полковые и ескадрон конницы, в Бобруйск роту и ескадрон, в Минск две роты с двумя пушками, в Долгинов роту с пушкою и ескадрон, Глыбокое роту с пушкою и ескадрон, в Друю роту с пушкою и ескадрон, в Пинск две роты с двумя пушками и два ескадрона — всего осьмнадцать рот пехоты, 7 ескадронов конницы и девять пушек. Но из выписки моей ваше сиятельство усмотреть соизволите, упустил ли я исполнить то, что было должно.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 186 – 187.

№ 95. 22 июня. Донесение Б. Кноринга Н. Репнину о своих планах под Медниками

Донесши вашему сиятельству от 19 июня о выступлении моем из Ошмян, я сделал тот же вечер переход до Крупишек и наутрея, выступя, следовал до здешняго местечка называемого Медники, а господин генерал-майор и кавалер граф Зубов с деташментом своим до Лоши. Отсюду открыл я, что мятежники находятся окопавшись в местечке Шумской Слободке. Будучи оным в тыл разстоянием в одной только миле, а граф Зубов во фронт их, сим отрядом я намерен был атаковать и разбить их там совершенно. Но помянутыя мятежники, коль скоро узнали от своих разьездов, с нашими встретившихся, о приближении нашем с двух сторон, тотчас ударились в бег и ретировались к Вильне в великом безпорядке. Вчерашнее число взял я здесь ростох, дабы не только ободрить войски от форсированных маршов, но между тем получил сведение, что Вильна укреплена совершенно и что по ея укреплению я неипаче ретрашамент ея брать должен, как штурмом. И другое привез известие ко мне господин генерал-майор и кавалер граф Зубов, что разныя собравшияся

мятежников партии намерены сделать нападение на вагенбург его. Для чего и предписал я ему взять позицию в Новоселках или опять в местечке Солах и с одной стороны обезпечивать границу, а с другой прикрыть тот валенбург. А как я уведомлен, что предводитель всех литовских мятежников граф Велегурской, который был сам под Шумском, отозвал на защищение Вильны, что и уповательно, командующих также полковника Мейна из-за Мереча и генерала Беляка, который имел свою позицию до того в Мостах, для того иду я сейчас на Тавришки, Павлово и Солешники и ежели не успею встретить перваго, то могу воспрепятствовать другому в соединении с Вильною.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 214 – 214 об.

№ 96. 23 июня. Ответ Н. Репнина Б. Кнорингу по случаю плана осады Вильна

Не имея от вашего превосходительства донесения, в том же рапорте вы предполагали, разогнав мятежников, бывших тогда в Лиде, обратиться потом на Вильну, чтобы поразить сие главное гнездо мятежничье. И сие предприятие по вашему рапорту только на некоторое время отложили по причине недостатка в провианте в корпусе генерал-майора графа Зубова. А как я получил известие от 17-го сего месяца, что тот корпус 14-го числа разбил неприятеля при местечке Солах и уже снабжен был некоторым провиантом, то уповаю, что вы, конечно, свое предположение на Вильну исполните и, может быть, прежде получения сего уже исполнили с наблюдением тут той осмотрительности и того искуства, которое вы всей своей службой оказывали. Я же долгом поставляю на основании самых высочайших предписаний вам подтвердить, чтобы вы всячески и всевозможно умножили живо и сильно свои наступательныя действии против мятежников и их, где только возможно, поражали, дабы они не могли укрепляться в своих силах, ибо чем далее таковыя удары отлагаются, тем неприятель становится сильнее и тем больше трудности накопляется в решительной развязке всех дел. Главный пункт Вильна, ваше превосходительство, то сами знаете. На ревность вашу к службе полагаясь, твердо надеюсь, что вы ничего не упустите, что только к главному разрешению дел послужить может. Итак, с упованием на ваше усердие, ожидаю скорых и приятных от вас известий.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 285 – 285 об. Копия.

№ 97. 25 июня. Предписание Н. Репнина Б. Кнорингу о возобновлении осады Вильно

Получил я на дороге ехавши из Риги в Друю рапорт вашего превосходительства от 22 числа сего месяца, в ответ на который не могу скрыть от вас, что совсем я других и совершенно приятнейших известий ожидал.

Давно уже я вам во всех предписаниях указывал на Вильну, как и вы давно же ее в цели имели и надеялись во всех ваших рапортах оною овладеть. А теперь по известию, что есть там ретрашамент, который штурмом брать надобно, от вашего намерения вдруг отступили, быв так близко уже Вильны, и опять пошли гоняться за таким неприятелем, котораго, конечно, вы не догоните, а между тем, тратя время напрасно, Вильна час от часу силами укрепляется, отчего и затруднении ею овладеть умножаются.

Ежели пред вами и пред всеми нашими войсками везде бегают мятежники и даже закопавшись в местечке Шумской Слободке, услышавши приближение, тотчас побежали, оставя свои укреплении, то почему же вы полагаете, что они лучше будут защищать свой при Вильне ретрашамент. Вы же сами пред сим писали, что они в Вильне в великом страхе, что знатныя люди оттуда некоторые разбежались в пруской кордон и в Курляндию, что виленския жители требуют, чтобы вожаки их удалилися далее от города в поле, а теперь все сии известия оставя в забвении почитаете, что кроме как штурмом ретрашамент неприятельскаго взять нельзя. Я же думаю, что кто сильно закапывается, тот уже страх свой оказывает, и также сопротивления или после малого сопротивления из своих окопов уйдет, как пред сим делал. Но не должно время терять, дабы не умножилися затруднения.

Вследствие чего предлагаю вам на точном основании высочайших повелений, коими предписано всячески умножать наступательныя действия, собрав все ваши силы, которых только можете, не отваживая всей границы, обратиться опять на Вильну вместе с корпусом графа Зубове и всячески стараться истребить там оставшегося неприятеля, а потом и Вильна будет ваша. Без драки ничего сделать нельзя и мы с поверхностию наших войск не имеем притчины оной убегать. Меж тем приказал я генерал-майору Герману за оставлением нужных отрядов в здешней друйской части следовать с своим корпусом к Михалишкам, дабы тут переправясь, он мог к вам же к Вильне поспеть или для осторожности тыл вам закрывать, поколь на сие главное гнездо и на войски, под ним стоящия, не ударите. Потом мелочные партии мятежников всегда будут захватывать ваш зад, вас попусту заботить, как и теперь вагенбург графа Зубова тревожить, от-

чего вы напрасно истратите свой провиант и ничего полезнаго не сделаете. Н вам с сожалением признаюсь, что упущена уже благополучная минута, понеже все мятежники бежали к Вильне, то должно было их туда преследовать и, не давши им от страха одуматься, там атаковать. Но можно еще то поправить, ежели немедленно на них пойдете.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 215 – 216 об. Копия.

№ 98. 25 июня. Рапорт Б. Кноринга Н. Репнину о рейде под Дворище и Лиду

Из Медник выступил я 22 числа в Табришки, где получил рапорт от господина генерал-майора и кавалера князя Цицианова, что Хлевинской идет к Слониму, а генерал Беляк с конницею к Белице. По сей причине и принужден я был поспешить в здешнюю сторону, чтоб подать оному помощь в случае действительно на него покушения и для того отправя вчерашний день из Дивенишек отряд под командою Ростовскаго пехотнаго полку премьер-майора Тауберта, из трех рот пехоты с одною пушкою и нескольким числом козаков состоящий, к Богданову для открытия в той стороне мятежников, приказав в случае иттить и в местечко Подберезы, будучи с сим отрядом в связи. Вчерась прибыл я в Дворище, где имею теперь мой лагирь, и отправил к господину генерал-майору и кавалеру князю Цицианову нарочнаго с требованием от него извещения в каком он находится положении и где ныне находится Беляк и Хлевинской, и коль скоро получу, ежели потребно будет, продвинусь пресечь им покушении на его позицию и вместе с тем и прогнать их, как тогда способнее и полезнее будет, Полковник Мейн в день выступления моего из Медник вышел из Воронова и потянулся к Вильне, расположась здесь лагирем. Выслан был пикет по лидской дороге, коим встречен сильной пост мятежников, в Лиде собиравшихся, под командою генерала Цицианова, но был разбит. А вслед тому сделан был отряд из драгун, козаков и егерей в Лиду ту же минуту под начальством господина полковника Чесменскаго, где те мятежники и бывшие там конфедераты им разбиты, прогнаны и разсеяны, коих, как напоследок обьявили пленныя, до двух тысяч пятьсот человек, том числе до трехсот конницы, и Лида очищена с положением на месте убитыми из них трехсот двадцати пяти, да в плен схвачено сто сем, а прочие разбежались. Разбитие их тем важнее, что оныя набраны и обучены были к стрельбе на подкрепление прочих вооружившихся противу нас сил и сии набранныя были частию из настоящих солдат, частию из рекрут и татар, а большею частию и из окольнаго шляхетства, собраннаго по посполитому рушению, которые были против воли их из деревень вырваны страхом, како-

вый наводят им угрожая виселицами. Я надеюсь, что оставшиеся живы случаю тому недовольны, понеже имеют случай возвратиться на свои жилища и можно донесть вашему сиятельству, что ни десятая часть не ушла с помянутых выше генералом Цициановым, которой наконец ударился в бегство и был преследован за местечко Мыто, а чтоб паки собрать их можно было, я до сего не допущу.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 222 – 222 об.

№ 99. 28 июня. Жалоба гродненского мещанина А. Сыросека на самоуправство городских органов восстания

Процесс именем Андрея Сыросека, обывателя Гродненского повета, против Тадеуша Клавы и на всю креатуру судьи Бернацкого, подписавших в актах места Гродно угодную ему фальшивую жалобу, и еще более против самого Казимира Бернацкого, вопреки нынешнего восстания титулованному судьей. А именно в том, что поскольку призыв польского народа под найсветлейшим начальством Тадеуша Костюшки из Кракова 24 марта 1794 года не постановил высшей юрисдикции над порядковыми комиссиями воеводств, поветов, земель и городов, и потому каждый польский обыватель обязан как можно пристойней повиноваться указанным комиссиям по их устройству, а все, что может быть уклонением тех комиссий от нынешнего восстания польского народа то обязан почитать ложным делом частных особ, а не высшего начальника, в силу чего обыватель Сыросек, будучи депутатом муниципалитета для составления рекрутской очереди на собрании в городской ратуше, видя Казимира Бернацкого, гродненского обывателя, поставленным и избранным в судьи не Т. Костюшкой, а магистратскими угодниками и, как свидетельствует о такой его энергии протокол городской сессии, тот Бернацкий, вопреки законных прав расширив свою власть на недозволенные дела над людьми, не одного обывателя стал обижать, а когда обыватель Сыросек в интересах некоторых дел муниципальных особ начал указывать тому судье не выходить за рамки дозволенного, то указанный судья Бернацкий, тут же обернувшись в тирана, такого обывателя прямо в муниципальной депутации ударил палкой, стал бить кулаками в шею и по щекам и, как говорит ревизия возного, толкал и окровавленного таскал по земле, а потом не насытившись, по своей прихоти невинного жалобщика 26 июня 1794 года бесправно бросил в тюрьму, где морил голодом, держал полтора срока без права опротестования и вдобавок обвинил фальшивым доносом в депутацию безопасности…

НИАБ, ф. 1755, д. 97, л. 336 об – 337 об. Перевод с польского ред.

№ 100. 30 июня. Судебный иск по жалобе на тиранство генерал-майора Гродненского повета К. Ельского

Процесс именем пана Франтишка Кругельского на вельможного пана Константина Ельского, генерал-майора Гродненского повета, в том, что обжалованный без всякого такта и уважения к шляхетскому состоянию, в котором сам состоит, пана Кругельского, прибывшего в Гродно для увольнения своих пасынков и помещения в заместители шляхтича Бернара Сапоцку, находящегося по облигу в обозе под Гродно, ни в чём ему не повинного и наподвластного, велел избить своему ротмистру, по инстинкту вспыльчивому пану Антонию Немчиновичу, и еще приказал тому тирански нанести знаки боевого кровопролития.

НИАБ, ф. 1755, д. 97, л. 337 об. Перевод с польского ред.

№ 101. 2 июля. Срочное уведомление Н. Репнина Н. Салтыкову об опасностях Пинску со стороны восставших

... Тимофей Иванович пишет ко мне от 26 июня и сообщает свою опастность, чтобы не впал неприятель в Пинск, против котораго места по розказам жидовским и по рапорту одного майора Могутова, там командующаго, основанному на тех сказках, собралось двадцать тысяч человек мятежников, а с другой стороны опасается, чтобы генералы Беляк и Хлевинский другою колоною не напали чрез Ляховцы на Слуцк. Как все сие мне кажется ни мало невероподобным, то я в своем ответе старался его успокоить на щет их предприятий...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 217 – 217 об.

№ 102. 5 июля. Акт оправдания судьи И. Хрептовича в растрате пожертвований Гродненского повета

Нижеподписавшийся свидетельствует по поводу 18000 злотых, записанных в качестве пожертвования обывателем Игнатием Хрептовичем в протоколе земянского суда порядковой комиссии Гродненского повета следующее.

Хотя протестующий не получал из скарба Речи Посполитой указанную сумму по определению канцелярии, однако выяснению пожертвования обывателя Хрептовича дает такое толкование. С начала и до конца гродненского съезда выразитель сего ценой не только забвения личных интересов оставил свой дом на длительную работу, не только довольно внушительное дело того съезда и дорогую канцелярию содержал на свои

средства, истратив их на потребление, а по прекращении сьезда на разбор небольшого дела под названием форма власти, так же протоколов депутации по исследованию решений в виде нескольких томов под названием классические права, наконец, на запись в акты про ходивших голосований, но, сверх того, распустил часть своих денег на оплату изданий, а остатки просто упорным должникам.

Наоборот, обжалованный Хрептович даже со времени возвращения на писарство по решению тарговицкого списка нималейшего не прибавил расхода и, спокойно сидя дома, тогда только прибыл в Гродно, когда наступил срок вернуть акты актовому писарю Энзельму Эйсмонту, избранному на сеймике 1792 года, лишь для ревизии по реестрам канцелярии, сколько обжалованному принадлежит доходами для получения остатка, следуемой на его счет доли. Сьезд выдал только все экстракты доносчику, подписанные его именем, тем более, что сам обжалованный Хрептович после разжалования тарговицким постановлением судовых писарей в регенты собственными решением отдал доносителю акты и удержал лишь писарские доходы.

НИАБ, ф. 1755, д. 97, л. 340 – 340 об. Перевод с польского ред.

№ 103. 10 июля. Ордер Т. Костюшко генерал-майору ВКЛ А. Казановскому относительно сбора рекрут в Гродненском повете

Право требует не только с 50-го двора, но, если можно, и с 10-го брать людей на оборону Отчизны. Посему, генерал, по силе моего письма разрешается тебе выбирать 50-дымовых в Гродненском повете и окрест его. Надеюсь на обывателей, которые добровольно и без промедления исполнят универсалы, почитая своей первой повинностью защиту края и самих себя. Итак, начинай собирать твой полк и, действуя с ним как можно активней в соединении с другими ближайшими командами, нападай на врага в крае или вторгаясь за границу. Будь смелым и станешь счастливым. 10 июля 1794 года в обозе под Круликовым.

Вчера и сейчас москали атаковали генерала Зайончека, который их тотчас сокрушил и несколько сот положил на плацу. Все надеются вскорости покончить с ними.

НИАБ, ф. 1755, д. 79, л. 754. Копия. Перевод с польского ред.

№ 104. 13 июля. Письмо Н. Репнина Н. Салтыкову с размышлениями по случаю осады Вильно

Несказанно благодарен я вашему сиятельству за ваше письмо от 30-го

июня, при котором препроводить изволили именныя высочайшия указы о занятии Жмуидов и Понемани. Но преже решения с Косцюшкою и Варшавою и прежде покорения Видьны того сделать никак нельзя. По первому предмету не можно раздробление(делать)на отряды, не зная не пойдет ли Косцюшко в Литву, а по поводу Вильни — нельзя ее у себя в спине оставлять с войсками в ней находящимися, которые в поле везде бегают, а в Вильне дрались они и все обыватели отчаянно даже, (что) изволите увидеть из письма Кноринга, мною представленнаго государыне, почему он должен был от города отступить, потеряв людей не знаю еще сколько.

Полковник же Деев подлинно был грабитель и тиран, а что много он людей потерял, того я опасаюсь по первому его, Кноринга, письму, здесь включенному. Сие произшествие натурально делает мне важную разстройку, особливо зарядов запасных еще и в Полоцк из Риги не привезли. Уже и два курьера за ними послал, но их на почте везти нельзя. Для облегчения отступления Кноринга подвинутся к нему велел Герману и Цицианову, а более у меня ничего и нет. При всем том надо будет опять сию гисторию повторить. Завтре, думаю, Дерфельден к Слониму прийдет. Сам дорогою жнет и молотит, не имея инаго пропитания. Все же жители в лесах, а селении пусты. Страшное положение, угрожающее голодом совершенным и всеми обыкновенными оной следствиями. Дерфельден привел ко мне по-дружески тысяч 12 с небольшим: протчие в командировках и отрядах, да и совсем на провиант даже только 19 тысяч. Народ здешний весь, так сказать, взбеленился, видно и в Варшаве тоже и, знать, король пруской не может разделаться ни с Косцюшкою, ни с тем городом, имея еще наших 18 тысяч под ружьем и Ферзеном. Они упустили время после перваго разбития Косцюшки. Дело весьма трудно становится, а здесь в Литве еще более народ заряжается бешенством, нежели в Польше. Не вожди тут опасны— они, напротив, ни мало не страшны. Доказательством тому служит ретрашемент виленской, скоро им покинутый, но весь народ с ума сошел.

Ныне я получил ваше письмо от 8-го сего месяца. За деньги руские на заплату пруского хлеба благодарю. Прикажу туда их перевозить ригскому губернатору. Желал бы я, чтобы Кноринг в самый последний раз не щадя поспешил, а должно было ему Велегурскаго прежде разбить. И сподручно то было, но что ж делать, надлежит оное теперь исправлять. За два баталиона егерей, отправленных к Голицыну, прекрасно благодарю. Они ему весьма нужны. Жмуиды еще бешенее всей Литвы, потому что там множество мелкой шляхты и мужики вольные и Курляндию взбудоражили. Дай боже, чтобы наконец Ферзен ко мне пришел, а без него здесь управится не будет возможности. А притом дай бог, чтобы и Косцюшко не пришел. По приходе же Ферзена уповаю, что бог во всем помогает. Хлеб здесь хотя и

закуплен, но… дорого и далеко, а привезеннаго еще мало. К тому же то несчастие, что по большой части зерном, а мельницы от суши почти нигде не молют.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 235 – 238.

№ 105. 7 июля. Отчет В. Зубова О. Дерфельдену о своем столкновении с восставшими у корчмы Выгода в Слонимском повете

Следуя вчерашнего числа к местечку Сельцу с авангардом, уведомился я чрез посыланную партию по дороге, ведущей к местечку Ружане, что в двух милях от сельца в корчме, называемой Выгода, находится неприятель в немалом количестве. И потому, взяв с собой казачей Астахова полк, велел итти за собой третьему баталиону Лифляндскаго егерскаго корпуса и Софийскому карабинерному полку. Приближась к неприятелю, укрепившемуся при помянутой корчме и окруженному со всех сторон каналами, водою наполненными, лесом и болотами, и видя его жестокое сопротивление, а притом имея оной при себе пушку, старался удержать свой пост, производя сильную картечную и ружейную пальбу, приказал я Софийскому карабинерному полку немедленно подкрепить козаков. И когда сей полк стал приближатца, козаки снова ударили неприятеля и тот же час, отбив пушку, перекололи всех у ней бывших, а достальных обратили в совершенное бегство по лесам и болотам. По сем, отрядя оба полки преследовать бегущих, велел я оным отбить бывшей у неприятеля обоз, что ими исполнено с совершенным успехом. Неприятель был до тех пор гнат и бит, покуда темнота ночи воспретила далее онаго преследовать. Оставя на месте сражения казачей полк и помянутой егерской баталион под начальством господина подполковника и кавалера Маслова, сам возвратился с Софийским карабинерным полком в лагирь при местечке Сельце. Сверх того, посыланная партия в дватцати егерях и дватцати козаках при одном офицере, возвратясь, привели с собой взятых ею в плен одного капитана, одного хорунжего, попа, несколько человек рядовых и четырнатцать подвод.

По уверению пленных неприятель имел в сем деле под начальством полковника Липарского регулярной кавалерии и пехоты до четырехсот и более двух тысяч косинеров и пикинеров, ис коих побито по лесам и болотах до трехсот. В плен взято нами один капитан и два хорунжих и двести пять человек разного звания, барабанов два, кос и пик триста шестьдесят, топоров дватцать один и шестьдесят три подводы с разным провиантом.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 245.

№ 106. 8 июля. Донесение генерала О. Дерфельдена Н. Репнину о бое под корчмой Выгода

... 6-го числа генерал-майор граф Валериан Зубов, на пути известясь,. что при корчме Выгоде держится неприятель в четырехстах регулярной конницы и более двух тысяч с пиками и косами под начальством полковника Липарского, взял с собой казачей Астахова полк, 3-й баталион Лифляндскаго егерскаго корпуса и Софийской карабинерной полк, к корчме Выгоде подошел и нашел неприятеля, которой хотел защищатся там в месте, окруженном каналами, но был разбит одними козаками с подкреплением Софийскаго карабинернаго полку. При чем у неприятеля отбита Донского Астахова полку сотником Суховым одна пушка, по лесам и болотам побито бросившихся туда до трехсот, в плен взято капитан один, хорунжих два, и двести мушкетеров мужиков, которыя последния распущены по своим жилищам.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 303 – 303 об.

№ 107. 9 июля. Рапорт графа Д. Толстого Н. Салтыкову о сражении под Лынтупами

Милостивый государь, граф Николай Иванович!

Пользуюсь прежде чрез нарочного, случаем приехавшего, уведомлением вам о разбитии с четырма ескадронами мне ввереннаго полку противу нас бывшего неприятеля, в местечке Свинцяны передовой был отряд из двухсот человек и в местечке Линтупы корпус в двух тысячах. Следуя с лагеря чрез всю ночь на разсвете открыв первое в пятом часу пополудни в последнем местечке кончить могли...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 249.

№ 108. 9 июля. Донесение князя Д. Волконского и. Герману о сражении под Свентянами и Пошемянами

Узнавши о скопище, что генерал Зинкевич собрал большую партию конфедератов, состоявшую в двух тысячах и многом числе шляхетства в местечке Свинчанах, разстоянием от Вильны в одиннатцати, а от моего местопребывания в пяти милях, я отправился туда с отрядом состоящим из четырех ескадронов драгун и гусар под начальством полковника и кавалера графа Толстого и четырехсот гранадер под командою подполковника и кавалера Муханова. Оставя корпус при местечке Камай, зделал форсированной марш, дабы напасть на неприятеля, когда он никак не ожидал нас, и сего

июля 8-го числа, приближаясь к местечку Свинчанам, приказал я, чтобы все стоящия бикеты по дороге были сорваны, что кавалерия исполнила. С большим успехом подойдя ж к местечку Свинчанам, узнал я, что господин Зинкевич отступил от онаго на две мили назад к местечку Пошемянам, оставя отряд в двухстах отборной кавалерии, которую приказал я полковнику и кавалеру графу Толстому атаковать, что он исполнил с отменною храбростию. Атаковал с одним гусарским ескадроном и весь оной отряд тотчас поразил. А потом спешил я не медля напасть на самого господина Зинкевича, пошел к местечку Пошемянам. Подойдя же к оному, был встречен их кавалерией, которую приказал я полковнику и кавалеру графу Толстому атаковать, что он, выполняя с отменным усердием и храбростию, опрокинул неприятеля, поражая онаго повсюду, побив на месте множество, но некоторыя только спаслись бегством в лес и разбил онаго совершенно. Причем из начальников Городецкой тяжело ранен, отбито у неприятеля три медныя пушки трехфунтоваго калибра, множество разного оружия и часть обоза, взято в полон восемдесятдевять человек. С нашей стороны потеря состоит: убито капрал один, гусар пять, драгун два, ранено драгун сем. Лошадей убито двенатцать, раненых тяжело дватцать восем, которыя по невозможности вести к забранию с собою на месте оставлены.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 251 – 251 об.

№ 109. 17 июля. Письмо Н. Репнина Екатерине II с подведением итогов сражения под Пошемянами

Всемилостивейшая государыня.

Московскаго гранодерскаго полку господин полковник князь Волконский, бывший с отрядом при местечке Камай недалеко от города Поставы, 8-го числа сего месяца ходил на скопище мятежников к местечку Свинчаны и оттоль к Пошемянам, имевши при себе четыре ескадрона драгун и гусар Псковскаго полку под предводительством полковника графа Толстого и четыреста гранадерскаго Московскаго. То скопище состоящее из двух тысяч человек атаковал и разбил, взяв три пушки и в плен восемдесят девять человек и побив из онаго немалое число. Все дело произведено одною конницею. Господин полковник князь Волконский свидетельствует, что успех сего дела принадлежит господину полковнику графу Толстому. С нашей стороны убито нижних членов восемь человек, ранено Псковскаго полку премьер-майор Готовцев, адьютант того полку и семь человек нижних чинов.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 304.

№ 110. 13 июля. Письмо Н. Репнина Екатерине II с изложением мнения о занятии западной границы империи

Удостоясь получить высочайшия вашего императорского величества указы от 29 и 30 минувшаго июня о достижении войсками, мне порученными, берега реки Немана, о занятии Жмуидов и також дистанции между Бржесца-Литовскаго и Гродна, стану я, всемилостивейшая государыня, всемерно держаться сего предначертания, сколь скоро возможно будет. И как скоро от войск его сиятельства фельтмаршалом графом Петром Александровичем Румянцевым-Задунайским занят будет Бржесц-Литовский , так немедленно постараюсь дистанцию между онаго и Гроднею занять отрядами войск моего начальства, уповая, что меж тем дела у Варшавы с Костюшкою кончатся и что, наконец, придет ко мне генерал-порутчик Ферзен с его войсками. А теперь еще к сему приступить не могу, понеже не имею известия, чтобы те дела с Костюшкою и Варшавою решены были, который может оттоль обратится в Литву, почему нельзя мне еще на разные отряды раздроблятся. Сия же дистанция есть самая ближайшая к той стороне и дороге сего бунтовщика на Гродню. Что касается достижения берега Немана, то сие нетрудно кроме пропитания, в котором во всей Литве прекрайней недостаток. А подвозы також затруднительны, понеже вся земля походит на пустыню, быв все жители от страха и мятежа в лесах, а селении большею частив пусты. При всем том, всемилостивейшая государыня, стану я стараться всевозможно исполнить высочайшую вашу волю, но раздробляться в разныя отряды еще и по Неману не можно по вышесказанной причине, поколь не решаться дела с Косцюшкою и Варшавой...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833. л. 300 – 300 об.

№ 111. 13 июля. Уведомление Н. Репнина Екатерин II о марше О. Дерфельдена на Слоним

Всемилостивейшая государыня.

Генерал-порутчик Дерфельден уповаю завтра придет к Слониму. Доносит же, что на пути, дабы достать себе пропитания, принуждены сами салдаты хлеб жать и молотить, потому что селении все головой пусты и обыватели все разбежались по лесам, держась там или вооруженными или от страха. Таковое положение наносит опастность, чтобы не последовал в Литве совершенной голод. На пути генерал-порутчика Дерфельдена генерал-майор граф Зубов с частию авангарднаго корпуса имел неболь-

шое дело с одной шайкой мятежников, о коем учиненную выписку при сем всепокорнейше подношу.

Вашего императорского величества верноподданый князь Н. Репнин.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 302.

№ 112. 13 июля. Отчет генерала Б. Кноринга Н. Репнину о штурме Вильно

Усердие мое выполнить волю вашего сиятельства — разбить при Вильне обретающегося неприятеля и городом овладеть — было главным моим предметом. Для чего 7 числа текущаго месяца по соединении моем командованию вверенных двух корпусов у местечка Рыкуня зделал я распоряжение, поручивши господину генерал-майору и кавалеру графу Зубову авангард, состоящей из трех егерских баталионов, баталиона Нарвскаго пехотнаго полку, батареи полевой артилерии капитана и кавалера Богданова, да при храбром господине бригадире и кавалере бароне Беннигсене Изюмскаго легкоконнаго полку и казатчих двух. Прочие ж войски, устроенные двумя линиями, отданы были в команду при селении Немеже господина генерал-майора и кавалера Ланского. И таким то порядком выступил из-под Крикуня 8 числа утром по тракту к Вильне, не доходя коей верст пять у селения Немежа найдены авангардом сильные передовые неприятельские пикеты, кои, лишь только с поражением прогнаны козаками и легкою кавалериею, то в тож самое время открыты их батареи и ретранжаменты при корчме Малевайке зделанные, от авангарда были открыты егерскими баталионами, а имянно подкреплены казачьи полки, открытие по флангам производящие, артилерия поставлена противу неприятельских укреплений на дороге с прикрытием шести рот пехоты и полка Изюмскаго легкоконнаго.

По малом времени обозрения укреплений неприятельских и позиции, найдено, в коль оное гораздо лесами и рвами наполненное, почему я, сближивши некоторую из линий часть войск, поручил господину генерал-майору и кавалеру графу Зубову с правого фланга укрепления неприятельские и часть открытую города атаковать. Он сие с таким успехом исполнил, коковаго только от искуснаго полководца ожидать было можно, ибо посланные от него с достаточными наставлениями господин полковник и кавалер Деев с полковником танбовским господин подполковник и кавалер Шилинг с одним, господин подполковник Ессен с тремя естляндскими егерскими баталионами, приспевши к форштату города, а тем самым обратил к себе в ниже немалую числа сил неприятельских, чем вос-

пособили и тем содействием, для которых высланы были господин полковник Миллер с баталионом Нарвским и господин полковник Короваев с баталионом Санктпетербургскаго гранадерокаго учинить нападение с тылу на батареи и ретражаменты с правой стороны.

Господин подполковник и кавалер барон Сакен с 4-м естляндским егерским баталионом откомандирован тож самое зделать противу батарей и ретранжамента в левой стороне находящегося.

Сии три храбрые предводители им порученных баталионов почти в одно мгновение начали разноместно нападение на неприятеля в его укреплениях. И в тож самое время описанных баталионов от командировки две батареи артилерии и господ капитанов и кавалеров Богданова и Фока в подкреплении Псковскаго баталиона и кавалерии открыли жестокую канонаду по неприятельским ретрашаментам и кавалерии и принудили их удалить свой огонь. Сия атака трех баталионов и от артилерии открыли совершенной путь к победе и к опровержению неприятеля. Санкт-петербургскаго гранадерскаго полку шесть ескадронов и три Изюмскаго легкоконнаго полку под командою первых господина полковника Чесменскаго назначены были, коль скоро произведен будет от пехоты огонь, врубиться в ретрашамент. И тут то уже впереди кавалерии приспевшие господа генерал-майоры и кавалеры граф Зубов и Ланской и господин бригадир и кавалер барон Беннингсен благоразумными своими войск распоряжениями совершенно одержали над неприятелем победу и первой из них в самое то время, когда неприятель уже был выбит из ретрашамента по сторонам и пустился упорствовать, то он приказал с батареею артилерии капитану Богданову, невзирая на картечные выстрелы, неприятелем производимые, потом выстроил батарею, ударил из оных на неприятеля, сбил с места, разстроил и прогнал обще с господин генерал-майором и кавалером Ланским и храбрым бригадиром бароном Беннингсеном, которые очистили не точию два передния укрепления, но и защищавшей их третию, позади укрепление ж, так что неприятельская пехота и кавалерия сколько не упорствовала, однако ж принуждена была с великим уроном сокрытца в лес и бежать к городу, преследуема и разима будучи разноместно драгунами, легкоконцами и обеими казачьими полками.

Наконец, по учреждении на месте сражения мгновенно порядка раненым и в плен захваченным, приказано от меня господину бригадиру и кавалеру Шерсневу занять место, неприятелем укрепленное, ростовскими ротами, баталионом санктпетербургских гранадер, да таковым же псковским с орудиями полковой и полевой артилерии как ради прикрытия приближавшагося корпусов обоза, так и для надзора тракта лидскаго, по которому ожидаем был польской генерал Велегурской с войсками.

Пошел ей вслед кавалерии и занял все возвышении пред городом случившимся, устроил по оным батареи из полевой артилерии с прикрытием пехоты и в тож самое время господин полковник и кавалер Деев, не могши ворватца внутрь города, поелику в каменном строении зашедший в многочисленности неприятель огнестрельным оружием и пушками чрезвычайно вредил наступающим. Почему и приказал я ему соединитца с прочим войском и занять впереди города возвышении. Которой в порядке оттоль отправившись, сжег множество в форштате деревяннаго строения, явился ко мне на батарею с полком и егерскими баталионами, из коих первый присовокуплен был в число прикрываючих батарей, а последние поставлены с флангов в лесах.

При самом начале открытия из батарей кононады по городу, коему не имел намерения причинить большаго вреда, послал я Эстляндскаго егерскаго 2 баталиона секунд-майора Претенцова с трубочем объявить тамошнему начальнику и обывателям, дабы оные предупредили раззорения города заслуживаемое, оставили сопротивление и отдались в покровительство оружию ее императорскаго величества. Однако ж реченный майор Претенцов, проезжая форштат и сближась к городсим воротам с трубачем, встречен был сильным из ружей выстрелами, не мог стреляющих по нем усовестить, с чем он к начальнику города и обывателям от меня послан, и едва спас жизнь свою на обратном пути от производившаго по нем с разных сторон по улицам огня.

Я по сему мне донесенному города упорству приказал открыть со всех батарей стрельбу, зажег много деревянных дворов и оставил блокаду неприятеля. Но лишь только началась по городу стрельба, то в ту ж минуту господином генерал-майором и кавалером Ланским замечено с левой стороны у города в лощине неприятельская кавалерия и пехота, почему отраженный им господин полковник Чесменский выслал впереди себя господина подполковника Неклюдова с двома ескадронами, а чрез оными казачьего господина полковника Чернозубова с козаками. Сам же по следам всех их признал за полезное составить с пушками подкрепление и таким порядком пустился стремительно на неприятеля. Его догнавши, вступил в дело. Сражение продолжалось до самаго почти вечера. Неприятель с великою потерею был прогнан и бежал от Вильна по дороге гродненской.... пока не устроена была из Вильна неприятельской пехоты с пушками вылазка.

Чем самым при наступлении же ночнаго времени кончено 8 числа поражение неприятелей, коего в вышепоясненных местах сражения пехотою и кавалериею нобито более тысячи двухсот, не поминая в городе и форштате множества погибших обывателей и военных людей. В плен захвачено один майор, четыре офицера и разночинцов двести шестьдесят

четыре, из числа коих на другой же день от ран померло девятнадцать, да обывателей, насильно неприятелем собранных и в домы мною распущеных, сорок девять. Две пушки отбито у самой левой батареи драгунами... С нашей стороны убитых сто шесть, без вести пропали шесть, ранены полковник Дмитрий Кузьмин, рядовых двести сорок четыре, лошадей пятьдесят пять.

Настигшая ночь прошла в бдении, войски отдыхали под ружьем. А девятаго числа на разсвете посылал я из пленных двоекратно при трубаче с письменными даже отзывами, чтоб город без дальнейшего сопротивления здался, в противном же случае он до конечности будет разорен. Но зверством преисполненый народ мне только в ответ словесно чрез посланных от меня объявил—пусть де с городом делают россияне то, что им угодно, а он не здастца, намерены его защищать до последняго издыхания. Вследствие чего открыта была сизнова по городу стрельба и началось новое онаго раззорение, проломление каменнаго и зазжение деревяннаго строения, в продолжение коего высланы были ворватца в город с разных сторон по улицам господин полковник Деев с полком Тамбовским и господин полковник Миллер с баталионом Нарвским и таковым же Псковским с пушками. Для чего и вороты господином артилерии капитаном и кавалером Тучковым были сорваны. А между тем извне города охотники егери приступили к строениям форштата, открыли по оному стрельбу противу обороняющегося народа, где не точию военные, всякаго рода обыватели, жиды, но женской пол видим был, из строений стреляющий по нашим.

Таковая неописанная с отчаянностию народа оборона, а более всего что вошедшей уже тесными улицами в промежутки каменнаго строения проломами, имев с одной стороны крепостные засыпанные песком ворота, завалили улицы мертвыми телами обывателей, не имели, однако ж, продолжать далее поражения, видевши и выдерживавши со всех сторон по улицам из домов и отверстий оных сильную стрельбу обывателей из пушек, из ружей и фольконетов, и принуждены ретироватца, зажегши только в разных местах строение. При каком случае с нашей стороны в 9-й день убито полковник Деев, капитан Симишин, нижних чинов и рядовых дватцать девять, ранено сто дватцать шесть. Сим последним испытанием отчаянности обывателей и войск неприятельских, в Вильне пребывающих, признал я за полезное оставить город знатною частию раззоренный, дабы дальнейшим продолжением штурма, безвыгоднаго и невозможнаго, не погубить более из войск мне подначаленых чинов и решился отстать от онаго, расположится лагирем при селении Немеже, в полумиле от Вильна лежащем...

Сражение происходило в первой день под батареями и городом с 9-го утра по 11-й час вечера, а на другой день с 4 утра по 6 вечера и

по объявлению пленных число их было от девяти до десяти тысяч, кроме мещан и прочих.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 254 – 259.

№ 113. (21 – 22 июля). Предписание Екатерины II Н. Репнину относительно предпочтительных мер по занятию западной черты империи

Князь Николай Васильевич!

Для исполнения данных от нас повеленных в 16 день минувшаго июля месяца за нужное почли мы предписать вам в подробности те меры и способы, кои вы употребить можете для достижения цели вам предписанной занятием тамо черты и успокоения земель замыкаемых оною. Для сего знатные силы, теперь под предводительством вашим находящиеся, по всюду с стремлением наступательно обращены быть должны и движения так располагать и простирать имеют, чтобы взаимно подкреплять одна часть другую, общим подвигом устремляясь к единому и к тому же выше реченному предмету, тем самым облегчали трудности, встречатся могущие, и свободнее преодолевали те препоны, кои бы в пути своем обретать могли, а паче когда бы каждый из них сих частей действовала особенно и без общей связи и тем самым соединить теперь растянутый силы наши и по мере успехов и достижения, сокращая наступательную линию свою, предуспеть поверхность войск наших над мятежниками, кои и без того повсюду от оных уклоняются, так утвердить, чтобы всякое отступление мятежников была сущая для них потеря, поелику повсеместным движением, быв повсюду тревожены, озабочены и вытесняемы и теряя пространство земли купно с там терять будут и возможности продолжать бунт и доставать способы длить оной, а чрез то ее токмо невозможно будет им делать каких-либо набегов или покушений на пределы или посты, держимые войсками нашими, но быв в опасении быть поставленными меж двух огней и отрезанными и уклоняясь от повсеместных наступательных действий войск наших, всю уступая предоными, как то и до сих пор и перед особыми частыми делами, вскоре очистят черту, вам занять подлежащую, и скроются за Немен, где докончательное изстребление их может быть делом общих усилий наших и прусских войск, поелику правой берег очищен быть должен нашими, а левый прусскими силами...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 35 – 36.

№ 114. 23 июля. Отрывок из письма Н. Репнина Екатерине II о мерах по обороне Слонима

... с другой стороны довольно важное число неприятеля приступило к Слониму с леваго берега реки Шары под командою господина Шираковскаго, имеющаго восем тысяч человек коронных войск и шляхтичöв. К сему присоединились литовская гвардия, бывшая по прежним известиям в Варшаве, и разные посполитаго рушения толпы, чрез что сие скопище еще умножилось. С нашей же стороны стоит против онаго на правой стороне Щары отряд генерал-майора Лассия в четырех баталионах и десяти ескадронах. По каковому обстоятельству генерал-порутчик Загряжской вчерашнего числа рано пошол от Белицы на помощь к генерал-майору Лассию да и всему корпусу генерал-поручика Дерфельдена приказал я равным образом из Белицы туда же обратиться, дабы, во-первых, обезпечить пост генерал-майора Лассия, а притом стараться о изстреблении неприятеля.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 306 об.

№ 115. 24 июля. Донесение генерала Б. Ласси И. Загряжскому о сражении под Слонимом

Сего месяца 19 числа занял я пост при местечке Козловщине и по повелению главной команды отрядил с одним баталионом, двумя ескадронами Киевскаго конноегерскаго полку при четырех орудиях, Староскольскаго пехотнаго полку господина подполковника Чубарова для занятия поста при местечке Слониме, которой прибыл в назначенный ему пост 20 числа и открыл неприятеля. Я же, получив достаточныя известия о умножении уже там сил неприятельских, решился и сам того ж числа с моего поста при местечке Козловщине выступить, чтоб подкрепить занятой уже отрядом моим при оном местечка Слонима пост, зная сколько оной важен прикрытием Несвижа и границ наших, что и понудило меня всевозможно к оному спешить, куда того ж числа прибыл и занял мой лагирь. 22-го неприятель, покусившись на отряд моего начальства, занимал одним лагирем за местечком возвышение, где и были, по показанию пленных и другим полученным мною известиям, войски коронные под начальством господина генерала Сираковскаго, имевшаго более десяти тысяч при тритцати семи орудиях, в числе коих было дватцать пять взятых от нас с Варшавы. Мой же отряд состоял в пяти гранодерских, одинатцати мушкетерских рот, девяти ескадронах кавалерии и четырех полевых орудиях. Второй лагирь при деревне Поречье, показавшейся с 21 на 22 число разстоянием в четырех верстах от моего лагиря, войски их, сколько разсмотреть можно было, до семнатцати

эскадронов по горе видно было. Пехоты же с артиллериею был лагирь за горою. Их и тут около десяти тысяч полагали под командою генералов Беляка и Сапеги с войсками литовскими.

В одно время с обеих их лагирев неприятельския силы упорно начали наступать на отряд мой и в восем часов утра силясь как выше, так и ниже моего лагиря перейтить разделяющую меня от них реку Шару, чем и принудили меня разделить внимание мое и силы на обе сии стороны. Вследствие чего к деревни Поречи и отрядил я Северскаго карабинернаго полку, роту Апшеронскаго полку при одной пушке и к подкреплению их две роты Низовскаго полку, препоруча поставить сей пост у броду господину полковнику Коновницыну и, обозрев с той стороны неприятеля, возвратится, а команду ж там оставить Северскому карабинернаго полку господину полковнику и кавалеру графу Меллину.

Едва лишь успел возвратитца оной господин полковник, учредя пост в сказанном месте, и, обстоятельно все там осмотря, мне донес, как неприятель с обеих сторон открыл сильную кононаду. Почему отрядил я того ж полковника Коновницына, с неутомимою охотою везде поспевающаго, препоруча ему удержать главное и сильнейшее неприятеля на плотину при местечке в левом фланге моей позиции стремление всеми его силами с одним командуемым им Староскольским полком, четырьмя эскадронами Киевскаго конноегерскаго при двух орудиях полевой артилерии и одной Фанагорийскаго гранадерскаго полку пушек, имевшей свой пост при сорока человеках на той плотине. Прибыв же я сам туда, яко к важнейшему посту, нашел, что и из столь малого числа войск принужден был он, господин полковник, занять еще отрядом против имевшагося неприятеля, выше его в разных местах намеревающегося перейти реку Щару, посты и что все и везде с отменным предусмотренном и расторопностию его было отряжено. На плотине же, где он сам находился, неприятель, обратив всю свою силу на оную превосходным числом против его орудий, сильно перекресными выстрелами действовал. Он же, господин полковник, безпрестанно тут находясь с осми часов утра до девяти вечера, наносил жестокий вред неприятелю, как показывают их же пленные, то и урон их в сем месте был весьма знатен.

Тут два раза неприятель охотниками в присутствии господ подполковника Чубарова и премьер-майора Потапова на штыках до предместья был прогоняем. А в самое жаркое дело усилился оной напасть на него с тыла в трех верстах с левой стороны чрез брод, но благоразумным его распоряжением везде был вовремя встречен и успешно отражен. Откамандирован же от него Староскольскаго пехотнаго полку туда секунд-майор Скалон з двумя ротами при одной полевой пушке, хотя отрядом сим он свой пост и обезси-

лил. Вслед за сим командированы Киевскаго конноегерскаго полку два эскадрона под командою господина подполковника того ж полку Петра Миллера, где он, соединясь еще прежде туда отряженным и з двумя того ж полку эскадронами, бегущих поражал.

Заряды почти все были уже выстрелены от трех орудий, почему и оставались только три же орудия полковых, кои он в присутствии своем последним уже действом устремил на плотину и мосты. А с обеих оной сторон открыл по засевшему в мельницах неприятелю и тремя ротами сильную ружейную стрельбу, препоруча команду оной премьер-майору и кавалеру Нелидову, до полученной раны им тут находившемуся, где и заступил уже ево место того ж полку премьер-майор Потапов, удачно тут действовавший. Стрельба сия продолжалась более двух часов... В плен взято товарищей восем, по показанию коих о действии орудий наших каждым выстрелом они поражали множество людей, в местечке толпами теснящейся...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 295 – 296.

№ 116. 24 июля. Рапорт графа Г. Меллина П. Ласси о сражении под Слонимом

С отраженными от вашего превосходительства под командою моею тремя эскадронами Северскаго карабинернаго полку и одной ротой с полковым орудием при господине секунд-майоре Искре от Апшеронскаго полку, прибывши 22 числа сего месяца по реке Щаре вниз от местечка Слонима против деревни Поричи, оставя один ескадрон под командою ротмистра Андрея Ильинского на броде по сей же реке вверх сказанной деревни, застиг неприятеля устремившагося на переправу вброд чрез реку против сказанной деревни во многом числе конницы и пехоты. И когда я прибыл с отрядом к сему броду, неприятель устремился сильно на переправу, способствуя себе пушечными выстрелами. Но храбростию и неустрашимостию офицеров и салдат неприятель за всем его усилием был несколько раз опрокинут. Между тем, увидевши в сем месте препятствие к переправе, потянулись вниз реки и, переправясь в неизвестном мне месте на сию сторону до трёхсот человек пехоты и пробравшись болотными местами и густым лесом, приближились к сей роте и двум ескадронам и вдарили почти втыл с сильным стремлением и притом самом другие с той стороны вброд (пустились). Я, пославши от ескадронов к переправившимся флангери и в тож время призвав Северскаго карабинернаго полку чрез полковаго квартирмейстера-майора Кириченку от вашего превосходительства отправленные в команду мою Низовскаго полку две роты, обратил оных на поражение, кои отразили сего неприятеля, бросившись вброд,

сколько не были сильны и стремительны. Но я с оставшими от ескадрона людьми Апшеронскаго полку ротою при господине майоре Искре принудил оных с пушечными картечными выстрелами, продолжая более почти часав, отступить от брода. Посланные флангири при офицерах, где не позволяла гущина леса, спешась я с ними низовские роты, несмотря на все препятствия прогоняли неприятеля.

Неприятель, видя поражение переправленных, отправил конницу более пятисот человек с подкреплением пехоты, которыя переправившись также гораздо ниже с намерением подкрепить переправленную пехоту и отрезать в тыл. Но я, будучи посланными разъездами о переправе их извещен, оставил для защищения брода команду, сам с ескадронами и ротами вышел встречу его, которой как ни был со всех сторон стремительно опрокинут ружейными и пушечными выстрелами и преследован конными к ротмистру Ильинскому, на первом броде поставленному, также несколько раз команды от конницы и пехоты подьезжая, покушались переправится, но оной отражал их со всякою тщательностию.

23 числа, когда я прибыл с четырмя уже ескадронами к сей же переправе, оставя один на том же броде господин ротмистр Ильинской был при ротмистре Иванкуполю. Неприятель во многих местах, в лесу наезжая партиями до ста человек составляющими, появлялся. Я посылая команды, кои чрез весь день прогоняли, употреблял ко оным ротмистров Ильинскаго, Романовича, порутчиков Калиновскаго, Леонова и особливо порутчика Адешелидова, которой во все время, будучи с флюгерами впереди, открывая места отлично мужественен противу неприятеля, поставя притом у брода один ескадрон при ротмистре Новицком, которой бывши до сего дня при оном, имея по берегу реки разъезды, всякое время засевшего на берегу неприятеля и частию переправившихся конных прогонял. Для разведывания о неприятеле и в подкрепление посыланных для прогоняния онаго команд посылал таковы ж при полковом квартирмейстере Северскаго карабинернаго полку Андрея Кириченку и адъютантов Черепанова, кои, совокуплясь с вышесказанными ротмистрами и порутчиками, где неприятель не показался, прогоняли онаго, а также и ротмистр Поль, бывши до сегодня с ескадроном у брода, неприятеля удерживал...

При сражении сем во всех пяти ескадронах Северскаго полку ранено людей тяжко десять, контузиями шесть, легко ранены четырнатцать человек. Лошадей строевых убито дватцать, тяжко раненых тритцать, из коих брошено на месте сем, от ран пало дватцать три. В пехотных ротах Апшеронском людей убито три человека, раненой один, лошадей убито под ящиками пять. Низовских людей убито три человека, лошадей под ящиками убито шесть.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 299 – 300.

№ 117. 24 июля. Рапорт полковника П. Коновницына Б. Ласси о сражении у деревни Поречье под Слонимом

22 числа поутру в 8 часов показался неприятель при селении Поречи в четырех верстах позади лагиря нашего, коего я и был вашего превосходительства послан как и для занятия там посту, куда командирован Староскольскаго пехотнаго полку секунд-майор Исира с одною ротою Апшеронскаго пехотнаго полку при одной пушке. И мною тот пост поставлен, о чем по возвращении моем вашему превосходительству, как и о сим неприятеле, донесено. Между тем началась уже кононада от местечка на плотину и лагирь. Подполковник Чубаров, еще прежде с отрядом тут находившийся и со вторым баталионом Староскольскаго полку на плотине, уже сражался. По повелению вашего превосходительства прибыл я с оставшим первым баталионом и второю гранедерскою ротою того ж мне вверенняго Староскольскаго полку, где и поручено уже мне на сем посту начальство, почему и делал свои распоряжении.

Подполковника Чубарова нашол я в самом жестоком огне под картечными выстрелами на плотине, на кою неприятель имел все свое стремление. Устроя спереди, справа и с левой стороны и от костела сильныя свои батареи, бывшия до сражения у прикрытия плотины сорок человек Фанагорийскаго гранадерскаго полку при подпоручтике того ж полку Антоне Адлове, по смене добровольно оставшись с охотниками полку мне вверенняго, прапорщики Измаила Щеталов с 26-ю, Степан Траскевич с 20-ю человеками кинулись чрез плотину в сады и сильныя везде упорствовововашему неприятелю делали поражения, несмотря на весь жестокий огонь на них производимой, прогоняли неприятеля до корчмы и далее, чем почищена была вся плотина. Но неприятель жесточайшим огнем со всех сторон с батарей, им устроенных, принудил охотников наших обратитца, кои и были подкрепляемы одною ротою при поручтике Левицком и прапорщике Бельском.

Усиля свою батарею к двум орудиям полевой артилерии и в одной пушке Фанагорийскаго полку, еще три Староскольскаго полку, коею управлял онаго полку адъютант Шипилов до тяжкой раны, им тут полученной, обращал огонь по обстоятельствам на правую и левую стороны. В присутствии моем на правой стороне мельницы две неприятельския батареи в кустах находившиеся, полевым орудием збиты.

Покушение неприятеля на плотину удвоилось и заняты им пильная и другия находившияся тут мельницы. Но вторительно охотниками при господах подполковнике Чубарове и премьер-майоре Потапове на штыках был выгнат за большею их потерею. В самое сие время, где бой был ранее

против толь превосходно сильнаго неприятеля, получил я известие, что оной покушается в трех верстах по левой стороне реки Щары чрез брод и атаковать меня с тылу. Для чего отрядил я две роты полку мне вверенннаго при одном орудии под командою господина секунд-майора Скалона, а вслед за ним Киевскаго конноегерскаго полку господина подполковника Миллера з двумя ескадронами. Отрядя сей отряд, себя тем обезсилил, но несмотря на превосходство усилия неприятельскаго на плотину, где оставалось уже при орудиях наших не более по два и по три человека кананер за ранеными и убитыми, повсюду являли доводы неустрашимости: господа подполковник Чубаров, премьер-майор Потапов в присутствии меня самого бросились вперед под осыпающими их с трех сторон картечами, всемерно поощряли людей. В сие время отряженной господин майор Скалон благоуспешно покушение неприятельское ко мне в зади перейтить отразил и с великим уроном ево прогнал. Господин подполковник Миллер, соединя два свои ескадроны, Киевскаго конноегерскаго полку з двумя отряженными еще до дела из отряду господина подполковника Чубарова эскадронами, их мужественно с поражением преследовал...

... Усилие неприятеля превозмогло наше на мосте упорство, для чего и посланы от меня три роты по обе стороны плотины по лозовым кустам под командою господина премьер-майора и кавалера Нелидова... Сия с двух сторон ружейная стрельба продолжалась более двух часов за расстрелом всех моих зарядов полевой артилерии и фонагорийской пушки, кроме оставленных на каждом по два заряда на нужный случай.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 301 – 302.

№ 118. 26 июля. Письмо Н. Репнина Екатерине II с изложением мотивов невозможности немедленного овладения Вильно

Всемилостивейшая государыня!

Истинно всемилостивейшая государыня, я ни на минуты не упускаю из виду покорение Вильны, но теперь оная схвачена быть не может вдруг только с шпагой в руках. Должно сие предприятие сделать с осмотрительностию, а притом с умножением сил и снаряда с тем, что оное может быть несколько времени продлится. Отчаянное ожесточение тамошних обывателей неописанно и во всем подобно варшавскому. Грабовский, командующий в городе, при первом покушении наших войск уже бросил четыре пушки в реку и некоторое количество пороха с намерением сдатся, но был за то посажен под караул обывателями, которые притчиною всей обороны. При вторичном предприятии на Вильну, конечно, в силу высочайшего вашего императорскаго величества повеления пору-

чу я сие действие не господину генерал-майору Кнорингу, но другому генералу и уже был готов обратить туда генерал-порутчика Дерфельдена с частию его корпуса, но оказавшияся в спине его до дватцати тысяч неприятельских войск коронных и литовских тому возпрепятствовали, из коих часть без всякаго сомнения из Варшавы вышла. Он теперь на них обратился. С ними прежде должно разделаться, а они к Слониму приступили с левого берега реки Шары и расположились большою частию при том городе и в разных местах по тому же берегу. Разделять теперь Дерфельденов корпус и оголять здешнюю границу никак нельзя, от чего бы Несвиж, Слуцк и вся сия часть Минской губернии крайне отважена была. Оный корпус состоит невступно из 14-ти тысяч рядовых под ружьем, включая тут и все его отделенныя отряды. При Слониме с правой стороны Шары оставленной наш отряд в 4-х баталионах и 10-ти ескадронах под командой генерал-майора Лассия весьма стремительно был атакован превосходными силами неприятельскими, но твердо и храбро удержался в своем посте...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 308 – 308 об.

№ 119. 28 июля. Отчет генерала О. Дерфельдена Н. Репнину о своем марше и сражении под Слонимом

К вчерашнему моему краткому донесению о вторичном занятии Слонима честь имею препроводить при сем подробное дополнение. Коронное и литовское войски, хотя и превосходнейшие нас в разсуждении своего числа, не осмеливались вступить в настоящее с нами сражение, и отошли по двум дорогам к Зельве и Рожанке. Произшествия же бывшия как при моем подступлении или, паче, побеге неприятеля были следующия.

Вышедши 25-го числа из местечка Вензович с Апшеронским, Тульским и Низовским пехотными полками, третьим баталионом Лифляндскаго егерскаго корпуса, Софийским карабинерным и тремя ескадронами Сумскаго легкоконнаго полку с 18 орудиями полевой артилерии, прибыл я в тот же еще день к реке Щаре при деревне Сапежине Воли и на другой день перешел сию реку вброд и стал лагирем по ту сторону деревни Голинки. Я желал было в тот же день приспеть к Слониму, но по чрезмерно пещаной и тесной дороге, а притом и по неблизскому разстоянию, принужденным нашолся, чтоб в разсуждении поздняго времяни не открывать себя неприятелю, приостановится в упомянутой деревне в трех милях от Слонима. Неприятель за движениями нашими при реке Щаре имел наблюдательную заставу из трехсот человек, которые, однако ж, при первом появлении к заков назад отступили и о нашем движении возвестили своему корпусу.

При подходе к местечку Деречину открыт был новый бикет, состоявший из семидесяти человек. Командующий авангардом господин генерал-майор и кавалер граф Зубов отрядил против них пятьдесят человек Софийскаго карабинернаго полка под начальством господина премьер-майора князя Багратиона и несколько донских козаков Астахова полку. Храбростию и расторопностию сей команды неприятельской бикет был совершенно разбит, ибо дватцать сем человек положены на месте, тритцать четыре, в том числе один наместник и десять товарищей с дватцатью рядовыми, захвачены в плен, а прочия все разсеяны.

Сей предварительный успех должен был для нас быть тем лестнее, что произведен был без потери одного человека, изключая только того, что сотник Сухов ранен в левое плечо. Все известия в том согласовались, что невзирая на несогласие между мятежными начальниками и смерть Беляка, по всем догадкам раненаго в прошедшем сражении с господином генерал-майором и кавалером Лассием, неприятель приуготовлялся к сильной обороне, соединясь с стоявшим под Деречиным своим отрядом, и делаемый им на Замостье батареи, с которых он насквозь перехватывать мог выстрелами лагирь упомянутаго господина генерал-майора и кавалера Лассия, меня еще больше в сей мысли подкрепляли. Итак, дабы предупредить неприятеля в помышляемой им атаке на наши войски, стоявшие на той стороне реки Щары, решился я его атаковать сам и для того назначил 27 число и время атаки при следующем разпоряжении.

Господину генерал-порутчику и кавалеру Загряжскому, так как между нами никоим образом не было пресечено сообщение, предписал я переправится чрез реку против селения Ганков и вдоль по реке итти к местечку. Господину генерал-майору и кавалеру Лассию препоручил атаку с лица на самое местечко. А сам, вместо того, чтоб итти берегом на местечко Остров и Заречье и чрез то оборотить правое свое крыло к горам, обратился я на Деречин и, оставя оное в правой руке, чрез Вербовец пошол на самыя горы, во-первых, дабы у многочисленной неприятельской конницы отнять все выгоды атаки, а, во-вторых, дабы усилию неприятеля сильнейшее противупоставить действие артилерии.

Неприятель выстроился на горах и занял предводительствуемое мною войско пушечными выстрелами с двух бойниц, которым я не прежде ответствывал, как по взошествии на вышлую гору, на которой выстроил с правого фланга егерей и приказал опытному артилерии господину капитану Саковичу начать пальбу, а на левой фланг поставил Тульской пехотный полк и батарею весьма сведущаго артилерии ж капитана Кудрявцева. Донские козаки безпрестанными наездами тревожили левое крыло неприятеля и кроме наносимаго неприятелю вреда взяли четырех чело-

век в плен. Дватцать два успешных с нашей батареи выстрелов привели неприятельские к молчанию и неприятель, потеряв несколько егерей и мушкатер, начал колебаться, делал разныя притворныя движения и обратился в бегство на две дороги, не дождавшись даже переправы господина генерал-порутчика и кавалера Загряжскаго.

Переход чрез Щару вброд и преодоление трудной и тесной весьма дороги их чрезвычайно устрашило так, что, узнав от своих бикетов о нашем приближении, они уже отправили вперед весь свой обоз и казну. Как скоро я приметил, что неприятель отступает одною колонною по дороге к Зельве, которая также ведет на Рожанку и Волковиск, а другою на Рожанку же чрез Деветну, то разделил я войски на две части, из коих одну послал справа на рожанскую дорогу, а другую влево к местечку Слониму. Но поспешность неприятельскаго побега была столь велика, что пехоте достичь его было невозможно и я принужден был отрядить с конницею господина бригадира Ланскова, а для подкрепления оной, в случай обращения неприятеля, Муромский пехотный полк при двух орудиях полевой артилерии. Преследование сие продолжалось до семи часов пополудни и неприятель несколько раз порывался обратится назад, но безпрестанно с уроном был стесняем и потерял взятых нами в плен пятнатцать человек и дватцать подвод с разным имуществом и вещами. С нашей стороны при сем убит один казак и трое из них ранены. Число неприятельской силы было знатное, ибо изключая дватцати семи орудий и литовскаго корпуса, оная состояла пехотою из 5, 15 и 18-ти полков или полка фузилеров Тихотскаго и Красинскаго, из коронной пехотной гвардии и полков Чижова и Круликовскаго и Рафайловича, а конницею из коронной конной гвардии или полка Мировскаго, из всех уланов из шести ескадронов народовой кавалерии, которыми всеми командовали Шераковской и Грабовской. Литовской же корпус состоял из шестисот пеших стрелков и конных полков Хлевинскаго и Озулевича с шестью орудиями.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1838, л. 291—294.

№ 120. 29 июля. Рапорт Н. Репнина Екатерине II о победах под Слонимом

Всемилостивейшая государыня!

По притчине сильнаго неприятеля приступившаго к Слониму, который атаковал отряд генерал-майора Лассия, обратил я генерал-порутчика Дерфельдена от Белицы на опровержение сих мятежников, вследствие чего тот генерал-порутчик, сделав искусный и смелый марш, перешел Шару в шести милях ниже Слонима и пошел на неприятеля с тылу, приказав при его приступлении к оному, чтобы генерал-порутчик Загряжс-

кой с своей стороны при Слониме також на неприятеля наступил и перешел же Шару, дабы с разных сторон атаку повести. Но неприятель 27 числа, видя приближение генерала порутчика Дерфельдена, не входя в бой, с поспешением от Слонима ушел, быв действительно многочислен, обратясь в две стороны к Рожане и Зельве. Неприятель так поспешно ушел, что в преследовании его догнать было не можно, почему только несколько задних людей и повозок нашими легкими войсками взято. Шед же к Слониму, разбит премьер-майором князем Багратионом один пикет неприятельской, из коего убито дватцать сем, а в плен взято тритцать четыре человека. С нашей же стороны один сотник казацкой ранен, а при преследовании неприятеля убит у нас один козак и трое ранены.

Вашего императорскаго величества верноподданный слуга Н. Репнин

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 311 об.

№ 121. 29 июля. Разсуждения Н. Репнина в письме А. Безбородко относительно характера войны 1794 г.

... Сия война не есть то что были прежния конфедерации, где земля была между собой разделена. Теперь общей бунт. Мы ходим как в муравейнике, где сколько их не бьют, они все и везде пользуют. Раздел некоторой части земли и совершенное уничтожение целого государства суть две вещи весьма разные. В сем последнем случае никого на своей стороне иметь не можем. Отчаянные же люди и бешеные есть одно и зараза сия прилипает... Касательно до скорого занятия нашими войсками предписанной черты осмеливаюсь сказать, что если сие желательно для того, чтобы не дать захватить чего из оной прусакам или цезарцам, то сие совершенно не опасно. Далеки еще по нещастию прусаки от своих разсчетов и конец дел не так близок, а цезарцы прежде точнаго уже решения дел коне-чно вперёд не сунутся.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 434 – 435.

№ 122. 2 августа. Письмо наместника Т. Тутолмина П. Румянцеву с уведомлением о штурме Вильно Б. Кнорингом

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

По случаю отъезда князя Николая Васильевича на некоторое время в Слоним в корпус господина генерал-подпоручика фон Дерфельдена, не уповая иметь опять вскоре обстоятельное из-под Вильна извещение о бывшем 31 июля сражении, поспешаю донести вашему сиятельству то, что сейчас дошло до моего сведения. Трехнедельная не-

деятельность войск наших под Вильною заставила князя Николая Васильевича решительно предписать или атаковать Велегурскаго в его под Вильною расположении или же оставить настоящую позицию и войти в связь действий других корпусов. Господин Кноринг, соединя все деташменты командуемые господами генерал-майорами Германом, графом Зубовым, Ланским и князем Цициановым, избрал первое и 31 числа Велегурскаго атаковал, который потерял одиннатцать пушек, доставшихся господину Герману, перешел под прикрытием сих батарей своих, мост защищавших, на правой берег реки Вилии и потянул по волкомирской дороге. Господин Кноринг, пользуюся и приобретенною над мятежниками поверхностию и удалением их, требовал, чтоб город здался. Но они ответствывали на то выстрелами. Должно, однако же, думать, что оставляя без помощи и стесненные в свободном провозе жизненных припасов, долго обороняться они не будут.

РГАДА, ф. II, дополнение, д. 97, л. 1 – 2.

№ 123. 7 августа. Из предписания Екатерины II Н. Репнину о решительном истреблении восстания в Литве

... для произведения в действо таковаго общаго в Литве движения, во-первых, должно вам обезпечить все различныя части войск пропитанием и нужными жизненными и воинскими припасами при каждом корпусе сверх десятидневнаго в полковых фурах и при людях провианта. Запас должно на тритцать дней и везти оной на обывательских подводах, коих вы и при них погонщиков собрать можете потребное количество по удобности в Курляндии, в областях литовских и в пределах наших, производя платеж в деньгах по узаконенному плакату из суммы экстраординарной. По мере как сии подводы будут испражняемы, долженствуют они безудержно возвращаемы быть в домы свои. При чем не оставьте препоручить и наблюдать, чтобы они безпрепятственно жилищ своих достигали, заменяя оные вновь собираемыми подводами и припасами в тех пределах, где войски наши проходить будут. Корпус генерал-порутчика князя Голицына всем потребным снабдиться может в изобильной Курляндии, генерал-майора Германа-из северной части Минской и Полоцкой губерний и частию из Курляндии, соединенной корпус на Вильи из губернии Минской, генерал -порутчика Дерфельдена – от Несвижа и Бжеста-литовскаго, где не токмо хлеб того воеводства, но и по Бугу и из Волыни доставать удобно.. Общей же предмет сих трех частей быть должен принуждать мятежников обратится к пруским границам или укрыватся за Немен и за Вилию...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 36 об. – 37 об.

№ 124. 12 августа. Воззвание М. Огинского к обывателям Инфлянт из-под Динабурга

Копия обращения обывателя Михаила Огинского к инфлянтским обывателям, под властью Москвы пребывающих.

Обыватели! Не месть нами движет, а отчаяние, не отыскание выгод, а потребность сократить наши притеснения. До того лишены мы власти, что враг наш, которому едва только мы отказали стать его невольниками, стал спокойно имения наши опустошать насилием, наездами, грабежами и тому подобным без отпора и обороны. Каждый поляк солдат, когда своей грудью захочет заслонить Отчизну и защитить вольность. Но кто же остановит, если не победит наезников и поджигателей, разными путями вторгающихся в край опустошать и невинной кровью поливать нашу землю? Сожалеем о вас, наши собратья, что вы с отвращением еще несете ваши оковы ярма своей явной неволи. Ищем вашей помощи как от близких, кого должна касаться наша недоля, как от тех, кто веками был нашими сородичами. Станем вместе пробиваться к свободе – отчаяние нам придаст силы, а доверие вашей помощи усилит наш запал.

Не будем следовать разбоям и неистовству нашего врага, коего подданными вы являетесь. Мы несем покой и вольность тем, кто станет содействовать нашим намерениям. Пусть угнетенный землепашец обретет защиту права, пусть каждый получит вольность, безопасность и справедливость. Присоединяйтесь, братья, к вольным людям, приступайте к акту восстания народа под начальством бессмертного и непобедимого Тадеуша Костюшко, который есть спаситель нашей Отчизны.

Вспомните, что вы люди и что каждый человек наравне с отважными защитниками достоин сокрушить свои путы и жаждет обрести вольность.

Дан в лагере под Динабургом 12 августа 1794 года.

РГАДА, ф. 12, д. 235, л. 4. Перевод с польского ред.

№ 125. 2 августа. Ордер командующего Завилейским и Браславским поветами М. Огинского подполковнику Я. Зенковичу на овладение г. Динабургом

Сим ордером поручается обывателю подполковнику Зенковичу вручить динабургскому коменданту пункты капитуляции, и если они будут приняты, то занять то место, пока я не прибуду со всей командой, а все забранное оружие и амуницию собрать в одно место. Если же то

не будет сразу принято, то обязан он всеми силами ворваться в место и его огнем и мечом опустошить.

Дан в лагере под Динабургом 12 августа 1794 года. Михаил Огинский, командующий Завилейским и Браславским поветами.

РГАДА, ф. 12, д. 235, л. 4 об. Копия. Перевод с польского ред.

№ 126. 14 августа. Из рапорта генерала И. Германа Н. Репнину о ситуации под Динабургом в связи с рейдом М. Огинского

Прибыл вчерась я с вверенным мне отрядом сюда в Дубровщизну от Поставы 20-ти верст. Я здесь сего дня остановился, узнав, что подполковник Люиз находится около Динабурга, при котором месте находится также подполковник Сакен и, следственно, край динабургской безопасен. Около здешних мест по лесам скрываются еще толпы мятежников и я уже вчерась разные делал отряды их отыскивать и истребить. Сколько я мог по сех пор узнать, Огинской, Морикони, Беликович и Зенкевич шатаются между Колтинянами и курляндскою границею, имея несколько тысяч разнаго звания людей около себя, довольно шляхетства, несколько пушек и некоторую часть регулярнаго войска. Я вчерась к Колтинянам отправил сильную партию. Все сии слухи удостоверяют, чтоб с войском не делать лишних и пустых переходов...

... При отправлении курьера получаю рапорт из Динабурга от подполковника Сакена, которой извещает меня, что часть польского войска из-под Вильни потянулась к Курляндии и не более 8-ми миль от Дина бурга щитают неприятельской корпус до 8000 с достаточным числом артилерии. Их намерение есть переправиться чрез Двину около Якобштата. Его, господина Сакена, рапорт от 9-го числа, в коем о подполковнике Люизе ничего не упоминает, сие меня несколько удивляет. Но как я сейчас сбираю свои отделения и ежели завтра не буду в Видзах, то послезавтра рано буду и, там бывши уже близко Динабурга и Курляндии, обо всем обстоятельно и верно узнаю и себя по обстоятельствам вести буду.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 144 – 145.

№ 127. 17 августа. Рапорт барона Сакена И. Герману о своих маневрах под Динабургом

Посыланные мною около Динабурга разъезды и особыя команды рапортовали мне, что в окрестностях онаго мятежников более находится, но взятой августа 10-го в полон войска Морикони порутчик Гедрович ска-

зал мне, что Морикони с тремя тысячами татар и уланов находится действительно в Дусятах. К таковому своему показанию прибавил он, что не доходя сего местечка в местечке Сувенах стоит его авангард. Уважив сие известие, писал я господину подполковнику и кавалеру Луизу требуя от него двух рот гранодерских, Псковскаго драгунскаго полку четвертаго гусарскаго эскадрона, что он и учинил. Мы условились с ним при том, чтоб с двух сторон атаковать нам Морикони в Дусятах и в одно, если возможно будет, время.

В таковых мыслях, сняв лагирь при Динабурге бывшей, 13-го дня пошел я к Сувенам и в четырех милях от Динабурга в корчме тут находящейся узнал я от жида, что в версте от оной стоит их пикет. Я послал капитана Фридрихса с дватцатью гусарами и велел ему сорвать оной, что и было исполнено. Но как капитан Фридрихс, возвращаясь к эскадрону, окружен был татарами, с которыми производя перепалку, отступил и прибыл наконец в лагирь за Сувенами не прежде, как чрез два часа после отряда, удержав, однако ж, взятых им с пекета неприятельских жолнеров двух человек, потеряв при том одного только гусара. Капитан Арсеньев, выехав из лесу, увидел, что неприятель с тремя эскадронами татар пустился на него в атаку, производя взводами сильный огонь, и что другими двумя эскадронами хотел его охватить. Узнав таковое его намерение чрез присланнаго ко мне того ж эскадрона порутчика Минина, требовал от меня сикурса, а сам между тем, производя огонь, поспешно ретировался целую милю и, не потерявши ни одного человека, прибыл потом к отряду, быв окружен опастностью.

Видя, что лошади гусарскаго эскадрона совсем пристали, оставя их при отряде, послал я третей и четвертой драгунския эскадроны и приказал капитану Белевцову принудить неприятеля разделить свои силы, его обмануть и посредством обмана и храбростию опрокинуть и гнатца за ним не более, однако ж, пяти верст. Капитан Белевцов, ревности и расторопности котораго приписать можно разбитие неприятеля, отрядил от себя прапорщика Стремоухова с фланкерами, в шеснатцати драгунах состоявшими, присоединив к нему вахмистра Фрагонта с осьмью гусарами. Прапорщик Стремоухов, усмотрев оплошность неприятеля и прибыв в надлежащее разстояние, дал залп из пистолетов и бросился во фланк на саблях. Таковая его смелость и отважность гусар, учинивших то с леваго фланга, смешала неприятеля. Часть неприятельских эскадронов обратилась в бегство. Прапорщик Стремоухов врезался в бегущих, положил многих на месте и с помощию подкрепления, которое получил он с правой стороны с порутчиком Арсеньевым, а с левой с кадетом Белевцовым, гнал неприятеля до двора Кумполь, при котором неприятель, остановясь и выстроив фронт,

производил по них сильную плутоночную пальбу.

Капитан Белевцов, усмотрев оное, с достальною частию своего эскадрона пустился прямо на неприятеля, соединив все части своего эскадрона, дал по нем залп из ружей и бросился потом на саблях, поражая оных до двора Александрова, которой принадлежит Мориконию.

Неприятельское войско, по собственному признанию пленных, состояло в пятистах человеках татар, жолнеров, из Вильны ушедших, и уланов. Предводительствовали ими майор Александрович, капитаны Фонтан и Лукашевич. Убитых с их стороны капитан Лукашевич и до ста человек конных. С нашей стороны пропал гусар один и ранен капитан Фридрис, убито под драгунами строевых лошадей шесть, ранено восем. В полон взято жолнеров только двое оттого только, что драгуны и гусары никому не делали ни малой пощады.

Дав отдохнуть три часа отряду, пошел я к Дусятам по гористой дороге. Дождь, усталость лошадей принудили меня переночевать не доходя Дусят, куда, однако ж, на другой день и прибыл я, не нашед неприятеля и в одно почти время с подполковником и кавалером Луизом, с которым на другой день пошли мы к Святьцам. Но не доходя двух миль сего местечка, от пойманнаго дорогою жида неприятельскаго и шпиона узнали, что Морикони ушел в Великомиржи, куда и пошел господин подполковник и кавалер Луиз, а я к Субочу. И 16-го, переходя к оному, увидел небольшую толпу мятежников и, узнав, что тут был и Оскирка, послал вслед за ним небольшую партию с порутчиком Арсеньевым. Команда ево разбежалась, за ним гнались две версты и он скрылся в лес, в котором отыскать его не можно было.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 160 – 161.

№ 128. 19 августа. Донесение Н. Репнина Н. Салтыкову о неожиданном вторжении С. Грабовского в пределы Минской губернии

Милостивый государь, граф Николай Иванович! Еще нещастие здесь сделалось и важнее динабургскаго. Неприятель под предводительством однаго Грабовскаго, скопившись и прокравшись лесами, прорвался в нашу границу в местечке Ивенце тысяч может быть до трех, хотя разглашают они с лишком восемь, чему быть нельзя. Пошел было прямо на Минск, но как по первому известию о разных сторон из Вильны и из-под Слонима пошли на него наши войски, то он, вдруг с крайним поспешением повернувшись вправо, побежал лесами, которых здесь везде великое множество, и теперь по известиям, бежит

к Свислочу, что на рогачевской дороге. За ним гонится князь Цицианов по следам, а слева от Белоруссии-полковник Миллер с другим отрядом. Тешусь, что его догонят скоро, хотя бежит ужасно скоро и дороги все за собою портит, также заваливает по местам, в лесах рубя деревья, при дороге стоящия. В проход свой перехватил несколько курьеров и на почтах стоящих унтер-офицеров и солдат, но немного. А у него одну партию в 80-ть человек при местечке Рубежевичах Петербургскаго драгунскаго полку секунд-майор Плеханов с одним того полку ескадроном и с несколькими казаками при Донском полковнике Вершинине наголову побили, так что 7 человек только от оной спаслись, да 3 в полон взято.

Дерзостное стремление сих мятежников, пустившихся в глубину наших границ, непонятно. Оно доказывает согласие с ними здешних обывателей, понеже те мятежники никаких с собою повозок не имеют и, следственно, пропитание находят готовое у обывателей, куда они прийдут, давая, думать должно, вперёд о том знать. Здешния жители еще не бунтуют. То единно от страха, а сколь скоро войск наших не видят, столь немедленно уже и готовы приступить к бунту. Отделение наших войск от границы к Вильне причиною сего дерзностнаго покушения. А их нету толикого числа, чтоб и там их довольно иметь и пред границею бы были сильныя отряды небольшия же сего впадения удержать не могли.

О Динабурге я ничего ея императорскому величеству не доношу, уповая, что то уже конечно сделал полоцкой губернатор. Там ни одного человека мятежников за Двиною нет уже. Переходило реку несколько сот человек и коменданту динабургскому с его малым гарнизоном никакого вреда не сделали, но сожгли несколько домов в городе и в деревнях...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 146 – 147 об.

№ 129. 21 августа. Письмо Н. Репнина П. Зубову с предостережением против военных авантюр

Милостивый государь, граф Платон Александрович!

... без корпуса Дерфельдена сдесь делать нечего и что не против армии сдесь война, но против общаго народнаго бунта всего шляхетства и черни, всех явно или потаенно вооруженных, и которых, следственно, выгнать перед собой нельзя, а всегда они будут оставаться в спине войска, выдавая себя за спокойных обывателей, отчего всегда тыл наш будет захвачен при отдалении наших войск от нашей границы, почему должно бы было оставить пред оной сильныя отряды. Но мне того сделать не из чего, а без того неизбежно будут впадения сделаны в наши границы от скопившихся в спине войск мятежников, от которых прервутся все со-

общении, снабжении, переписка, наконец, бунт загориться и в наших вновь приобретенных польских владениях. Во все сии раздроблении не входил я в моем всеподданнейшем донесении, которое и без того уже своим пространством должно быть тягостно. Но вам, милостивый государь, по всегдашней вашей ко мне милостивой дружбе откровенно сдесь скажу, что рвавшись таким образом вперед, как предписано, не имея ничего позади, подвергаем мы себя крайней опастности.

Опыт последняго впадения мятежников в наши границы чрез Ивенец, которые теперь внутри нашей земли бегают и догнать их по сие время не могут, служит доказательством, что отдаление от границы сильных войск таковыя впадения произведет. Мы сдесь не в России, отколь бы таков неприятель от одних мужиков ни одного волоса не вынес, естли б дерзнул туда всунуться. А сдесь он везде ходит, находя себе сообщников, от которых он все нужное получает и которые за ним дороги портят, а передним чинят. Союзники наши медлительно и с крайнею осторожностию действуют, оставляя на границах своих более войск, нежели с собой имеют, а мы, отваживаясь, все вокруг себя изнуряем. С здешней же стороны на пространстве с лишком четыреста верст, щитая динабургскую границу, находится включая тут часть Германа и ушедшия войски за мятежниками вовнутрь земли до 11-ти тысяч, из коих две с лишком у Германа, до трех ушли за мятежниками вовнутрь земли, зачем и за некоторыми еще отделениями в разкамандировке остается в Вильне около 5-ти, которого числа почти мало уже и город тот держать, особливо теперь, что он ничем другим не поддержан. А потому сие место теперь почти в тягости и опастности.

Одним словом, милостивый государь, я вам открыто скажу, что от замедления Варшавы и выхода сюда Ферзена здешния дела в дурном теперь положении и я не имею довольных способностей, чтобы видить им успешный конец по предписаниям. По усердию моему я ко всему готов, но сего недовольно. Голова моя не может обнять всей обузы сей. Называется сдесь армией то, что не связано между собой... Я не имею той успешной опрометчивости, которая может быть теперь нужна была и по совести говорю, что, кажется, нужен сдесь человек способнее меня...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 426 – 427.

№ 130. 21 августа. Письмо Н. Репнина А. Безбородко с выражением беспокойства по случаю рейда С. Грабовского

Милостивый государь мой, граф Александр Андреевич!

Наичувствительнейше благодарю ваше сиятельство за письмо ваше от 4-го сего месяца, по которому мог бы я льститься, что трудность здеш-

них дел у вас известна как и то, что успех их зависит от взятия Варшавы з изстреблением Косцюшкиных сил и от выхода сюда Ферзенова корпуса. Но получил 7-го и 13-го такия высочайшия предписания, который мне и дают думать, что все здесь почитается легким и повелевается только везде вперед итти, всех гнать и бить, чрез что, обнажа границы, подвергнется и собственное владение крайней опасности, понеже нигде у нас позади ничего нет. Нещастный же опыт впадения мятежников в минскую границу оттого, что мы удалились от оной и доказывает ясно, что то же самое в подобном случае делать будет. А они, углубясь в Минскую губернию, увели за собой тысяч до трех наших войск, которые и по сие время за ними бегают, но догнать еще не могут.

Сие приключение крайную разстройность сдесь произвело, понеже по малости сдесь наших войск и сие их уменьшение впереди делается важным, а для того, чтобы закрыть дири, должно было даже от Дерфельдена тысяч до двух отделить, почему и останется у него только тысяч восем. Союзники наши, которыя с нами еще в точности ни в чем не объяснились, крайне себя сберегают и оставляют позади у себя более, нежели вперед выдвигают, отчего они в опастность не вдаются, а мы со всем, что имеем, передаемся всякому приключению. Я как прежде признавался вашему сиятельству, так и теперь с искренностию повторяю, что истинно головы моей недостаёт к сему обширному делу, а потому лучше бы прислать кого другого на мое место способнейшаго, понеже я по нещастию не предвижу хорошаго конца по принятым предположениям о сдешней земле и даже о взятии Варшавы, и король пруской весьма далек от своих в плане его расчетов сколь о жмуидах столь и о прочем. Кто же как не я имеет надежды в решительном успехе главного предмета, тот уже не имеет и способностей к тому делу.

С совершенейшим почтением и преданностию имею честь навсегда пребыть вашего сиятельства покорнейший слуга князь Н. Репнин

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 437 – 438.

№ 131. 21 августа. Из адреса Н. Репнина Н. Салтыкову относительно оперативной обстановки в связи с рейдом С. Грабовского

... сии отчаянные наглецы великую разстройку здесь сделали и увели за собой в погоню до трех тысяч человек. При том должно было заткнуть другими войсками те диры, где они прорвались, дабы по тому же следу всякая мятежническая сволочь из лесов за ними еще не ввалилась, которыя войски принужден уже был взять от Дерфельден.

В Жмуиды по известиям войск никаких не обратилось. Там все шлях-

та взбунтовавшаясь и мужики вооружаются, но они там злы. Теперь опастности там быть не полагаю. В Ковне також слышу, что людей немного, они подлинно по разбитии их разсыпались и разбрелись по лесам, отколь где ни есть случится нападают. Того предузнать нельзя, а думаю, что более из Гродни, где открылось заседание их центральной комисии, прежде сего бывшей в Вильне...

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 148 – 149.

№ 132. 25 октября. Показания на смоленском следствии С. Грабовского о своем рейде внутрь Минской губернии

Допросами ж он показал, 1-е, что он находится в службе польской полковником, будучи произведен в сей чин Костюшкою и учиня присягу на послушание его повелениям. Что о клубе варшавском он услышал в первой раз по открытии возмущения, когда он уже находился в поле и не может знать, кто были во оном ревностнейшие вольнодумцы и какие употребляли способы к его разпостранению. Равномерно и сочинения под названием Брамина не читал и не видал и располагались ли в Варшаве, Вильне, Кракове, Гродне и в Курляндии какия меры для всеобщаго рушения, также кто сочинял генеральной план о том всеобщем рушении или кто в сочинении онаго учавствовал не знает, ибо до открытия революции в Кракове он не ведал ни о каких относившихся до оной намерениях, а когда приехал в Краков Костюшка, то выдал универсал о войне с Россией, чтобы войски вооружались и были в готовности.

2-е. О посторонней помощи Польше утвердительно сказать не может, но по общим слухам надеялись на пособие Австрии, на двор саксонской и на французов, о которых говорили, что прислали уже и деньги к Костюшке. Сверх того думали, что турки и шведы объявят России войну.

3-е. Поелику он не входил в намерения главнейших людей, управлявших заговором, и занимался только должностию по ево званию, то и не знает он, кто из жителей белорусских, малороссийских и новаго кордона находились с ними и с Прозором в сообществе и сношении и делом или словом оному помогали. Что же касается собственно до Прозора, то и сам он и другие говорили, что он хотел в новом российском кордоне сделать возмущение и имел во оном своих сообщников по большей части в войске, но кого именно, не знает. И оной Прозор был полномочным от Костюшки при армии литовской в Вильне, долженствуя наблюдать за поведением генералов и, пользуясь властию, отрешать их от должностей и предавать суду в случае таком, ежели бы оные оказались подозрительными. А переписывался ли он с кем из жителей российскаго кордона, того он, Грабовской, не знает.

4-е. Что подобное польскому возмущение намеревались произвести в Белоруссии и новом российском кордоне — о том носились слухи, но было ли намерение учинить тоже и в других местах, того он не ведает. А последним предметом главных польских начальников по письменному объявлению Костюшки было отчаяние.

5-е. По занятии Вильны войсками российскими он, Грабовской, видя, что военныя силы польския могли бы изпровергнутся, представил генералу Велегурскому, дабы он дозволил ему с порученным отрядом для учинения диверсии войти в новой российской кордон, в которой и вступил по получении от него ордера, содержавшаго в себе то, чтоб, вошед во оной, старался усилить себя принятием в службу тамошних жителей и произвел революцию.

6-е. Костюшко и Велегурской, может быть, имели надежду на когонибудь из жителей новаго кордона Белоруссии, но он, Грабовской, об них не знал и намерение ево, которое он производил во оном в действо, состояло в том единственно, чтоб движением бывшаго в команде ево отряда отвлечь из Литвы великороссийския (войски). А для произведения возмущения ожидал повереннаго от Костюшки, к которому, чтоб изпросить сие поручение, отправился минской староста Бржостовской. Хотя же во время движения ево, Грабовскаго, по губернии Минской и был он у некоторых из тамошних обывателей, однако сие случалось не иначе, как во время обеда или ночлега. В прочем из подлых людей, иногда являвшихся у него с тем, чтоб вступить в службу, да и никого не принимал.

7-е. По общему воинскому обыкновению после держанного воинскаго суда с согласия его осуждены на виселицу два шпиона, которые были жиды и из них только один был из новаго российского кордона, а другой из Литвы,

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 163 — 164 об.

№ 133. 25 октября. Из допроса в смоленской комиссии адъютанта С. Грабовского А. Даревского относительно диверсии его начальника

... недвижимую собственность имеет в Минской губернии в Пинском повете деревню Краглевичи, в которой жительствует отец его, бывший в польской службе полковником Юрий Даревский. На верность и подданство ея императорскому величеству не присягал потому, что прежде еще присоединения Минскаго воеводства под российскую державу находился он в польской службе, а отец ево учинил ли таковую присягу не знает. Что в Вильне по прочтении всенародно от учрежденного во оном совета акта, учиненнаго в Кракове о конфедерации, дабы все соединялись к

сопротивлению против российских войск, он учинил присягу. А когда Вильна взята была российскими войсками, то генерал Велегурской по приказу Костюшки полк их под командою полковника Грабовскаго послал в российской кордон, чтобы взять Минск и сделать там революцию, куда они и пошли. Но услышав, что российской полковник Миллер с полком идет вслед за ними, от Минска поворотились на местечко Бобруйск с намерением возвратитца в Польшу. Однако под Любанем нашло на них российское войско и по сражении они взяты в плен. Что во время бытности их в Минской губернии останавливались они в господских домах самовольно и хотя тамошние помещики их принимали ласково, но помощи им никакой не подавали. Из других же тамошних помещиков никто к ним не приезжал и провиант и фураж брали они у крестьян самовольно. И что полковник Грабовской имел ли в российском кордоне на кого надежду к своему вспомошествованию он, Даревской, не знает и советывали ли о чем и с кем из тамошних жителей – не видал.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 164 об.

№ 134. 25 октября. Свидетельства в смоленской комиссии шембеляна Ц. Саваневского о своем участии в диверсии С. Грабовского

В бытность свою в Вильне по знакомству с Морикони членом и в тот день бывшим президентом открытаго при произшедшей в Вильне революции совета, в котором президенты переменялись ежедневно, посылан он, Саваневской, нарочным с письмами до произшествий виленских относившимися в Варшаву к тамошнему президенту Закревскому и от него был отправлен обратно в Вильну с ответом, коего содержание ему неизвестно. При отряде Грабовскаго находился он по прозьбе только Бржостовскаго с ево екипажем, а полномочным отнюдь не был и потому не имел ни от кого никакого наставления и не исправлял при сем отряде никакой должности и не знает было ли у кого какое наставление, что и Грабовской утверждает.

Грабовской, вступя в российской кордон, виделся с живущим неподалеку от Минска отставным из польской службы полковником польским, которой высылал ему обед в деревню Поляны и после обеда сам приезжал к Грабовскому и разговаривал с ним с час. Еще при побеге своем из Минской губернии заезжал Грабовской с ним, Сованевским, идучи в Бобруйск, к войсковому дворянину и в Глуск, к Юдицкому, великому стражнику литовскому, а во время движения к Минску заезжал в деревню Птичь, принадлежащую, сколько он, Сованевской, помнить может, помещику Свиде. Прежде же того,

проходя местечко Раков, выпроваживал ево из онаго молодой шляхтич Торчинский. Но имел ли он, Грабовской, какую связь и какую надежду из жителей новаго российского кордона и Белоруссии, а о впадении в российский пределы было ль от кого ему повеление, того не знает. Видел он, Сованевской, двух повешенных жидов по приговору офицеров с дозволения Грабовскаго якобы за то, что они были шпионы: однаго в Ивенце, а другого в Полянах.

В Полоцк приезжал он, Сованевской, сего 1794 года великим постом по той причине, чтоб по случаю сватовства его к дочери полоцкого подвоеводы Ивана Корсака для склонения его к тому иметь помощь от приятеля своего полоцкаго аббата Шулякевича. А при сем случае имел препоручение от Бржестовскаго о исходатайствовании пашпорта беглому российскому человеку, живущему у госпожи Быковской, а другова никакого намерения не было.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 166 об. – 167 об.

№ 135. 25 октября. Из показания в смоленской комиссии И. Козела о своем участии в диверсии С. Грабовского

... Выбран комисаром ко всему войску литовскому по требованию Стефана Грабовскаго, дабы доставить ему продовольствие. Занимался он, Козелл, сим попечением и в тож самое время, получив от него известие, что Вильна взята российскими войсками и чтоб он с ними соединился, приехал к ево отряду и был при оном до самого разбития его. Наставление, данное ему от депутации центральной, сколько он упомнит, состояло в том, во-первых, чтоб довольствовать войско провиантом и фуражом, во-вторых, чтоб не делать обывателям обид и притеснения и давать им за забираемый припасы квитанции, которыя зачтутся в число податей, в-третьих, он был снабден властию у каждого обывателя отбирать на войски излишней хлеб и корм, оставя им столько, сколько на необходимый их потребности в год надобно, и в -четвертых, пользовался правом арестовать военнослужащих в случае таком, ежели усмотрит чинимыя ими грабительства и насилия обывателям. А сверх того, от варшавскаго вышняго совета имел наставление, чтоб в случае таком ежели узнает о намерении российских войск вступить в какое-либо польское место, то у обывателей отбирать все запасы, к пропитанию служащие, и оные свозить в большой магазейн, учрежденной сперва в Вильне, а потом в Ковне. Однако надобности в том с ним не встречалось. Первое наставление отобрал у нево давыдгородской городничий Дичканец и доставил оное к господину генералу Тутолмину, а другое с прочими его вещами осталось в Вильне.

Стефан Грабовской, находясь еще в Липунах, просил у генерала Велегурскаго дважды дозволения о впадении в пределы российские и по последнему своему представлению получил повеление итти к Минску. А имел ли Грабовской от жителей белоруских какое уверение или с кем из обывателей новаго российскаго кордона переписку и на кого из них надеялся, того не знает. Но ожидали из Варшавы прибытия полномочнаго, которой бы мог завести с жителями сношение и в которую должность думали быть определенным старосте минскому Бржостовскому, уехавшему в Варшаву для того ли, чтоб изходатайствовать себе от оной увольнение или с тем, чтоб выпросить оную Бржестовскому, однако, надлежало быть полномочным при отряде Грабовскаго, а литовской полномочный есть Прозор и важность звания онаго состоит в том, что начальствует и повелевает надо всеми вновь учрежденными местами и чиновниками и, как наместник Костюшки, пользуется властию каждого чиновника и даже частнаго предводителя войск или генерала в случае арестовать в случае таком, ежели усмотрит в нем предосудительное поведение во вред зделаннаго ему препоручения и возложенной должности.

Грабовской хотел занять Минск и выдать тут универсал о революции подобна тому, как и все польские генералы имели повеление объявлять революцию во всяком том месте, в которое они вступят или оным овладеют. С движением отряда онаго Грабовскаго, как он Козелл думает, повешены в новом российском кордоне шпионы, один мужик и два жида, по праву воинскому.

РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 2869, ч. 1, л. 167 об. – 169.

№ 136. Из воспоминаний А. Китовича о своем посещении резиденций минских вельмож во время диверсионного рейда С. Грабовского

Имея еще со времени революционной власти намерение съездить к своим родителям, живущим в Игуменском уезде, заручился я формальным академическим свидетельством с большой печатью за подписью ксендза Мартына Почобута, ректора виленской академии, кавалера орденов Белого орла и святого Станислава. Однако депутация безопасности тогда же отсоветовала мне выезжать из Вильна, уведомив об опасностях, грабежах и разбоях, царящих на дорогах. Когда же Вильно заняли российские войска, то мне показалось, что теперь-то я легко получу паспорт на поездку за Минск под Игумен, предъявив то свидетельство. Генерал Кноринг спросил: к чему служит мне свидетельство ? Но когда согласился, то имел со мною конференцию, расспрашивая о состоянии академии: кто в ней обучает и где находят-

ся учителя. Поскольку тогда в академии никого не было, то я не мог как следует у кого-либо осведомиться. Все, что я ему говорил, он жадно записывал и затем велел мне идти в дивизионную канцелярию за паспортом. Но едва я рассказал ему о вчерашнем грубиянстве дивизионного майора, то он велел своему доброму адьютанту пройти со мной в дежурную с поручением, чтобы паспорт написали в его присутствии с приложением печати и потом представили ему на подпись. Дивизионный майор коршуном взирал на меня, но адьютант именем генерала тут же потребовал паспорт, который сам же отнес генералу и затем вручил мне с его подписью.

Наняв у минского еврея-маркитанта повозку с парой лошадей, отправился я без большой опаски ошмянским гостинцем в Минск... Ночуя в Луковице за три мили от Минска, прознал я, что вчера, то есть в воскресенье, подполковник Грабовский, который одним из первых революционеров привел свой 7-й полк в Вильно, неизвестно почему пошел было на Минск и находился за две версты от Минска в Недвежине. Из-за этого Минск быстро закрыли со всеми учреждениями, все архивы и кассы вывезли на борисовский тракт, о чём достоверно я узнал, приехав в Городок пана Хмары. Мой жид-фурман занялся чтением молитв в здешней корчме, а комиссар воеводы Хмары пан Павловский, тесть Каламитеса Мочульского, видя меня едущим из Вильна, откуда даже птиц в Минск еще не прилетало, с большой любезностью интересовался у меня о виленских событиях. Пока я расписывал их ему сидя на сложенных у корчмы брусьях, как тут прибыл пан кравчий Гедройц (ставший потом минским губернатором), ехавший с минским фарисеем обозом из 4 лошадей и с каким-то другим вельможным паном из фольварка Сенькова от воевод Хмаров, у которых ночевал.

Пан Гедройц, знакомый мне уже несколько лет, выскочил из фаэтона и узнав, что я еду из Вильно, потащил меня на конференцию в конец овина, где стал расспрашивать — жив ли Станислав Прушинский, генерал-адъютант польских войск ? Зная о сем за несколько дней до оставления Вильна, я уверил его, что тот бесспорно жив, а вот швагер его, пан Томаш, посещающий 4-й класс виленской школы, уже несколько недель как умер из-за случайного выстрела собственным пистолетом себе в щеку. Услыша сие, пан кравчий попросил меня хранить это втайне и заехать до его тещи в Королевичи, а желая своей осведомленностью о революционных новостях потешить воевод Хмаров, он уговорил меня заехать в фольварок Сеньков, где и рассказать о той виленской революции. Узнав, что мною нанята лошадь, кравчий тут же велел комиссару дать мне повозку, обеспечить подорожных лошадей всем потребным и рекомендовать меня воеводам как незнакомого человека.

Тут же появилась моя тройка лошадей. Комиссар сопровождал меня до

самого фольварка и моей квартиры, с прибытием в которую он ввел меня во дворец, где представил воеводам как друга пана кравчего. Там мне сразу же подали кофе, а узнав, что капелан-бернардин уже ждет на службу, воеводина уговорила меня, как путешественника, выслушать проповедь. Едва все мы отправились в часовню, наверху того же дворца, где сыновья воеводы уселись на лавочке слева, а я левее их, как тут в часовню вбежал лакей с известием о том, что приближается какое-то войско. Воеводицы, бросив слушать проповедь, спросили меня, — чьё это войско. Я отвечал им, что то, вероятно, польское войско, поскольку вчера один из его отделов пошел на Минск для захвата его с тыла, а сегодня, вероятно, движется для совершения в Минске подобное виленской революции. Я не знал еще, что минский воевода Хмара, делегированный вместе с генералом Висчинским в 1793 году к российскому трону, на котором еще царила найяснейшая Екатерина II, для передачи Минского воеводства под российской скипетр, заслужил у нее особые милости, получив орден св. Андрея и чин тайного советника, а затем, будучи преданным России душой и сердцем, не принял польской революции — словом, чурался поляков и литвинов, только бы его не трогали. А был тот пан недурен губой, статный, с польским обхождением, старше 70 лет и сивый, как голубь. Сама же пани воеводина, немного сухощавая, низкая, расторопная, была столь приятной в беседах, что я, будучи молод, всецело в нее влюбился.

Когда мы спустились на середину замкового двора, я поведал им революционные события: о казни на виселице с патриотическим энтузиазмом Косаковского и Швыковского, хотя не догадывался, что та казнь не была по вкусу самому воеводе. Словом, он с тревогой спрашивал меня — не знаю ли я командующего идущим польским отрядом, нет ли там майора пятигорской или Пинской бригады Эйдятовича, его родственника, не знаю ли я его и т. д. Словом, в своем затворничестве он настолько ослабел, что интересовался у меня — не сделают ли ему поляки чего худого ? Я утешил его тем, что поляки идут, чтобы только подать руку угнетенным и высвободить обывателей из неволи. Но все то не нравилось ему. Пани воеводина, стоявшая на подворье между мною и своим мужем, велела конюшему сесть на лошадь и взобраться на гору, чтобы узнать, какое это идет войско. Едва конюший стрелой полетел из конюшни на гору, как я продолжил свои повести о ревилюционных приключениях. Спустя четверть часа примчался конюший с известием, что это российское войско!

Воеводина от радости всплеснула руками и подскочила со словами: «Слава богу, может, станут в нашем местечке. Надо заложить тройку и отвезти в корчму 10 буханок печеного хлеба, 20 бутылок закупоренного

пива, ящик масла и разных колбас для угощения офицеров». Пан воевода сразу успокоился и повеселел в своем длинном гранатовом сюртуке, уже не говоря мне ни слова и ни о чем не спрашивая. А я устыдился своему патриотизму и осознал, как опасно надеяться на большее от сих панов, даже имея по случаю паспорт генерала Кноринга. Едва мы вернулись в комнаты дворца, как воевода заметил, что гости пойдут из местечка во двор пешком, тогда как от дворца аж до самого местечка через гору прорезана просто выбитая улица. Он тут же вызвал камердинера и ушел в гардероб убираться и сменить прекрасный польский гранатовый сюртук или копот. Убравшись в летний кубрак со звездою и орденом св. Андрея, он вышел в покой, где я забавлялся в своем подорожном сюртуке телесного цвета, поскольку пан кравчий не разрешил переодеться, говоря, что в дорожном сюртуке я буду принят в доме сенатора за любезнейшего гостя. Это придало мне фантазии и смелости при повествовании о былой польской революции.

Тут на подворье въехало около 20 лошадей с прислугой и казаками. В горницу вошли полковник Снарский, полковник Миллер, майор Тауберт, есаул, или какой-то казачий офицер, и несколько других офицеров, оказавших воеводе почтение как российскому генералу. Полковник Миллер был очень угрюм, но майор Тауберт с надутой губой обратился к воеводе: "Господин воевода! Мы приехали уберечь вас. Вот поляки с Грабовским пошли уже на Минск, а мы уж учиним им баталию". Затем он стал говорить, как опасны ныне поляки за то, что повесили магнатов в Варшаве и Вильне.

Спустя минуту был уставлен стол, и гостям подали сенаторский обед в изобилии всего и вся: великолепно убранная прислуга с удивительной ловкостью и сноровкой все ставила и убирала. Запамнились и прозвучавшие вскоре приветствия военных, особенно майора Тауберта, который позже станет полковником и долгое время простоит со своим полком в Минске. Он попросил у воеводы повеления выдать на их команду 10 бочек овса и 20 возов мурожного сена под их квитанции. Был он в мундирном кубраке, подвязанном черной подпругой, и с плетью за поясом, — и так и уселся за сенаторский стол. В столь многочисленной кампании хотел я занять за столом низшее место и стал спереди стола, не зная, что там сели и воеводицы Хмары. Получилось же так, что я сел справа от воеводины, а правее от меня сел адвокат Хмаров Мочульский, прозванный Каламитесом, имевший привычку повторять такое выражение: "Каламитас". По другую сторону стола сели офицеры, а пан Тауберт оказался напротив меня.

За столом пан воевода спросил майора, — каким образом делалась ви-

ленская революция ? Майор Тауберт стал нести несусветные вещи о том, как все виленские обыватели получили от Ясинского приказ мучить русских постояльцев, заливать им глаза варом или ослеплять. Я же с нетерпением сказал: все то сказки, ибо никаких зверств не делалось, а тем более, что о том происшествии революции никто из обывателей и виленских хозяев даже знать не мог. Пани воеводина толкнула меня в ногу и под бок, требуя меня замолчать, ибо мне ничего не известно, так как в виленской академии я обучался наукам, а не военному делу, и что я по знакомству с ними моих родичей, державших принадлежавшую к столовым добрам ксендза и виленского епископа Масальского Игуменщину, заехал к ним, ничего не ведаючи. Однако майор тут же признал, что все знает и, оставив свои бахвальства, стал выпытывать у меня мелочи. Не взирая на толчки сидящей слева от меня пани воеводины, я вынужден был скромно отвечать внимавшему молодцеватому и очень интересному майору. После долгих дискуссий он спросил меня – сколько же полегло москалей при первой атаке Вильна, если полковник Караваев убит на Заречье, а Деев – за Острой Брамой ? Я сообщил чистую правду, которую нам извещали газеты, о том, что из вскрытых могил и показаний дезертиров убитыми оказалось всего около 1700 русских, за что еще сильнее был толкаем в ногу и вычитан, что из-за учёбы в академии ровно ничего не знаю о военных происшествиях.

После обеда подали обилие вин и пили за здоровье руских полководцев, подавлявших революцию в корне, что меня страшно стыдило. После подали кофе, при котором в покои вошел арендатор из Городка, любимец пана воеводы, уже немолодой и хорошо одетый красавец-еврейчик, который стал жаловаться на то, что у него забрали все мурожное сено из овина. На глазах у полковника Миллера и воеводы Тауберт спросил арендатора: “Сколько же там было возов сена?” Арендатор отвечал, что было не более 40 возов. Майор вытащил из-за пояса плеть и, вращая ею перед носом жида, сказал: “А вот выпорю тебя этой нагайкой, так скажешь, что было только 20 возов”. Меня немало удивило такое обхождение майора в сенаторском доме в присутствии своего полковника. Затем господа офицеры, полковник и майор попросили воеводу в отдельный покой, где предложили ему оставить свой дом и ехать с ними в их лагерь для личной безопасности, ибо иначе поляки могут схватить его и повесить. Воеводина пришла ко мне за советом, объявив о предложении ее мужу. Осудив тот проект, я советовал ему сидеть дома безо всякой боязни, будучи уверен, что поляки, если и придут, то не учинят ничего дурного смирному обывателю. После того, как вышедшая к господам штаб-офицерам воеводина объявила, что обыватель не должен мешаться ни в какие партии, а лишь обязан слушать того, кто царствует, пристыженные господа штаб-офи-

церы, не одурачив пана воеводу, поехали со двора в местечко на полковые квартиры и в Минск, где разбили свои палатки и лагеря в поле под св. Юрием (ныне дом архирея и новый город).

Получив от панов воевод благодарность и поручение кланяться пану кравчему Гедройцу и ответ на его представления, я вернулся к своему извозчику. При проезде моем Минска среди рот со мной познакомился один молодой офицер, бывший во время революционного дня в Вильне и при пушках на Погулянке. Он поведал мне, с каким трудом провозили те пушки через Понарскую гору без лошадей и что их бросили бы, если бы не подоспело с тыла немного людей... На следующий день поехал я в имение Прушинских Королищевичи, беспокоясь, каким образом без извозчика пристрою лошадь. Однако на счастье повстречался мне камердинер пани генеральши Прушинской, который верхом возвращался из Минска, который сопроводил меня до самого дома, провел меня боком на подворье вместе с моей кобылкой аж к самому крыльцу и пристроил охрану к моей лошадке и вещам.

Прибыв к зданию резиденции, нашел я у крыльца дома фаэтон и тех четырех лошадей, которых за три дня прежде видел в замке Городка. Вскоре я был представлен моим знакомым кравчим своей теще, пани генеральше Прушинской, словно давнийший его приятель,.. а сам, по вызову господина генерала Нумерса, вынужден был убыть в Минск для отчета: для чего он виделся с Грабовским в местечке Узлонах, принадлежащем пану Гедройцу?

... После ужина мы развлекались в зале до самой полуночи. Привлекательная дочь всё время стояла за креслом матери и слушала мои бесконечные революционные истории, ибо, начитавшись виленских газет и всяких патриотических писем, я многое тогда знал по свежей памяти и умел. Рано поутру я встал, оделся и, не видевшись с госпожой, выехал в Смиловичи для продолжения своего пути к родителям, на чем и завершилась моя революционная карьера.

Перевод с польского ред. Выдержки цитируются по изданию: Pamietniki ks. A. Kitowicza. Lwow, 1882, t. 3. s. 138 – 148.

№ 137. 20 августа. Предложения П. Цицианова Н. Репнину относительно истребления отряда С. Грабовского

... не могли итти по дороге изъясненной при рапорте моем к вашему сиятельству, отправленном вчерашний день, потому что при деревне Цели на реке не было мосту. Принужден я был итти по той, где сожжены мосты и, преодолев то препятствие, построил два моста: один более ста сажен, а

другой небольшой, но встретил новой в Свислочи мост чрез реку того ж имени, но и он сожжен, чрез которой неприятель, перейдя, побежал в Бобруйск, отделя от себя двесте человек конницы чрез реку Березину, которыя на Любоничи, как видно, для сожжения же мостов (направлены). Все сии открывает намерение их итти в Рогачев. А потому, переправясь чрез Березину, пойду по левому берегу оной прямо на Рогачев, что хотя они будут делать мосты и двумя сутками впереди меня, но, будучи также принуждены переправится в Бобруйске чрез реку паромами, (тем) удобнее мне будет их нагнать.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 151.

№ 138. 22 августа. Рапорт премьер-майора ДеТоли П. Цицианову о сражении с Грабовским под Глуском

Вчерашнего числа ввечеру имел я честь вашему сиятельству донесть, что я преследовал неприятеля до одной мили от Глуска, а к ночи подступил в полумили от Глуска, чтобы иметь дефилиев, которыя я перешел перед собою. Сего дня по полуночи в 4 часа выступил я к Глуску и был в 6 часов ввиду неприятеля, которой расположен был на правой стороне Птичи реке, имев в левом фланге местечко и перед фронтом ведущей через сказанную реку мост, на которой три мельницы. Неприятель хотя еще весь и в своем лагере, но совсем к выступлению в готовности был. Встречал он меня кононадою, на которую и я своею пушкою отвечал. И сжег он между тем мельницу и мост один и зачал обоз свой отправлять, а казаки искали брода, перестреливаясь с неприятелем. Ожидал я ту минуту, когда он в поход выступит.

Как скоро он только с места тронулся, бросился господин секунд-майор Вершинин с своими козаками в брод за ним, Санктпетербургскаго драгунскаго полку секунд-майор Плеханов с своим ескадроном на подкрепление, а рота санктпетербургских гранодер под начальством капитана Летехина пошла просто через гребль и горящей мост. Первые шли шаг за шагом неприятеля, а последний пересек им дорогу и потом прогнали ево чрез местечко. Карабинерные ескадроны переправились с пушкою бродом и спешили на помощь к сражающимся с неприятелем за местечко козакам, драгунам и гранадерам и подоспевали в самое то время, когда неприятель, собрав все свои силы, вознамерился на наших ударить. Но два пушечныя выстрелы повернули ево тот час в бегство. Неприятеля на месте убито довольное число. В полон взято в сражении 50 человек с ранеными, отбиты бывшия у него в полону порутчик Евневич, корнет Захарович. Часть глускаго магазейна роздана была обывателям...

большая часть неприятеля врозь разогнана и прячутся по лесам, но, верно, мужиками пойманы будут..

АВПРИ. ф. 79, оп. 6, д. 1841. л. 199 – 199. об.

№ 139. 24 августа. Из рапорта П. Цицианова Н. Репнину о поражении С. Грабовского под Любанью

Наконец богу угодно было увенчать усердие войск со мною шедших в погоню за неприятелем знаменитой победой после четырех часов сражения, в котором взяты были пушка трехфунтовая. Неприятель, догнанной почти до реки при Любане от деревни Еремивичи, выслал ко мне просить помилования, сдаваясь на мою дискрецию, по которой господин Грабовской со всеми штаб и обер-офицерами и всем войском сдался военнопленным. Вся пехота уже обезоружена, а кавалерия завтре при переправе с того берега реки также должна отдать оружие. Добыча состоит в трех орудиях: двух шестифунтовых и одной трехфунтовой — всего четыре и во всей их казне. С неприятельской стороны урон в убитых и раненых весьма немалой. С нашей стороны убитых только из нижних чинов малое число. Ранены же Смоленскаго драгунскаго полку премьер-майор граф Головин, взявший с ескадроном вышесказанную пушку, нелегко полковник Вершинин, Санктпетербургскаго драгунскаго полку капитан один, Ингермландскаго карабинернаго ротмистр один, корнет один, да нижних чинов небольшое число. Спеша о всем том донести вашему сиятельству буду иметь честь вслед за сим подробнейше сделать донесение и надеюсь открыть большую добычу, потому что слышал, что неприятель кинул в лесу с подбитым лафетом пушку.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 93 — 93 об.

№ 140. 29 августа. Подробный отчет П. Цицианова И. Репнину о сражении под Любанью

Видя крайнее изнурение войск моего начальства от одинадцатидневнаго безпрерывнаго марша, сделав более восьмидесяти миль в течение оных, принужден будучи взять с половины дороги для облегчения себе в марш и за недостатком подвод под пехоту с собою только шесть ескадронов карабинер, один баталион гранодер на подводах и четыре орудия полевой артилерии малаго калибра, терял я всю надежду в успехе моего преследования за неприятелем, тем паче, что он, забирая подводы и хлеб предо мною, сжигая и разоряя мосты за собою на всяком шагу, так сказать

меня останавливал. Но кой час я услышал, что он от стычки с моим авангардом под начальством отличнаго в военном искусстве Санктпетербургскаго гранадерскаго полка премьер-майора и кавалера Барклай де Толли под Глуском, потеряв там около ста человек в убитых, раненых и пленных, кинулся по слуцкой дороге и с оной своротил от деревни Осевцы влево к переправе чрез реку Орезу при Любане, зная, что переправа его задержит по причине непомерной широты той реки в том месте, зная, что также он окружен непроходимыми там болотами и получа известие от авангарда, что он еще в лесу за собою чрез топкое болото сжег весьма долгой мост, вознамерился я, твердо уповая на помощь божию, переправясь поспешно при корчме Орезе на пором спущенном ими и паки возвращенном, а частью вплавь, перерезать ему путь, стараясь его захватить так, чтоб еще не все войско его успело перебраться на правой берег и малосильным своим отрядом притеснить его.

В ночь переправы моей я вашему сиятельству имел честь донести из сказанной корчмы, отколь, окончa переправу в шесть часов утра, пошел я чрез Уречье к Погосту, но, получа известие, что авангард мой пошел к Еремивичам, что неприятельская пехота уже на правом берегу реки и что готова выступить в марш к Погосту, тотчас отряди эскадрон карабинер и роту пехоты с полковой пушкой к дефиле и к тому мосту, в лесу, что неприятель сжег, чтоб запереть их среди тех болот. Сам же с местечка Уречья своротил я к деревне Еремевичи, в трех милях еще отстоящей. Тут то я видел усердие войск наших, целую ночь переправляющихся и две мили уже до Уречья сделавших. Три мили конница и артилерия, несмотря на усталость лошадей, ехала в рысь и безподобныя гранодеры, из коих только третья часть имела утомленныя подводы, не отстали от конницы и бежали чрез целыя три мили.

Едва из леса малая моя колона показалась для соединения с авангардом, я же, опередя колону, хотел осмотреть местоположение, как неприятельская колона по дороге ведущей из Люблин к Еремевичам уже появилась и, увидя часть нашей конницы, стала поспешно выстраиваться. А потому не оставалось мне как выбрать возвышение для батареи, при установлении еще которой неприятель уже открыл свою. Гранадеры, бежа по частям из леса и разтенувшись от подвод, едва построились за батареи. Левое крыло моей позиции прикрыто было непроходимым болотом, а правое – лесом и болотом же. Скоро по открытии нашей батареи отличный, усердный и храбрейший капитан артилерии Юматов заставил неприятельскую молчать и оступать, обретя в бездействие их орудии, не имевший ни запасных колес, ни лафетов к ним.

Неприятель погнулся и начал отступать своей пехотой. Конница же моя не могла удачно ударить от усталости лошадей и от того, что непри-

ятель при отступлении, проходя лес, засадил против нее стрельцов в оной. Тут тотчас послал я охотников с сержантом Санктпетербургскаго гранадерскаго баталиона Никитою Валеевым, который, оправдав мой выбор, выгнал неприятельских стрельцов из леса. Три раза неприятель отступал и три раза, останавливаясь, выстраивался. Но в последний раз конница ударила при отступлении, то есть два ескадрона карабинер при полковнике и кавалере Бардакове, ескадрон Санктпетербургскаго драгунскаго полку при безпримерно храбром секунд-майоре Плеханове и козаки при полковнике Вершинине..., после чего неприятель ретировался в Любань и выслал майора Нелепца просить пощады, сдаваясь на мою дискрецию.

Я принял то предложение и начальник полковник Грабовской со всеми штаб и обер-офицерами и всем войском сдался военнопленным. Тут я из великодушия, свойственнаго победоносному российскому войску, возвратил штаб и обер-офицерам их шпаги, оставя при них их екипажи, предоставя как разумеется власть возвращать то, что на дороге было забрано. Все военныя действия были остановлены, пехота обезоружена. Конница же на левом берегу, не получа еще с сего берега известие о здаче, по моему отряду, сделав несколько выстрелов, также здалась. Сия знаменитая победа доставила нам пять пушек, то есть две шестифунтовых и две трехфунтовых, да с того берега одну фунтовую, и казну хотя небольшую, состоящую только в 2242 рублях, в 61 человеках штаб и обер-офицеров и 1003 человеках пленных во всем их оружии, лошадях от конницы и артилерии и всего того, что было казенное. Убитых с их стороны было более двухсот, да столько же погребли себя в реке Орезе. Раненых до ста человек.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 232 – 233.

№ 141. 3 сентября. Выдержка из рапорта Н. Репнина Н. Салтыкову об истреблении остатков отряда С. Грабовского под Выгонищами

Милостивый государь мой, граф Николай Иванович! Бежавшей авангард Грабовскаго с пушкою посланным с одной стороны генерал-майора князя Цицианова за ним в погоню Ингермландскаго карабинернаго полку секунд-майором Сакеном и высланным с другой стороны навстречу из Пинска от бригадира Львова Украинскаго легкоконнаго полку премьер-майором Ивановым близ уже нашей границы между Несвижа и Пинска при деревне Выгонищи разбит и взято в плен шесть офицеров, стотридцать рядовых и две пушки. После чего, кажется, что разве поодиночке которые из сей шайки скитаются по лесам, а, протчие все переловлены.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 287.

№ 142. 4 сентября. Расписка профессора брестских школ С. Лавриновича в поставке рекрут на нужды восстания

Обыватель Симеон Лавринович, профессор брестских школ, самолично подал в акты квитанцию за подписью обывателя полковника Пашковского и обывателя Выгоновского, комиссара отдела военных нужд, выданную управляющему Речицким графством за поставку 5 конных солдат в полном обмундировании с 250 дворов в фольварках Речица, Селище и Горелки.

НИАБ, ф. 1741, д. 75, л. 78 об. Перевод с польского ред.

№ 143. Сентябрь. Дело по жалобе шляхтича Я. Ельца о непринятии рекрут в посполитое рушение Брестского воеводства

Ян Елец, обыватель Брестского воеводства, самолично подал свидетельство в том, что он согласно повелению завербованных из охотников и на свои средства экипированных рекрут с 5 дворов предоставил со всеми реквизитами в Брест комиссару депутации Яну Немцевичу. Когда же по требованию того комиссара о проверке наличия среди представленных от околицы Тарасовка он не мог несколько дней добиться принятия их Франковским, то и вынужден был отослать рекрут назад.

НИАБ, ф. 1741, д. 105, л. 142 об. Перевод с польского ред.

№ 144. Сентябрь. Судебный иск по делу о сборе посполитого рушения в пружанской парафии Брестского воеводства

Григорий Поплавский, солдат литовской конной гвардии, самолично и найторжественнейше жалуется на пана Ежи Плавского, ротмистра Слонимского повета, в том, что обжалованный, не довольствуясь непрестанными притеснениями и неоправданными издержками на имение его родителей Шидловщина в пружанской парафии Брестского воеводства, а также многолетним удержанием имения через насилия и путем неправых наездов, в нынешнем году, когда доносчик после увольнения жил у своих родителей, тот Е. Плавский, в ряду производимых других жестокостей не представил на 8-й день в Брест рекрут согласно универсалу, а продавал другим людям подданных из имения Шидловщина и самого жалобщика, стоявшего в шляпе у забора при доме своих родителей, безо всяких причин избил немилосердно палкой, бил железным заступом по плечам, рукам, голове до тех пор, пока не насытил своей злобы, не уважая на то, что жалобщик только временно был в заставном доме после оставления полка из-за слабости в ногах.

НИАБ, ф. 1741, д. 105, л. 122 об. — 123. Перевод с польского ред.

№ 145. 6 сентября. Предписание генерала гродненской милиции К. Ельского об увольнении шляхтича А. Немчиновича из посполитого рушения

Константин Ельский, генерал-майор милиции Гродненского повета. Когда по истечении 4-летнего времени согласно ордеру ясновельможного генерал-лейтенанта и командующего Ясинского наступил срок сбору посполитого рушения шляхты и обывателей Гродненского повета и обыватель А. Немчинович, действительно исполнявший в том посполитом рушении обязанности ротмистра в виду своих интересов наряду с другими обывателями пожелал получить увольнение, то я, уважив просьбу, увольняю указанного Немчиновича. С этого момента он правомочен, где хочет, получать военную плату либо исполнять гражданские должности и никак не подчиняется моей команде.

НИАБ, ф. 1755, д. 79, л. 852. Перевод с польского ред.

№ 146. 5 сентября. Предписание Екатерины II Н. Репнину относительно разоружения Вильна

Князь Николай Васильевич! В одном из донесений ваших видя, что в Вильно (остались) на литейном доме вылитые пушки уже и после занятия города сего войсками нашими и судя по тому, что мастеровые, принадлежавшие арсеналу, достались в руки наши, то и повелеваем вам всех таковых людей, принадлежавших к виленскому арсеналу, яко военнопленных отправить на Брянской литейный завод и равно и годные инструменты и припасы, истребляя то, что не стоит перевозить, дабы в Вильне не оставалось ничего таковаго, посредством чего возможно б было возобновить литье пушек, сообщив нашему генерал-фельцехмейстеру, графу Зубову, о людях тех именные списки с означением мастерства их и содержания, кое они получали, дабы по тому и в Брянске соответственное определить можно было, а о инструментах и припасах ведомости.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 85 – 85 об.

№ 147. 5 сентября. Письмо Екатерины II Н. Репнину с выражением политических расчетов при полном овладении территории литовского восстания

Князь Николай Васильевич. Донесении ваши чрез премьер-майора князя Цицианова и чрез подполковника Новосильцева мы получили. По

первому не можем мы не изъявить вам благоволения нашего, ровно как и генерал-майору князю Цицианову, что ему и бывшим с ним и объявить повелеваем во ожидании подробнейшаго от вас донесения, по коему могли бы определить каждому достойную награду. Сие щастливое произшествие разрушает замысел мятежников и, много обезпечивая внутреннее спокойствие Минской губернии, тем доставит вам вещие способы для наступательных подвигов.

Снятие осады Варшавы, намерение короля прускаго отступить к границам своим и причины к тому его побуждающие, хотя для общих дел весьма предосудительны, поелику распространением племени мятежа противу законных властей развлекаются силы союзных государем, совокупивших способы свои на истребление чудовища, анархии Европу угрожающаго, но частно для действий воинских, вам предопределенных, могут обратиться к спопешествованию оным, ибо, с одной стороны, соединением с вами войск генерал-поручика Ферзена получите вы новые и знатные способы для скораго и совершеннаго истребления мятежей в Литве и занятия как Гродны, так и Ковны и протчих нужных постов, чем обезпечив не токмо спокойствие в той земле, но и закрыв все протяжение границ наших, соединив к стороне Буга возможное число сил, за размещением из оных нужных постов для удержания Литвы, с помощию божию и далее устремится возможно будет. А с другой стороны, самое отступление короля прускаго и возродившиеся конфедерации в полуденной Прусии, вероятно, что привлекать будут все силы мятежников в ту сторону и к пределам прусским, а сим обращением их в противную от вас сторону могут облегчить успехи ваши. Прусской же король на отражение сих набегов, действуя прямо и единственно за себя, и деятельнее и более способов против них употреблять будет. А с нашей стороны для скорейшаго сей войны окончания всемерно наступательныя действия усиливать должно и не токмо отдалять мятежников от пределов наших, но и истреблять оные повсюду, преподать тем способы союзным нашим более сил своих обратить против французов, угрожающих общему благу и спокойствию.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 86 – 88. Копия.

№ 148. 5 сентября. Мнения Н. Репнина в письме к Екатерине II по поводу оперативной обстановки после захвата Вильна

... не полезнее ли признаете — чем оставаться такому числу войск в недействии при Вильна, обратиться к наступательным подвигам, дабы не токмо искоренять мятежников и действительно оными охранять Вильну от набегов их. А чтобы равномерно оный город обезпечен был и от стороны

Гродны, то учиненные вами отряды от корпуса генерал-поручика Дерфельдена, кои и войсками князя Цицианова и полковника Миллера усилены быть могут, подвинувшись до Лиды и далее, обращаясь в тех окружностях, пресечь возмогут все пути и от Гродны к Вильне. Сими мерами по воинской части, обезпечив Вильну от внешняго нашествия сил мятежнических, прежде всего наше внимание обратить должно на внутренне спокойствие и устройство онаго, дабы не возродилось в нем какого-либо возмущения, хотя оное без подкрепления войск, теперь повсюду поражаемых, и кои стремительно изгоняемы быть должны, не давая им времени ни опомнится, ни собирать, ни соединять против нас способы, ни малейшего успеха иметь и по невыгодному положению города сего, который сам собою без подкрепления войск никак держаться не может, обратилось бы то в единственную и неминуемую гибель онаго.

Но со всем тем для обезпечения спокойствия в оном, отобрание от жителей всякаго оружия, вывоз всяких воинских припасов из города, отлучение тех из обывателей, кои учавствовали в бывшем заговоре и сделались известными при открывшемся тогда бунте, наконец, учреждение в городе сем времяннаго от власти нашей правления, составившаго из лучших тамошних обывателей, которыя бы влиянием и доверенностию от сограждан своих могли иметь власть над оными и на коих в соблюдении спокойства более бы считать возможно было не токмо по образу мыслей, но и по естественному желанию сохранить собственность и соблюсти благо ближних своих, для чего и выбирать людей достаточных и свойство имеющих, дабы то и другое ответствовать могло в верности их, а потом взять от города сего достаточное число заложников и оставив пред оными в поле легкой отряд для ближайшаго надзора за происходящем в городе сем. Сии меры предосторожности, кажется, не безнужны с таким городом, которой уже единожды попустил себя на столь мерзкия неистовства. Когда же всеми сими способами в сохранении спокойства обезпечены будете, то обращение войск, тут находящихся, к наступательным действиям много прибавят вам средств к скорейшему и окончательному истреблению бунта. Прибытие же господина графа Суворова-Рымникскаго с корпусом к Бржестулитовскому и утверждение связи им и генерал-порутчиком Дерфельденом и тот край обезпечит. А генерал-порутчик Ферзен, перейдя Вислу и простирая действия свои на наш берег сей реки, усугубит возможности до конца истребить мятежников в черте, назначенной для обнятия войсками нашими.

Пребываем в прочем вам благосклонны.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 91 об. – 94.

№ 149. 5 сентября. Ордер А. Суворова бригадиру Дивову с просьбой о неотложности соединения под Кобрином

Я с корпусом войск ныне обретаюсь при Кобрине, откуда незамедленно выступлю к Бржесцу, где поляков находится более 16000 регулярных с 24 орудиями. И как чрез сие сторона Пинска обезпечена, то вследствие сего ваше высокородие, естли вы не обязаны с отрядом вверенным вам важным каким вниманием, извольте поспешить ко мне к Бржесцу, где ваше скорое прибытие весьма нужно.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 317. Копия.

№ 150. 5 сентября. Отрывок из рапорта А. Суворова Н. Репнину о разгроме восставших под Кобриным и Дивино

... я с корпусом войск ныне обретаюсь при Кобрине, где вчерашнего утра передовыми козаками находившаяся польская регулярная партия до 400 при генерале майоре Рушиче разбита так, что едва могло спастись до 50 человек, а генерал при сближении нашем за полтора часа ушол. Протчие побиты и до 80 человек с полковником Верещаком и несколько офицерами взяты в плен. Также 3-го числа при следовании с корпусом при местечке Дивине таковая ж партия более 200 разбита, из которой разве до тритцати спаслось, прочия побиты и 17 в полон взято с офицером. С нашей стороны при обеих случаях один убит и 3 ранено от казаков. Отсюдова я незамедлительно выступлю к Бржесцю, где по показанию пленных держится поляков при генералах Мокрановском и Ширaковском более 16000 регулярных, ис коих половина старых с 24 орудиями большего калибра.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1841, л. 321.

№ 151. 5 — 6 сентября. Роспись сражения под Кобриным и Дивино в письме А. Суворова графу П. Румянцеву-Задунайскому

Сево сентября на 3-е число при следовании корпуса передовая казачья команда, состоявшая из пятидесяти человек, наехала при местечке Дивин на мятежническую партию более двухсот человек, которая там находилась для разведывания о движении войск наших, и по сопротивлении помянутою командою с подкрепленными еще 100 человеками козаков была совершенно разбита. Урон с нашей стороны в одном пятидесятнике убитом и раненых легко полковник Борис Греков, тяжело одном козаке, о чем имею честь представить поданной мне от господина бригадира и кавалера Исаева рапорт и просить благоволения вашего сиятельства озна-

ченным в том рапорте штаб-и обер-офицерам поступившим в действии с храбростию. Також находившиеся в Кобрине до четырехсот человек при генерале майоре Рушиче 4-во числа на разсвете, быв атакованы козаками, истреблены так, что только могло спастись до пятидесяти человек, а генерал при сближении нашем часа за полтора ушол в Бржест, также и полковник Рушич раненой на сражении пикою. Убито ротмистр один, адьютант раненово генерала старший один и прочих офицеров шесть, нижних чинов более двухсот человек. В полон взято полковник Веращак, ротмистр один, порутчик один и младший адьютант генерала Рушича, наместников и товарищей двадцать, рядовых шестьдесят три человек. И по показанию их, означенныя мятежники спустя подчаса ушли бы к Бржесцу, поелику все обозы отправлены третьево числа ещё в полдне и они были во всей готовности к походу. С нашей стороны урон в двух легко раненых пулями козаков. Обе сии партии были регулярны, больше половины старых...

В местечке найдено заготовленных сухарей весьма малое количество, как и провианта овса сто четвертей, что все отдано в войски, да еще в скирдах рожь немолоченной по начислению четвертей на 1000, которую приказано перемолочивать и после доставлять к войскам. Козаками отбито строевых лошадей более трехсот. По показанию пленных в Бржесте ныне находится мятежников — при генералах Макроновском и Шираковском пехоты больше 13000, кавалерии до 3500 регулярных, коих наполовину старых с 24-мя орудиями, все большова калибру.

И намерены были прибыть вчерашнево числа к Кобрину, а отсюда напасть на Пинск и разбить отряд бригадира Дивова, но когда услышили, что к Кобрину следует корпус, то и остались баз движения в намерении не уступить Бржесця.

Я остановился здесь на сутки с небольшим по притчине, что лошади под артилериею и обозами весьма устали от худой и паче грязной дороги. И как мне с корпусом непременно надлежит быть непрестанно подвижным, поелику по сведениям мятежники, усиливаясь во всех местах, возросли ужа и в Родзине до 6000, между коими нововербованныя соединенны в регулярство так, как мы то видели в здешних партиях.

По соображению всех таковых обстоятельств и в разсуждении, что сторона, где обретается бригадир Дивов, ныне обезпечена, писал я ему, господину бригадиру, естли он не обязан каким важным вниманием, прибыть с отрядом к Бржесту, где он мог бы иметь позицию как для заготовления и учреждения провиантских магазейнов, так и для твердово в помянутом городе поста, о чём дал знать и господину генерал-аншефу и кавалеру князю Николаю Васильевичу Репнину. Но как я сам (не ведом) о прибытии означенново господина бригадира Дивова, то покорнейше прошу

вашего сиятельства преподать мне на то вашею высокою властию найполезныя общему делу способы всеместными повелениями вашими.

(Приписка от 6 сентября). Ваше сиятельство, имею честь поздравить с победою, которая одержана над бржеским польским корпусом, прибывшим к монастырю Крупчицы от Кобрина две мили под командою генералов Мокроновского и Сираковского. Атакованный неприятель сражался сильно более пяти часов, но разбит. Потерял убитыми до двух тысяч и побежал по дороге на Кременец -Подольской. С нашей стороны урон мал. Обстоятельное донесение вслед сево не умедлю прислать. Я с войсками следую к Бржестю, где по показанию осталось их не более тысячи.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1835, л. 256 – 259.

№ 152. 8 сентября. Сообщение А. Суворова П. Румянцеву о победе под Крупчицами

Известной бржеской корпус, уменьшенной при монастыре Крупчице тремя тысячами с генералом Рущицом и многими вышними офицерами, сево числа кончен в околичностях Бржеста, вытерпя храбро поражение холодным оружием чрез восем часов. Едва спаслось от нево 500 человек, потерял 2 гаубицы, пушек 26, в которых малых 2, чугунных 2, прочия все медныя от 3-х до 18-ти фунтоваго калибра хорошей и исправной артилерии, не спасшей ни однаго орудия. Пленных мало и слышу несколько сот. Ея императорсково величества победоносныя войска платили ево отчаянность, не давая пощады, отчево наш урон примечателен, хотя не велик. Баталья была частью в лесистых местах. Поле покрыто убитыми телами свыше 15-ти верст, посему произшествию и я почти в невероятности. Мы очень устали. Спешу ваше сиятельство с сею знаменательною победою покорнейше поздравить, и вручителя сево повергнуть в высокую вашу милость.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1835, л. 260 – 260 об. Копия.

№ 153. 11 сентября. Из рапорта А. Суворова П. Румянцеву о ситуации на западных рубежах после победы под Крупчицами

Разбежавшихся при сражении в леса, кои не здаются и сами не являются, перестреливают поныне егеря и иная пехота, как-то и в болотах, кои в них перетонули. Генерал граф Красинский убит, а Сираковский и Понятовский ушли токмо с пятью или до десяти человек. За ними бежало здоровых нижних чинов не более 150 и толико ж число провезено на подводах из числа

раненых при монастыре Крупчицах. Из бывших у них знамен одно, называемое главное корпусное, взято и другое полковое при сем имею честь вашему сиятельству повергнуть. Протчие ж отыскиваются.

По последним известиям в Гродно находятся генералы Мокрановской и Грабовский с войсками литовской конной гвардии до 2000 и пехоты до 4000, коя почти вся косинеры, да пушек 16 малого калибра. То дабы не дать им умножится и поелику господин генерал-порутчик Дерфельден с корпусом войск команды ево состоит ближе почти вдвое меня, писал я сему господину генерал-порутчику и кавалеру, дабы он найпоспешнее побил, когда уже иново к тому не отряжено, о чем сообщил и господину генерал-аншефу и кавалеру князю Николаю Васильевичу Репнину.

К стороне Варшавы в Янове, Родзине ничево нет и что малое было — ушли к Лошицу, откуда шол Княжевич с 2000 пехоты при пяти пушках сюда на помощь и по победе стремглав обратился назад. Возвещают, что уйдет к Варшаве. Щитают там в околичности таковаго ж Барановсково с косинерами, но невероятно.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1835, л. 271 — 271 об. Копия.

№ 154. 13 сентября. Рапорт А. Суворова П. Румянцеву с изложением оборонительного плана после сражения под Крупчицами

Господин бригадир Дивов отзываетца ко мне, что он с отрядом войск при нем в Янове, близ Пинска состоящих, без разрешения господина генерал-аншефа и кавалера князя Николая Васильевича Репнина к Бржесту прибыть не может и тем более, что в повелениях его к нему предписано прикрывать границы. Но как теперь никакаго сумнения нет, чтоб неприятель дерзнул коснутся оных близ Пинска, и притом слышу я, что таковой же отряд при бригадире Львове находится у самого Пинска, то и еще писал я ему, господину бригадиру Дивову, о немедленном прибытии сюда, ибо я с корпусом моим до прибытия его или господина генерала порутчика и кавалера Ферзена, которой по слухам будто находится в Пулаве, к какому важному и нечаянному движению более неспособен, поелику в Бржесте должно иметь всегда знатную часть войска для твердого поста и учреждения магазейнов, к чему уже приступлено и останусь безсилен.

Взятая у неприятеля артилерия, за оставлением здесь при корпусе четырёх трехфунтовых пушек, последние 24 отправлены сего числа при бригадире Владычине с довольным конвоем на Луцк в Киев и из Луцка сей конвой обратится к корпусу. Токмо останутся для препроважения две роты малороссийских гранодер с несколькими десятками козаков из числа пленных полковнику Верещаке, офицерам 11-ти, кои обязались реверсами не

служить, а жить в своих домах спокойно, как равно и нижним чинам 212-ти, между которыми большая часть косенеров имянем ея императорскаго величества дана свобода и отпущены. Оставшиеся же затем наместников и товарищей 10-ть, рядовых 366 отправлены в Киев к тамошнему обер-коменданту Вигелю. Удовольствовал их кормежными деньгами на полтора месяца. О дальнейшем же им назначении места покорнейше прошу дать ему высокое вашего сиятельства повеление.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1835, л. 272 – 272 об. Копия.

№ 155. 14 сентября. Отчет генерала П. Потемкина А. Суворову о сражении под Крупчицами

Получа повеление вашего сиятельства атаковать неприятеля при монастыре Крупчице, как скоро войски наши сближились к крепкому его положению, приказано было на основании принятых мер, оставя полевую артилерию при резерфе под командою бригадира и кавалера Владычина, состоящем из смоленских пяти и двух малороссийских рот гранодер для прикрытия ея, переправляться чрез топкой ручей, разделяющий нас от наприятеля.

Бригадир Исаев на отделенную их передовую конницу до 400 стремительно с козаками ударил на пиках и опрокинул, положа на месте до пятьдесят человек. Конница наша, приняв вправо, проскакав чрез рвы и некоторые болота, достигла к месту, где ей переправа была назначена. Пехота шла фронтом в лицо неприятеля. Открывшейся сильной огонь с разных сторон неприятельских батарей не удержал нимало стремлений храбрых наших войск.

С невероятною твердостию пехота под руководством мужественнаго генерала майора и кавалера Буксгевдена, осыпана будучи пушечными ядрами, дошла в такое разстояние, что могла бы ударить в неприятеля, естли б не имела препоны в переходе помянутаго топкаго ручая, впадающего в Муховец. Тут приказано артилерии нашей капитану Рездому, командующему оной, из 14 орудий устроить на высоте нашу батарею. Сей храбрый и достойный капитан исполнил то с такою расторопностию и успехом, что мгновенно сбил неприятельския батареи и брошенным бранскугилем зажег строение, к которому примыкало правое неприятельское крыло.

Четвертым же баталионом егерей под командою подполковника и кавалера Талызина, всегда изъявляющего особливую ревность к службе, очистить лес, занять неприятельскую батарею на левом фланге и, перейдя оной и топкую речку, атаковать в левой фланг неприятеля, что он и исполнил с особливой расторопностию и храбростию под сильным неприятельским огнем.

Но неприятель, приметя сие, начал переменять построение свое и, стараясь воспрепятствовать в переправе нашей пехоте картечными выстрелами со всех своих батарей, потянул свою конницу навстречу нашей. Между тем под сильным же неприятельским огнем переправлялся Херсонской гранодерский полк под командою своего подполковника и кавалера князя Шаховскаго, известного мужеством в приступе измаильском. Упадавшие гранодеры рядами от картечных выстрелов, где капитан того полку Керн двоекратно оным велел смыкатца, а потом и сам убит, но не поколебались нимало.

Лишь только пехота возымела успешную переправу, усмотрено, что конница неприятельская поспешала встретить нашу. Чтоб предупредить их намерение, поспешил я к переправе нашей конницы правого фланга чрез речку Муховиц, где она переходила сию реку два раза. Там нашел попечением бригадира и кавалера Боровскаго три эскадрона Ольвиопольскаго гусарскаго полку, в подкрепление козачьих войск уже переправившихся. Кинбурские же драгуны па то время спешаны и отряжены на ту сторону для прикрытия переправы под командою того полку секунд-майора Киндякова и руководством Украинскаго легкоконнаго полку подполковника и кавалера князя Адревскаго. Затем переправа вскоре загачена нарубленным саблями форостом и вся конница поспешно перешла пешая, ведя кони в подводах.

Мушкатерския пехотныя полки, ревнуя первых, поспешили переправится, а полковник и кавалер князь Горчаков с Азовским, ревнуя особливо отличиться, случая ищущей, столь скоро и расторопно подошел переправою к первым, что мог купно с ними вступить в дело с неприятелем. За ним полковник Марков переправился с Рижским полком.

После переправы войски, устроившись, как конница так и пехота мгновенно неприятеля повсюду атаковали. Генерал-майор и кавалер Буксгевден ту минуту с четырмя егерскими баталионами, Азовским мушкетерским и Херсонским гранадерским полками ударил неприятеля в штыки, котораго сломав, положил на месте до 1500 человек. Неприятель, сомкнувшись поспешно в густую колону, отступал и закрыл ея тыл большим кареем.

Рижской пехотной полк под командою своего полковника Маркова також на штыках атаковал оторвавшегося неприятеля от леваго фланга своего крыла и нанес великой урон.

Генерал-порутчик и кавалер Шевич с правым крылом конницы приказал тотчас Черниговскому карабинерному полку и драгунам кинбурским, седшим уже на кони, атаковать неприятельской пехотной каре. Храбрый бригадир и кавалер Поливанов, предводя часть сию, исполнил атаку с такою твердостию и стремлением, что, несмотря на пушечныя и ру-

жейныя выстрелы, в неприятеля врубились. Тут потеряли мы отважнаго ротмистра Паткуля, весьма тяжело раненаго и несколько других.

Полковник Новицкой, вспомошествуя бригадиру Поливанову, отличился храбростию и кинбурских драгунских ескадронов секунд-майор Кондяков. Неприятель потерял большой урон от сей атаки и, видя приближение еще Александровскаго и Мариупольскаго легкоконных полков, обратил большую часть своих орудиев на воспрепятствие их, но весь жар их огня не остановил мужество оных. И храбрый полковник Александрийскаго полку Гижицкий стремительно успел купно врубиться. Храбрость сего полковника достойна уважения, как генерал-майор Шевич особливо одобряет. Равно полковник Анненков с Мариупольским полком тож исполнил.

Тогда бригадир и кавалер Боровский поспешил атаковать часть неприятельской конницы отделившейся, которую, дорубая, сильно, опрокинул. В самое сие время полковник Анненков с Мариупольским полком атаковал впереди шедшую колону и, прорубясь насквозь оной, проскакал на левое крыло. Неприятельская конница хотела воспользоватся и ударить в тыл, но бригадир и кавалер Исаев с козаками атаковал на пиках неприятельскую конницу и не только воспрепятствовал неприятелю воспользоватца, но и нанес великой урон.

В ту же самую минуту генерал-майор и кавалер Исленьев, командующий левым нашим крылом, оказал отличное мужество. Он предводя лично с Переяславским полком конных егерей атаковал неприятельское правое крыло кавалерии и, пробившись сквозь оную, сильно врубился и в правой фас карея. Тогда другая часть неприятельской конницы покусилась взять его в тыл, но и тут находясь он уже в опастности расторопностию своею покушение их мужественно отразил. Опрокинутый и пораженный неприятель стал искать убежища лесами и болотами, имея нашу кавалерию непрестанно на своих плечах.

Ночь и трудныя места избавили неприятеля от совершеннаго сокрушения, который, потеряв уже до 3000 со многими знаменами, офицерами и генералом Рушицем чрез все время баталии и незнатную часть пленных, искал бегством себя спасти. Победительное войско ея императорскаго величества принуждено было при сближении ночи остановить стремление погони.

С нашей стороны урон весьма невелик в разсуждении толь сильнаго огня и твердаго отпора. Ведомость убитым и раненым особо подношу.

Сия одержанная победа тем важнее, что первая встреча войск наших с поляками по едва преоборимому местоположению представляла оную меньше надежною.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1835, л. 281 – 283 об.

№ 156. 15 сентября. Рапорт А. Суворова П. Румянцеву с обобщением итогов сражения под Крупчицами

... по реляции ея императорскаго величества часть войск выступила из Немирова 14-го числа августа к Варковиче 292 верст. Прочия ж ранее от 350 до 400. Все прибыли к назначенному там рандеву 22-го числа, где более двух суток перепекали и сушили хлеб и, запасшись оным почти на месяц, продолжали марш на Луцк до Ковля по худой от дозжей или весьма пещаной дороге 146 верст. Там соединясь с летучим корпусом генерал-майора и кавалера Буксгевдена 28-го числа, во ожидании обозов простояли тут свыше двух суток и соединились на тракте при местечке Выжве с вышедшим навстречу вторым летучим корпусом. Маршировали на Дивин 92 версты худшею прежней дорогою, где бригадир и кавалер Исаев разбил козаками неприятельскую партию. Тож сильнее при Кобрине. При чем неприятель потерял до 500 конных с пленными. С нашей стороны убит пятидесятник, ранены войска Донскаго полковник Борис Греков и два козака.

При Кобрине, отошед от Дивина 25 верст, войски расположились 4-го числа пред полднями. Назавтре пополудни в 5 часов оказались неприятельския две партии сот по пяти конницы против нашего праваго крыла и фронта в отдалении верст 7, как мы до сего шли скрытно и неприятель кроме козаков не видал. Приказано было господину бригадиру и кавалеру Исаеву не вступать в бой, а только задержать, что он и учинил. При наступлении же ночи схвачен был один пленной, которой показал, что Сираковский с иными генералами и по прежним известиям свыше 16000 при 28-ти орудиях, выступя из-под Бржесця, расположился при монастыре Крупчице, от Кобрина 15 верст, в намерении нас на другой день атаковать! Сей мятежнической корпус состоял из лутчих их войск знатной части старых коронной гвардии и иных полков и справно выэкзерцированных.

В те же сутки на 6-е число по полуночи в 2 часа, отошед 5 верст, переменили мы позицию и стали на расвете в линии на выгоднейшем месте, не приметя у неприятеля никаких важных движениев. Определено его атаковать! Выступя в 7 часов утра, на трех верстах марша перешли мы речку Муховец: конница вброд, пехота и артилерия по мосту. В 8 часов были ввиду неприятеля в разстоянии трех верст, разогнулись из колон в линии и формировали части атак.

А козаки ударили на марширующую передовую конную партию и прогнали чрез деревню Перки до их стану. Неприятель начал полчаса ранее пальбу. Наша полевая артилерия открыла огонь в 9 часов. В то же самое время пехота, переправившись чрез топкой ручей, впадающий в Муховец, вступила в атаку в 10 часов, а конница леваго фланга за ней

спустя четверть часа праваго же фланга, перейдя два раза речку Муховец, последний захвативши, також после леваго фланга чрез четверть часа.

По одолении непроборимого местоположения одержана полная победа в 6 часу пополудни, как ваше сиятельство изволите усмотреть из плана баталии и рапорта генерал-порутчика и кавалера Потемкина. Сей генерал знаменитыми своими достоинствами преподал мне во всех важных предприятиях пособия, как и в разпоряжениях оказывал искуство и особливую отличность...

Пред закатом сонца неприятель убрался в густой лес. Мы кончили поражение и отдыхали на месте баталии при фольварке Янополь 3 версты впереди монастыря Крупчиц 8 часов. Ея императорскаго величества победоносныя войска, сражавшиеся многократно холодным ружьем, в 2 часа по полуночи следовали к деревне Булькову 21 версту. По отдыхе четырех часов прибыли в пятом часу к деревне Трещине от Бржесця пять верст. Расположились скрытно. Неприятель партиями издали открыл только незнатную часть наших козаков.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1835, л. 274 – 279. Копия.

№ 157. 20 сентября. Репорт генерала Дерфельдена Н. Репнину об итогах своего марша через Берестовицу и Голынку

После донесения моего вашему сиятельству от 18 сентября, выступил я из Волковиска 19 числа на местечко Брестовица. С приближением передовой с дивизионным квартирмейстером секунд-майором Павлом Ширковым для занятия лагеря команды открытый неприятельской пост в 15 человеках конницы с их чиновными схвачен и показанию их, что при Брестовице было несколько хорунгв в 400 человеках конницы из полку Хлевинскаго, в тот же час, не дав им времяни устроится, как вдруг посланными от господина генерала майора и кавалера графа Валериана Зубова из авангарда легкими войсками разбиты. В плен взято 120 с несколькими офицерами и другими их чиновниками. На месте положено с преследованием свыше 15 верст за местечко Голынку 250, а прочие разбежались по лесам. При сем деле черноморские с донскими казаками подтвердили свою храбрость. Господин бригадир и кавалер Чепега ново явил отличные знаки своего мужества. Донской полковник Астахов, храбро сражающийся, сколол собственною рукою двух товарищей и однаго рядового.

... По сем успехе, сделав при Брестце только отдохновение, на вечер вчерась же продвинулся я в Голынку, имев в тот день от Волковиска переход 42 версты. Сего числа поутру рано передовые наши разъезды схватили неприятельской патруль в 65 человеках, из коих черноморцы спасли

только одного, а прочие остались на месте. По показанию того пленнаго, что из части генерала Грабовскаго до 4000 конницы и пехоты, бывших при Гродеке, оставалось в прежних и тесных местах при селе Пилотавщизна за рекою Супрошью, от Гродека в четверти миле, до 400 пехоты с тремя небольшими пушками и несколько конницы, прикрывшей ретираду Грабовскаго в прошедшую ночь на Заблудов к Белому Стоку.

Только что снялся я с лагиря от Голынки в 20 верх от Пилотовшизны и двинулись легкия войски, так уже и помянутая неприятельская команда поспешнейше побежала вслед за первыми на Заблудов за ними. Из пристанавливавшихся в лесах стрелков порублено ескадроном Софийскаго карабинернаго полку с несколькими при полковнике Астахове козаками до 50, да в плен взято раненых 46...

В обе сии сшибки с нашей стороны убит 1 козак, ранено Софийскаго карабинернаго полку вахмистр 1, карабинер 1 и козаков 2... Как пленные показывают, что Грабовской лишь токмо услышал о движении наших войск от Слонима, то все уже свои тягости выправил на Белый Сток к Бугу при Гранне, где, как слышно, есть у них со стороны Варшавы подкрепление. Но при всем стремительном желании к благоуспешности настоящих обстоятельств, не почел я полезным гнатся за ним по пустым здешним лесам по уской и весьма глубокой пещаной дороге... Завтре поутру пойду я в местечко Кринки, откуда останется до Гродно 6 миль, и там буду изыскивать способы, что теперь действительно в Гродно находится, хотя по известиям и не более там 4000 конницы и пехоты с генералами Огинским и Козановским.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 380 – 381 об.

№ 158. 23 сентября. Рапорт генерала О. Дерфельдена Н. Репнину о своих успехах под Кринками и Соколкой при марше на Гродно

… 21 числа был я в местечке Кринках, где оставался польских войск магазейн с провиантом и за вывозом ими найдено для корпуса войск моей команды на несколько дней. По известиям же, что некоторые партии неприятельских войск тянулись от стороны Гродно на Белый Сток к Варшаве и что также в местечке Соколках правиантской магазейн, 22 числа поспешил я прийти в означенное местечко на большой от Гродно в 5 милях дороге к Варшаве. Тут нашел я до 500 четвертей сухарей и несколько круп. Пред приходом моим сюда за сутки генерал Мейен с полутора тысячью конницы и пехоты ушол к Белостоку, а вчерась генералы Воврецкой и Гедройц с разными частьми до 2000 человек всякаго рода вооруженных людей, с несколькими эскадронами оставшихся от Ковенской бригады и полку Нагурскаго. Сии последния были около Курляндии и оттуда пробрались

поблизости пруской границы, не доходя в Гродно. Прикрывавшие их ретираду гораздо позади остановлены были пред вечером передними нашими разъездами от Соколков в 3 милях в глухих местах. Господин генерал-майор и кавалер граф Валериан Зубов в тот же час послав несколько легких войск и сам в подкрепление с софийскими карабинерными эскадронами разбил. На месте положено 150 человек, в плен взято с майором Пузыною первой конной бригады 72 человека разных нижних чинов и рядовых с волонтерами из посполитых и также отбито Тобольскаго мушкетерскаго полку рядовых 4, канонеров два, бывших в Псковском и Нарвском пехотных полках, схваченных поляками в разных местах. Прочие в малом числе из неприятелей разбежались по лесам. Темнота ночи и дождливая погода приостановила дальнюю по лесам погоню..

Пленные показывают и единогласно проезжающия из Гродно, что бывшие в Литве польские войски пробрались оттуда разными дорогами к стороне Варшавы, а последним прокравшимся велено собиратся за Бугом около Венгрова, откуда поведены будут также к Варшаве, которая ожидает сильнаго стеснения от короля прускаго. Костюшка назад тому 6 дней неприметным образом был в Гродно.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 384 – 385 об.

№ 159. 16 октября. Секретный ордер Екатерины II Н. Репнину о доставке пленного Т. Костюшко в Петербург

Князь Николай Васильевич. На донесение ваше от 8-го октября повелеваем бунтовщика Костюшку, сколь скоро возможно будет, отправить без всякой огласки под надежным присмотром и в препровождении лекаря, естли то можно будет, в Петербург к генералу прокурору Самойлову, а равно и некоторых из плененных, которые окажутся важнее, а именно Немцевича, бывшаго послом на революционном сейме, злаго и весьма опаснаго якобинца и, по словам присланнаго от вас подполковника Тучкова, в плен доставшегося. При отправлении их, а паче Костюшки, за коим бдительно смотреть должно, избегать всякой огласки, никому не показывать, а лучше всего, чтобы и по дороге не знали ково везут. А кому от вас доставление сего поручено будет, не оставьте предписать все сии меры скромности, а равно и то, чтобы по приезде сюда, в дом генерал-прокурора, ввезен он был ночью и тайным образом. В прочем пребываем вам благосклонны. Екатерина.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 112 – 112 об.

№ 160. 17 ноября. Донесение Н. Репнина Екатерине II о верноподданнических настроениях в Литве после занятия Гродна

Всемилостивейшая государыня !

Вчера, приехав сюда в Гродню, представлялись мне сдешния жители, между коими находится довольное число и довольно знатнаго шляхетства, которых всех уверил я в милости вашего императорскаго величества ко всем спокойно живущим и искренно отставшим от скверности мятежа и також повинующихся высочайшей вашего императорского величества власти, припомнив им притом опытом ими дознанную руку божию, карающую всякое предательство и что прилежно за тем смотрено будет, дабы не были смешаны добрые с злыми, но чтобы всякой получал достойное по делам его. Все они приняли сие объявление с всеподданейшею благодарностию, а мое напоминание – с должным повиновением и не приметил я, чтобы кто оным оскорбился. В протчем ж я обласкал их всячески и сколько пристойно было. Между ими находится из министерства здешняго подскарбий надворный литовский господин Дяконской, старик и издавна мне знакомый, котораго мятежники не только разорили, но хотели судить и повесить за то, что он не приставал к их обществу и даже табакерку, вашим величеством ему пожалованную за последний гродненский трактат, должен он был ввиду виселицы им отдать. Но к его нещастию имеет он сына, которой в их вероломном заговоре с начала был и находится теперь в Смоленске. Мятежники весьма заблаговременно увезли в Варшаву за несколько лет архиву сдешней скарбовой комисии, где все сведении, касательные до доходов, находятся, почему посылаю я немедленно туда куриера с тем, чтобы те бумаги, весьма сдесь нужные, сюда как можно скорее возвращены были.

Вашего императорского величества верноподданый князь Н. Репнин

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 121 – 122.

№ 161. 28 ноября. Письмо Н. Репнина Екатерине II по поводу принятия верноподданной присяги литовской знатью

Всемилостивейшая государыня!

В рескрипте вашего императорского величества от 30 октября во XII отделении высочайше предписано присягу принимать только от наличных и усердных, а от ныне отсуственных от тех токмо, в верности коих есть благонадежность и кои не подлежат никакому сомнению, что участвовали в мятежах. По которому высочайшему повелению непременное и точное исполнение делать не упущу. По поводу же сего осмелива-

юсь всеподданейше донести вашему императорскому величеству, что прямо спокойные и благорасположенные люди, особливо знатные, большою частию отдалились куда кто мог и когда мог от бывших замешательств, иные прежде их начатия, другия уже по начатии, когда вырваться только могли, и заехали иные даже до Италии. Одним словом, страх казни и лютости мятежников во многих много действовал. То посему соизволите ли, всемилостивейшая государыня, повелеть о таковых в верности и благонадежности, но в отдалении находящихся или не могущих по притчине болезней, старости и дряхлости из отлучек лично явиться, принимать присягу чрез их поверенных, как то при занятии Белой России, тожа губерний Брацлавской, Изяславской и Минской делалось.

Ровным образом должен донести вашему императорскому величеству, что здесь знатные и богатые люди почти без изъятия все по своим фамильным и економическим сделкам имеют большия долги, записанныя на их имениях, почему всеподданнейше докладываюсь: повелено ли будет на приписываемые к казне вашего императорскаго величества имении долги принимать, если подлинно и ясно окажется, что они на них записаны. Сверх того, есть от короля асигнованныя на его экономии пенсионы за давнюю службу и неимущим людям с продолжением иных женам и детям, тоже на некоторые части из оных сделанные контракты. То благоволите ли, ваше императорское величество, всемилостивейше повелеть таковые пенсии производить по-прежнему и контракты совершать по силе их заключения. Хотя я о всех сих статьях ничего подробнаго и совершенно обстоятельнаго донести еще не в состоянии, но осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать правил на подобные случаи, которыми бы я руководствоваться мог, поставляя себе всегда то главнейшим и непременным, чтобы везде наблюдалась благонадежность в верности к вашему императорскому величеству.

Вашего императорского величества верноподданный князь Н. Репнин.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 138 – 139.

№ 162. 21 ноября. Мнение Н. Репнина в письме Екатерине II о братьях Прозорах

Всемилостивейшая государыня!

Упомянутаго в высочайшего вашего императорскаго величества указе от 19 минувшаго июня мятежническаго начальника Прозора, одного из главнейших членов литовской центральной комисии, разные братья того же прозвания, владеющия знатными имениями в окрестностях Ковны, по силе обнародованнаго манифеста от моего имени от 30-го минувшаго месяца явились к войскам вашего императорского величе-

ства добровольно, объявя и свято обещая, что они не только сами от мятежа и всякаго сообщения с причастными к оному отрекаются, но желают еще склонить к тому и вышесказаннаго их брата, коли дано ему будет прощение по его добровольном отвержении от мятежа.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, ч. 387 об.

№ 163. 2 декабря. Мнение Н. Репнина в письме П. Зубову относительно судьбы И. Неселовского

Милостивый государь граф Платон Александрович!

Имел я честь писать к вашему сиятельству, что открыт и взят нашими войсками скрывающейся по лесам господин Неселовской, воевода новогродской, котораго я здесь, содержащегося под стражею, наехал и призывал к себе. Сей старик уже с лишком 70-летней, женатой, как и прежде доносил, на сестре епископа виленскаго, просил у меня помилования, раскаиваясь в своем заблуждении и извиняясь тем, что во время мятежа надобно было или с мятежниками быть или итти на казнь, и притом просил меня, чтоб он был допущен к присяге, уверяя в совершенной верности, которую он наблюдать будет к ея императорскому величеству. Хотя я и не сомневаюсь, что он, конечно, будет верен как по старости его лет, в коих узнал свое преступление и опытом увидел гибель, в котором он и отечество его погрузились, так по уверению всех, что он правил честных и твердых всегда держался, но в сем случае в заблуждение впал. Однако потому, что он не сам явился, а взят нашими войсками, и что он был первым членом центральной литовской комисии, оставил я ево под стражею и сказал ему, что я сам собою ево до присяги допустить не могу, которая принимается единственно не только от верных, но и усердных.

Я о сем вашему сиятельству доношу, прося покорнейше меня известить, что мне с сим стариком делать, а между тем он содержаться будет здесь и теперь под стражею и жена его к нему сама приехала и с ним же живет.

С совершеннейшим почтением и преданностию честь имею навсегда пребывать милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга князь Н. Репнин

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 148 – 148 об.

№ 164. 2 декабря. Донесение Н. Репнина Екатерине II о состоянии Вильно и края после разгрома восстания

Всемилостивейшая государыня! Приехав сюда в Вильну, не нашел я

такого дворян собрания как в Гродно, потому что здешняго края шляхетство уже разъехалосъ по деревням и живет там спокойно. Знатных же вельмож здесь никого нет, но нашел я много духовенства в здешних капитулах и академии. При первом с ними свидании уверил я всех из них усердных и послушных в высочайшей милости вашего императорскаго величества, сделав при том им такое ж напоминание, как и в Гродно, прибавя к тому, сколь им особливо должно быть отвратительно бывшее богопротивное бунтование не токмо по нещастному разорению их Отечества, в кое мятежники оное ввергли, но и по поносной смерти, которой предан ими был их достойный епископ, покровительством коего они взысканы были и каковой после подобнаго примера и сами они все могли подвержены быть. Принято от них все то было с достодолжною благодарностию и с надлежащим почтением.

Край здешний нашел я недостаточнее прочих в пропитании, особливо окружности Мереча и весь почти правой берег Немена, где кроме разорений, от мятежа бывших, земля вся песчаная и неудобная к плодородию. Город же здешний весь каменный и может почесться хорошим, имея в себе довольно больших строений, хотя несколько между ими находятся запущенных и раззореных. Притом и казенных строений немало, коим описание сделано будет. Церквей и монастырей здесь есть больших несколько, а особливо соборная церковь, отличное здание весьма великолепной архитектуры, только внутри не доделана. Покойный епископ виленской начал ее переделывать, но докончить не мог и много еще то должно стоить. Руских монастырей здесь два: один мужеской и другой женской. В первом доволно пространная и хорошая церковь. Впротчем, они весьма бедны и запущены.

Академия здешняя помещена в одном исправном, весьма пространном езуитском монастыре и славится своею обсерваториею и довольным числом инструментов астрономических. Ректор ее господин Почебут, бывшей езуит, человек весьма ученой и носит у всех имя хорошего человека. Когда я соберу все сведения о доходах, определенных в Литве на часть воспитания, тогда всеподданейше донесу вашему императорскому величеству, какое постановление для ея устройности зделать будет можно. Теперь же, где только случай нахожу, везде напоминаю, что вкоренение в сердца христианския добродетелей яко главнейший предмет при воспитании юношества не только забыто, но крайне наблюдаемо быть долженствует.

Вашего императорского величества верноподданый князь Н. Репнин

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 151 – 152 об.

№ 165. 17 декабря. Из письма Н. Репнина Екатерине II об итогах принятия верноподданнрй присяги жителями Гродно и околиц

… Сего числа, как всеподданнейше доносил вашему императорскому величеству, войски, быв под ружьем, по совершении литургии обнародован был в здешнем городе высочайше предписанный манифест с пушечною пальбою и по благодарном молебствии, по котором говорено было предикантом пристойно учение о повиновении высочайшей власти над здешним народом поставленной, все здесь живущие дворянство и съехавшееся из уезда тоже все духовенство и мещанство сего города не только безпрекословно, но с радостию поведенную присягу сделали. А как сего же числа и во всей Литве тот манифест равнообразно обнародован, то ни мало не сомневаюсь, что и везде с подобною охотою ту присягу все учинят...

(Добавление из письма от 27 декабря)... в одной гродненской части присягнуло уже слишком 2500 одних дворян и притом просили меня здешнее дворянство, чтоб позволено ему было чрез депутатов принести вашему императорскому величеству верноподданое благодарение за избавление сей земли от ига вероломных мятежников, столь ее удручивших.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1833, л. 409, 423.

№ 166. 14 декабря. Предложения Н. Репнина Н. Салтыкову о приеме в российскую службу польско-литовских рядовых

Милостивый государь, граф Николай Иванович!

Покорнейше прошу ваше сиятельство поднести ея императорскому величеству всеподданейшее мое включаемое здесь донесение, коим докладываются: не соизволит ли ея величество повелеть по совершенном уже разрушении и уничтожении польских войск, из коих нижния чины распущены в их домы, но немалое оных количество, не имея пристанища и пропитания, скитаются по здешней земле, получив при отпуске билеты, ища хлеба милостиною, из которых по времяни могут сделаться мошеннические и воровския шайки, их принимать в нашу службу и распределять по полкам и егерским баталионам, соблюдая пропорцию так, чтоб в баталион более 50-ть и в эскадрон 15-ть человек не было, а сие небольшое число разбить еще поротно и по капральствам, почему, думаю, что оно совершенно будет безвредно. А в разсуждении замены рекрут, полезно для очищения же земли от шатающихся без пропитания бродяг здесь выгоды

С совершенным почтением и преданностию честь имею навсегда пребыть милостивый государь мой, вашего сиятельства покорнейший слуга князь Н. Репнин.

РГАДА, ф. 20, д. 345, л. 23 – 28 об.

№ 167. 14 декабря. Письмо Н. Репнина Екатерине II с обоснованием причин приема в службу остатков разгромленных частей восстания

Всемилостивейшая государыня!

По совершенном разрушении и уничтожении польскаго войска распущено оное с билетами в домы, почему многия, служившия в оных из обывателей Великого княжества Литовскаго, в здешний край возвращаются. Но немалая часть из них домов своих и пристанища никаково не имеют, а потому, оставаясь без малейшаго способу к пропитанию, опасно, чтобы необходимостию сущею вынуждены не были доставать себе оное мошенничеством и воровством. Хотя же расположением войск по земле все меры к сохранению в ней спокойствия и тишины по высочайшему предписанию вашего императорскаго величества приняты, но для вящей в том уверенности осмеливаюсь вашему императорскому величеству всеподданейше представить: не соизволите ли повелеть из служивших в войсках нижних чинов, не имеющих пристанища и шатающихся по земле, принимать в службу вашего императорскаго величества и распределять по полкам и баталионам так, чтобы в каждом баталионе было не свыше 50-ти, а в ескадроне 15-ть человек. Сие малое число, в каждом баталионе и ескадроне разбив еще поротно и по капральствам, службе вашего императорскаго величества будет совершенно безвредно в разсуждении же замены рекрут думаю полезно, а для очищения здешней земли от бродяг, скитающихся без пропитания, выгодно. Я стану посему ожидать высочайшего вашего императорского вепичества повеления.

Вашего императорскаго величества верноподданый князь Н. Репнин.

АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 159 – 160.

№ 168. 27 декабря. Предложения Н. Репнина П. Зубову относительно верности князя К. Сапеги

Милостивый государь, граф Платон Александрович !

Князь Сапега, по объявлении моего манифеста приехав в Бржестлитовской, вблизости коего имеет деревни, поведенную там присягу учинил, после чего, приехав сюда, мне о том свидетельство представил от 19-го числа сего месяца, данное ему бригадиром Дивовым, там присяги принимающим и притом подал мне мемориал, в коем старается оправдать свое поведение во время бывшаго мятежа. Но как имея он деревни в Минской губернии потому есть подданый ея императорскаго величества, то я до владения здешних деревень его впредь до повеления не допустил, а мемориал, им мне поданный, дабы не обременять ея императорс-

кое величество подобными бумагами приемлю смелость при сем препровадить, прося покорнейше ваше сиятельство при удобном случае о том всемилостивейшей государыне всеподданейше доложить и мне изходатайствовать высочайшее разрешение, как с ним поступить. Что ж относится до его ссылок на свидетельство здешней публики, то оная всегда всех извиняет. Даже самые лучшие, противные мятежу и от него потерпевшие, то ж делают по уважениям друг к другу. Впротчем, сей князь Сапега кроме своего имяни и имения, быв еще, так сказать, мальчик, никаких качеств не имеет примечания достойных и которые бы на будущее время могли подавать об нем какое-либо сомнение.

С совершенным почтением и преданностию честь имею навсегда пребыть милостивый государь, вашего сиятельства покорный слуга князь Н. Репнин.

АВПРИ ф. 79, оп. 6, д. 1958, л. 169 — 171. Именной список.

Адамович Петр, волковысский судья
Адешелидов, поручик
Адлов Антон, подпоручик Херсонского гренадерского полка
Адреевский, князь, подполковник Украинского легкоконного полка
Азулевич Якуб, полковник татарской кавалерии
Александрович (Доминик — ?), майор
Алод Эльш, секретарь польского посольства в Берлине
Анненков, полковник Мариупольского легкоконного полка
Антонович Матвей, бурмистр г. Гродно
Антушевич, адвокат
Арсеньев, капитан
Арсеньев Николай Дмитриевич, генерал-майор
Артимович (Ян — ?), браславский шляхтич
Аршеневский Петр Исаевич, смоленский губернатор
Астахов Никита, полковник донских казаков
Ахматович Мустафа, подполковник
Багратион Петр Иванович, князь, премьер-майор Софийского карабинерного полка
Байнов, шляхтич
Барановский Александр, гродненский шляхтич
Барановский Мустафа, подполковник полка передовой стражи ВКЛ
Бардаков Богдан, полковник Санктпетербургского карабинерного полка
Барклай де Толли Михаил Богданович, князь, премьер-майор Санкт-

гренадерского полка

Волович Станислав, речицкий подкоморий Велодкевич Иосиф, генерал-адьютант

Выгоновский Винцент, комиссар брестской порядковой комиссии

Высогерд Тадеуш, пренский войский

Вышемирский Томаш, шляхтич

Галимский, шляхтич

Ган, капитан-исправник

Гарон, шляхтич

Гедройц Август,член браславекой порядковой комиссии

Гедройц Ромуальд Тадеуш, генерал-лейтенант

Гедройц (Гедрович) Юстиниан, поручик

Гедымин Степан, сморгонский шляхтич

Гержинский, житомирский подкоморий

Герман Иван Иванович, генерал-майор

Гижицкий, полковник Александрийского легкоконного полка

Глинский Михаил, поручик Пинской бригады

Глушинский Ян, лидский земский регент

Голицын Сергей Федорович, князь, генерал-поручик

Головин Федор, граф, премьер-майор Ингермландского карабинерного полка

Гольский,гродненский монах

Гольц Август Фридрих,прусский посол в Петербурге

Горецкий Валентий, виленский войский, член депутации безопасности рады

Горский, шляхтич

Горчаков Михаил Алексеевич, князь, полковник Азовского мушкетерского полка

Гостиха Эльжбета, крестьянка

Готовцев Василий, премьер-майор Псковского гусарского полка

Гошковский,полковник

Грабовский Ежи, генерал-лейтенант, комендант Зильно

Грабовский Михаил, литовский конюший

Грабовский Павел, волковысский староста, генерал-инспектор, шеф 5 полка

Грабовский Стефан, шеф 7 пехотного полка ВКЛ

Грановский Михаил, коронный секретарь

Греденков Андрей, подпоручик Ростовского мушкетерского полка

Греков Борис Александрович, полковник

Гроденский Тадеуш, черноусовский староста, шеф 7 полка пешей гвардии

Грое, учительница

Гроховский (Грохольский) Ян, генерал-майор на Волыни

Гулевич Генрих, полковник, динабургский комендант

Гурковский Людвик, житомирский подкоморий и стольник

Далевский, регент браславского граничного суда

Данилевич Михаил, завилейский подкоморий

Даровский Антон, капитан, адъютант С.Грабовского

Даровский Юрий, полковник Девич Юрий, крестьянин

Дедерко Доминик, полковник, секретарь М.Огинского

Деев Михаил Иванович,полковник Тамбовского пехотного полка

Деконский Антон, литовский надворный подскарбий

Денисов Федор Петрович,генерал-майор

Денисов Адриан Карпович, премьер-майор Воронежского гусарского полка

Дердеевский Ян, стволовичский шембелян

Деренговский Доминик, шляхтич

Дерфельден Отто Вильгельм Христофор, генерал-поручик

Дзялынский (Делынский) Игнат Иосиф Франтишек, калишский воевода, ротмистр кавалерии

Дивов Павел Гаврилович,бригадир Севского мушкетерского полка

Дистерло Петр, подполковник

Дишканц, давыд-городоский городничий

Долгоруков Юрий Владимирович, князь, генерал-лейтенант

Домбровская-Михайловская Яна, помещица

Домбровский Михаил, шляхтич

Домейко Игнат, регент асессорского суда,секретарь И.Хрептовича

Дубровский Андрей, житомирский гродский судья

Жаба Тадеуш, полоцкий воевода

Жаба Ипполит, лидский шляхтич

Жебровский Тадеуш, шляхтич

Желвак Симон, крестьянин

Забело Ежи, шляхтич

Заболевич Петр, крестьянин

Заболоцкий Игнат, браславский ротмистр

Завистовский Симон, член гродненской порядковой комиссии

Завиша Ян, генерал

Загряжский Иван Александрович, генерал-поручик

Зайончек Иосиф, генерал-майор

Зайцев, каптенармус

Закревский Игнат, хорунжий, президент Варшавы

Ицкович Янкель, новогрудский еврей

Казановский Андрей, генерал-майор гродненской милиции

Калиновский, поручик

Каминский, брестский шляхтич

Каминский, ксендз местечка Ивенец

Каминский Фульгенд, эйжишский делегат в виленский совет восстания

Капостас Андрей, варшавский банкир

Караваев Григорий, крестьянин

Караваев Дмитрий, полковник

Караваев Тимофей, крестьянин

Карвицкий, поручик

Карнитовский Христофор, полковник

Карницкий Франц, хорунжий Пинской бригады

Карп Бенедикт, упитский хорунжий

Карпович Иосиф, гродненский шляхтич

Карпович Михаил, смоленский архидьякон

Кастровицкий Игнат, лидский делегат в виленском совете восстания

Квинт, браславский ротмистр

Квинт Антон, браславский земский судья

Керн Ермолай Федорович,капитан Херсонского гренадерского полка

Кимбар Иосиф, упитский стольник

Киндяков, секунд-майор Кинбургского драгунского полка

Киреев, премьер-майор донских казаков

Кириченко Андрей, майор-квартирмейстер Северского карабинерного полка

Кирхер, ксендз

Китович Андрей, писатель

Клава Тадеуш, гродненский мещанин

Кмит, поверенный Оскерок

Кноринг Богдан Федорович, генерал-майор

Княжевич (Кароль – ?), капитан

Ковалевский, браславский шляхтич

Ковзан Антон, войт г. Гродно

Ковшевич, брестский шляхтич

Козел Амброиз Ян, подпоручик

Колба Николай, поручик Пинской бригады

Колонтай Гуго, ксендз, писатель

Колонтай Игнат, поручик Пинской бригады

Колупайло Станислав, член волковысской порядковой комиссии

Лапицкий, полоцкий адвокат
Лапот Юрий, поручик Пинской бригады
Ласси Борис Петрович, генерал-майор
Ластовский, браславский ксендз
Лахницкий Антон, шембелян, виленский гродский писарь, вице-президент г.Вильно
Левицкий, поручик
Ледуховский, шляхтич
Леонов, ротмистр
Леонович, слонимский шляхтич
Лепарский Ян, кобринский полковник
Летехин Иван, капитан Санктпетербургского гренадерского полка
Лидерский, капитан Новгородского пехотного полка
Лисиха Марья, крестьянка
Лишевский Людвик, шеф 5 полка передней стражи
Лобанов Дмитрий Иванович, князь, генерал-майор
Ломака Иосиф, крестьянин
Ломака Семен, крестьянин
Лопатинский Ян Никодим, мстиславский староста
Лукашевич Лука Михайлович, генерал-майор
Лукашевич Михаил, капитан
Львов Андрей Лаврентьевич, бригадир
Любовицкий Стефан, генерал-лейтенант
Любович Станислав, эконом
Люиз (Левиз) Федор, подполковник Нарвского мушкетерского полка
Ляховский, шляхтич
Мадалинский Антон Иосиф, бригадир кавалерии народовой
Маковецкий Иосиф, шембелян, новогрудский кравчий
Максим, крестьянин
Малаховский Станислав, маршал Великого сейма 1788 – 1792 гг.
Мальковский, майор
Маматкозин,капитан
Мануцы Николай, опейский и домашанский староста
Мануцы Станислав, браславский помещик
Маркович Мартин, волковысский подчаший и коморник
Маркович Рафаил, шляхтич
Марков Василий, полковник Рижского полка
Мартинкевич Шаломас, браславский шляхтич
Мартинович Вавринец, браславский шляхтич
Мартиновский Игнат,шавельский казначей

Пашковский Михаил, Волковысский коморник, полковник брестской кавалерии

Пентковский, житомирский шляхтич

Петровский, поручик Пинской бригады

Пилат Адам, крестьянин

Пилат Ежи, крестьянин

Пилат Михаил, крестьянин

Пилецкий, рядовой

Пильховский Давид Зигмунд, виленский монах

Плавский Ежи, слонимский ротмистр

Плеханов, подпоручик

Плеханов Михаил, секунд-майор Санктпетербургского драгунского полка

Плушевский Иосиф, шляхтич

Подгорский Иоанн, острожский официал

Поливанов Юрий Игнатьевич, бригадир

Понятовский

Поль Иван, ротмистр Северского карабинерного полка

Поплавский, лидский делегат в виленском совете восстания

Поплавский Георгий, солдат

Попов Василий, старшина Воронежского гусарского полка

Потапов Устий, премьер-майор

Потемкин Павел Сергеевич, генерал-поручик Санктпетербургского драгунского полка

Потоцкий Роман Игнат Франц, великий маршалок ВКЛ

Потоцкий Станислав Счесны, генерал коронной артиллерии

Потоцкий Феликс, генерал артиллерии

Почобут Мартин, астроном, ректор виленской академии

Претенцов, секунд-майор Эстляндского егерского корпуса

Прозор Антон, витебский воеводиц

Прозор Карл, великий литовский обозный

Протасевич Винцент, новогрудский ловчий, стволовичский земский судья

Прушинская, генеральша

Прушинский Станислав, генерал-адьютант, минский подстароста

Прушинский Томаш, минский помещик

Пузына Аполлинарий, майор I конной бригады

Рагоза Казимир, военный регент гродненской порядковой комиссии

Радивил Елена, княгиня

Радивил Михаил Героним, виленский каштелян и воевода

Радишевский Михаил, стародубский хорунжий, стволовичский маршалок

Ратынский Антон, минский помещик

Ратынский Игнат, минский конюший

Раутенштерн Иван, премьер-майор Нарвского пехотного полка

Рафайлович, полковник

Рашевский, браславский шляхтич

Рикман Иван, митавский секретарь

Римошевский, войт г. Рогачева

Ревинский Антон, волковысский земский регент

Рездом, капитан артиллерии

Репнин Николай Васильевич, князь, генерал

Реут Иосиф, шляхтич

Рогоцкий Станислав, шляхтич

Романович, ротмистр Апшеронского мушкетерского полка

Рудомин Иосиф, браславский военно-порядковый комиссар

Рудницкий Ян, браславский земский судья, ротмистр

Румянцев-Задунайский Петр Александрович, граф, генерал-фельдмаршал

Руцкой Юрий, шляхтич

Рущиц Казимир, полковник 6 полка большой булавы ВКЛ, генерал-майор Кобринской милиции

Саваневский Цезарь, шемблян

Савицкий Франц, член браславской порядковой комиссии

Садковский Виктор, слуцкий архимандрит

Сакен Фабиян Вильгельмович, барон, подполковник Псковского драгунского полка

Сакен Карл Иванович, секунд-майор Ингермландского карабинерного полка

Сакович, капитан артиллерии

Салманович Базыль, браславский ксендз

Салманович Бенедикт, крестьянин

Салтыков Иван Петрович, граф, генерал

Салтыков Николай Иванович, граф, управляющий военной коллегией России

Самойлов Александр Николаевич, граф, генерал-прокурор Сената

Сапега Казимир Нестор, князь, полковник

Сапоцка Бернар, гродненский шляхтич

Свида Стефан, минский ротмистр

Суходольский Тадеуш, капитан 6 полка передней стражи ВКЛ
Схаля, ивенецкий еврей
Сципион Кароль, лидский генерал-майор
Сыросек Андрей, гродненский коморник и мещанин
Талызин Федор Иванович, подполковник
Тауберт, премьер-майор Ростовского мушкетерского полка
Творогов, поручик артиллерии
Теплый Данила, крестьянин
Тизенгауз Антон, хорунжий, президент г. Вильно
Тизенгауз Игнат, посольский староста, шеф пешей гвардии ВКЛ
Тизенгауз Мартин, гродненский шляхтич
Тихоненко, крестьянин
Тихоцкий Ян Филипп, полковник, комендант варшавского гарнизона
Толстой Дмитрий, граф,полковник Псковского гусарского полка
Толь Карл Фердинанд, шведский посол в Варшаве
Тормасов Александр Петрович, граф, генерал-майор
Торчинский, шляхтич
Трацкевич Вазгирд Иосиф, шляхтич
Трацкевич Петронелия, трокская стольниковша
Трацкевич Степан, прапорщик
Трегубов, полковник Изюмского легкоконного полка
Тукало Ежи, шляхтич
Тукало Михаил, шляхтич
Тутолмин Тимофей Иванович, генерал-аншеф, сенатор, минский, изяславский и брацлавский генерал-губернатор
Тучков Сергей Алексеевич, капитан артиллерии
Тышкевич Иосиф, велятицкий староста
Умастовский Том, ошмянский земский регент
Усемка Петр, крестьянин
Ушаков Яков
Фалевич Максим, крестьянин
Фалевич Яцек, крестьянин
Ферзен Иван Евстафьелич, барон, генерал-поручик
Фок Александр, капитан артиллерии
Фонтан Ян, капитан коронных войск
Фрагонт, вахмистр
Франковский Матвей, полковник, генерал-майор брестской милиции
Францишевский, сморгонский шляхтич
Фридерикс, капитан

Хлевинский Антон, генерал-майор, шеф 3 полка кавалерийской бригады
Хмара Адам Михаил, минский воевода
Хмелевский Адам, лидский шляхтич
Хоминский Ксаверий Франтишек, мстиславский воевода
Хонзинский Томаш, браславский шляхтич
Хоржевский Иосиф, новогрудский подстолий
Храповицкий Николай, оршанский маршалок
Хрептович Игнат, хорунжий, гродненский земский писарь
Хрептович Иоахим Литавор, литовский канцлер, председатель задворного суда
Чайковский Христофор, шляхтич Чарторижский Адам Казимир,генерал подольский Чарторижский,коронный стольник
Частошевский Ксаверий, войт местечка Мстибов
Цвирко, эконом
Цицианов Павел Дмитриевич, князь, генерал-майор
Чепега Захар Алексеевич, бригадир черноморских казаков
Черепанов Павел, адьютант Северского карабинерного полка
Чернозубов Илья Федорович, полковник донских казаков
Чесменский Александр Алексеевич, полковник Санктпетербургского драгунского полка
Чехович Игнат, ошмянский земский судья, завилейский полковник
Чиж Каспар, виленский воевода
Чиж Ян, полковник кавалерии народовой
Чубаров, подполковник
Шабуневич Семен, хорунжий
Шаталов Измаил, прапорщик
Шатилло Клеменс, слуга
Шатилло Якуб, ротмистр
Шауман Герхард, запольский староста
Шаховской Борис Григорьевич, подполковник Херсонского гренадерского полка
Швыковский Игнат, виленский маршалок, повешен 14 мая 1794 г.
Шевич Иван Георгиевич, генерал-поручик
Шевцов, крестьянин
Шемет Августин, лидский чешник и земский судья
Шенявский, гродненский шляхтич
Шепелев Дмитрий Дмитриевич, подполковник Мариупольского легкоконного полка
Шенилов Федор, адьютант
Шереметьев Василий Сергеевич, губернатор

Костющко Андрей Тадеуш

Огинский Михаил

Репнин Николай

Барклай де Толли Михаил

Суворов
Александр

Вcovrецкий
Томаш

Румянцев Петр

Грабовский Стефан

Шерснев, бригадир
Шилинг Лев, подполковник Эстляндского егерского корпуса
Шимковский Михаил, лидский шляхтич
Шимковский Онуфрий, лидский шляхтич
Ширвис Михаил, крестьянин
Ширков Павел, секунд-майор
Шкода Кондрат, крестьянин
Шмуйлович Лейб, эйшишский еврей
Шос Демид, крестьянин
Шос Мартин, крестьянин
Шос Савостьян, крестьянин
Шос Федор, крестьянин
Шпаковский Онуфрий, лидский шляхтич
Штроль
Шукевич Антон, слонимский мечник
Шукевич Игнат, слонимский земский судья
Шукевич Михаил, поручик Пинской бригады
Шукель Франц, шляхтич
Шулекевич, полоцкий аббат
Эйдятович Леон, майор Пинской бригады
Эйсмонт Анзельм, гродненский земский регент
Эйсмонт Матвей, гродненский стольник
Эйсмонтова, гродненская шляхтянка
Энгель Федор, секунд-майор
Эссен Иван Николаевич, полковник Псковского драгунского полка
Эстко Яков, секунд-майор
Этинг, секунд-майор Санктпетербургского гренадерского полка
Юдицкий Иосиф, великий литовский стражник, речицкий судовый староста
Юматов, капитан артиллерии
Язвинская Елена, ломжская подстаростина
Язвинский Бартоломей, шляхтич
Язвинский Героним, шляхтич
Язвинский Игнат, шляхтич
Янкелевич Шмуйла, эйшишский еврей
Янкель, новогрудский еврей
Янковский Франц, 0шмянский подчаший и земский судья
Ясинский Якуб, полковник инженерных войск ВКЛ
Ясеневич Ежи, шляхтич

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

ВОССТАНИЕ И ВОЙНА 1794 ГОДА В ЛИТОВСКОЙ ПРОВИНЦИИ

(по документам архивов Москвы и Минска)

Ответственный за выпуск И.А. Маньковский
Редактор Р.И. Масловский
Верстка Л.И. Савостенко

Сдано в набор 03.01.2000. Подписано в печать 04.10.2001. Формат 60 x 84 1/16
Бумага газетная. Гарнитура Таймс Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,2 Уч. изд. л. 11,9.
Тираж 1000 экз. Зак 2009

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор Республики Беларусь
ОКРБ 007-98, 22.11.20.600.

Общественное объединение "Молодежное научное общество".
220004 г.Минск, ул. Короля, 16.
Лицензия ЛВ № 429 от 26 января 2000 года.

Отпечатано в УПКП «Могилевская областная укрупненная типография»
212030, г.Могилев, ул.Первомайская, 70. Лицензия ЛП № 96 от 30.12.1997.